

84(2Рос-Рус)6
К Р55

ОЛЕГ РИХТЕР

ЭХО ВРЕМЕНИ
ЭХО ВРЕМЕН

СБОРНИК
ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

О. Б. РИХТЕР

ЭХО ВРЕМЕНИ

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

КО

- 70163 -

г. Сургут
2001 г.

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

обяза-
тельный
экз.
ХМАО

К 84(2Рос = Руч) 6
Р 55

ISBN 5-93278-020-7

© О. Б. Рихтер, 2001

О. Б. Рухтер

О СЕБЕ

Я родился в 1933 году, 11 марта, в городе Ростове-на-Дону. Помню себя примерно с двухлетнего возраста, когда мой отец участвовал в строительстве железных дорог в Восточной Сибири. За три года наша семья успела пожить в Иркутске, Чите и Улан-Удэ, где родился мой брат Болеслав. В 1938 году мы вернулись в Ростов, и в это же время родилась сестра Ирина.

Моим воспитанием занималась мать. Благодаря ей я в пятилетнем возрасте научился читать, писать и освоил азы арифметики. Первой книгой, которую я прочитал самостоятельно, была «Кавказский пленник» Л.Н.Толстого. Любимой игрушкой, после посещения кукольного театра, стал для меня Петрушка, купленный отцом.

С семилетнего возраста я помню себя как отъявленного сорванца в ватаге друзей из нашего двора, которой верховодил. Я из кожи вон лез, чтобы быть авторитетом у детворы, даже спрыгнул с балкона второго этажа, приобретя на всю жизнь отметину на кисти правой руки. Побывал я и в глубоком колодце, после чего целый месяц пролежал весь в бинтах. Любила моя компания устраивать путешествия по железной дороге на пустых грузовых платформах, спрыгивая с них на ходу, добираясь потом до города два-три десятка километров, забредая на огороды и бахчи.

Еще мы увлекались стрельбой из лука, назвав окраинные заросли соседнего парка, где добывали исходные материалы, – «Великие Луки». Каждое лето, в жару и духоту, мы убегали на берег реки Дон, а зимою катались на коньках и лыжах. Иногда у нас возникали бои с ватагами соседних улиц.

Так продолжалось до тех пор, пока не началась Великая Отечественная война в 1941 году. Мы сразу как-то повзрослели. Бомбежки были частыми, почти каждый день. Все подвалы превратились в бомбоубежища, в парке, в рост человека, рылись траншеи, которые покрывались бревенчатым накатом и присыпались землей, на чердаках домов ставились бочки с водой и ящики с песком

Моя мать

для тушения пожаров от зажигательных бомб, стекла окон оклеивались матерчатymi лентами и снабжались темными шторами. В наш двор пришел представитель Осовиахима, обучил нас, ребяташек, премудростям противовоздушной обороны, в считанные секунды надевать противогаз, и вручил клещи с длинными ручками для захвата зажигательных бомб, которые сыпались с неба во время налета бомбардировщиков как горох.

С этого дня мы стали служить своему отечеству, бросая в бочки с водой зажигалки, и гасили огонь в местах возгорания на чердаке.

Немецкие захватчики приближались к Ростову. Моему отцу было поручено организовать народное ополчение для защиты города, и он все время проводил на Театральной площади, формируя отряды и обучая их основам военного дела.

И вот наступил день эвакуации населения. Наша семья покидала город на последнем железнодорожном составе из товарных вагонов. Каждый пульман набивался до отказа: стариками, женщинами, детьми, больными, роженицами. Внутри стоял затхлый воздух, гул и стоны, а снаружи разрывались бомбы, грохотали зенитки и прорезали небо строчки трассирующих пуль.

Так начинались наши мытарства. Будучи беженцами, мы побывали в Джульфе, Грозном, Кизляре, в Армении (Дилижане), в Астрахани и Орджоникидзе. Такое бродяжничество было связано со службой отца, который занимался восстановлением разрушенных железнодорожных путей, ведущих к фронту. Массы людей двигались нам навстречу, а мы продвигались к цели, избранной отцом в недалеком тылу. Приходилось также месяцами жить в кузове грузовика или в шалаше, устроенном на железнодорожной платформе с чугунными болванками.

Что особенно запомнилось в этот тяжелый период?

Не могу без наплыва теплых чувств не вспоминать отношение к нам армян в Дилижане, их радушный прием и проводы, когда чуть ли не со всей улицы сбежались люди к грузовику, снабдив нас в дорогу и продуктами, и всяким скарбом, необходимым в по-

Мой отец

Я с родителями

Дону, я пошел в пятый класс. Уже тогда у меня зародилась мечта стать литератором, но отец имел другие виды на мое будущее, и, по окончании мною семилетки, он «затолкал» послушного сына в Ростовский техникум железнодорожного транспорта, желая, чтобы я пошел по его стопам. Учился я вяло, еле-еле вытягивал на «троечки», пописывая стихи. Несколько стихотворений опубликовали газеты «Комсомолец» и «Гудок». Это придало мне бодрости и уверенности, но ненадолго. В то время обожаемый мною Есенин был запрещен, а я ощутил в себе склонность к лирике. Первое стихотворение в этом направлении понравилось редакции, но в публикации его отказали. Я махнул рукой и занялся спортом. Занятия боксом были мне необходимы из практических соображений, так как в Ростове процветало драчливое хулиганство. Добившись некоторых успехов, достаточных для того, чтобы уметь постоять за себя, я ушел из секции, сохранив в памяти весьма назидательный пример целеустремленности и мужества двух глухонемых братьев. Они, соблюдая тайну, построили в глухой местности за городом самолет и успели совершить на нем несколько полетов, лелея мечту стать летчиками, доказав всему миру, что немота и глухота – не препятствие для этого. Естественно, что самолет у них отобрали, но поступок остался жить в памяти многих людей.

ходной жизни. Запомнился еще голод в Астрахани, где люди падали и умирали от голода прямо на улицах. Живет в памяти и День Победы, которая застала нас в Орджоникидзе.

Кавказ произвел на меня неизгладимое впечатление. «Это двуглавый Казбек и Терек первый в душе отпечатали след», – написал я позже строчки в благодарность той красоте, которая побудила меня писать стихи.

Надо сказать, что за время войны я не отстал в учебе, так как родители позаботились об этом. Правда, пришлось сменить больше десятка школ. Я до сих пор храню ведомости успеваемости и грамоты, накопленные за те четыре года. Когда наша семья вернулась в Ростов-на-

Мне 18 лет

Может быть, именно это необычное событие толкнуло меня поступить в аэроклуб? Я поступил – и не пожалел. Ощущение полета несравнимо ни с чем. Голубое небо и живописные картины внизу – это ли не поэзия? Правду говорят, что душа человека крылата. Во сне она часто летает.

На четвертом курсе техникума я вдруг опомнился, словно очнувшись после летаргического сна: а как же мои «университеты» и мечты о литературном поприще? И я взялся за ум, пересдал все предметы за прошедшие три года, постарался не ударить в грязь лицом на четвертом курсе, и получил диплом с отличием, попав в число пятипро-

центников с правом поступления в любое высшее учебное заведение без экзаменов.

Но и тут отец вмешался в мою судьбу, уговаривая не обрывать на полпути образовательный процесс по строительной специальности, так как никогда не поздно потом продолжить учебу и в университете. Я подумал – и согласился с ним. Но, поступив в Ростовский инженерно-строительный институт, хорошенько постарался – и закончил его за два года и четыре месяца. Это в значительной степени повлияло на мою психологию и дальнейшую жизнь. Я понял, что самостоятельно могу добиться большего в познании любой науки, уплотнив время, нежели годами просиживать на ученической скамье. Кроме того, я остро стал ощущать нехватку жизненного опыта, необходимого для писательской профессии. Одно-го таланта для этого недостаточно.

Первым делом я добился через ЦК комсомола, чтобы с меня сняли бремя принудительной работы по путевке, и уехал осваивать целину. Моему устремлению способствовало то, что ростовскому тресту «Севкавтрансстрой» было поручено строительство железной дороги в районе освоения целинных и залежных земель Оренбургской области от станции Шильда, через районный центр Адамовку, в сторону Кустаная.

Особенности этого края красочно описаны А.С.Пушкиным в произведении «Капитанская дочка». Летом там стоит изнурительная жара, а зима отличается двухметровой толщиной снежного покрова и «розою» сильных ветров, образующих беспросветные бураны, при морозах до минус сорока градусов. Вот в такую круговерть я попал в декабре 1954 года, чудом преодолев пространство в 35 километров от станции до Адамовки.

Адамовка – не библейское название, а ведет свое начало от имени землемера Адамова. Площадь района чрезвычайно велика. На ее территории можно было бы разместить Францию, Германию и Италию, вместе взятые. В населенных пунктах, отстоящих друг от друга на сотню километров, проживали семьи ссыльных немцев и кулаков, но основное население составляли казахи. Все речки носили название на их языке. Например, Джарлы – в переводе означает «Бедные», а Уруски-Скен – «Русского зарежь», и т.д. В селениях процветала несусветная нищета и туберкулез. В лавках, кроме соевых бобов и черного хлеба, ничего не было. Хлеб изготавливался в помещении глиняной мазанки на большом металлическом листе с помощью паяльных ламп и представлял из себя сырую мякину. Люди жили в домах, представляющих собою подобие большого глиняного кома, в первой части которого держали скотину, а сами размещались во второй его части на дощатом настиле, застланном циновками или каким-нибудь тряпьем, на котором и ели, и спали, не имея мебели.

Во всем районном центре было всего четыре или пять деревянных зданий: это дом местных органов власти, клуб, недостроенная школа и новенький двухкомнатный домик на отшибе села, построенный для врача. Поскольку врач еще не приехал, мне отдали его во временное пользование.

Моя первоначальная миссия озвучивалась следующим образом в командировочном удостоверении: «Командируется для организации строительства железной дороги в Шильдо-Адамовском районе Оренбургской области». И это в мои-то еще желторотые годы! Я был похож на человека, не умеющего плавать, которого бросили в воду. Но местные отнеслись ко мне с великим почтением, я был для них что-то вроде инопланетянина. А тут еще, вслед за мной, прибыла бригада рабочих из пятнадцати человек, состоя-

ящая из людей, лишенных права проживания в городах своего отечества, обделенных средствами к существованию, голодных и плохо одетых. Пришлось мне выгрести из карманов остатки денег, чтобы они смогли купить хотя бы валенки.

Но я не унывал и разразился статьей в местной газетке, рассказав о предстоящем строительстве и пророча светлое будущее.

В то время, в двухстах километрах от нас, уже встал на ноги совхоз «Комсомольский». Я раздобыл тракторишко и, предпочитая замерзнуть в дикой заснеженной пустыне, нежели умереть со своим коллекти-

1 мая 1951 г.

вом от голода, отправился на промысел. Мне, безденежному попрошайке, повезло, и я вернулся героем, набив до отказа трактор всякими крупами и консервами. В результате этого я приобрел авторитет у своей братвы и мог рассчитывать на их дальнейшую поддержку, что и было на протяжении всего строительства, когда целину заповилили тысячи комсомольцев-добровольцев, в массе которых немало было и шпаны.

Несмотря на трудности и многочисленные заботы, именно целина дала мне новый толчок к писательству. Местная газета охотно печатала мою лирику, а у меня уже возникла потребность попробовать свои силы в написании рассказов. Так появились первые произведения, два из которых впервые публикуются в настоящем издании книги, как то: «Холостяк» и «В глуши».

Возможности интеллектуального общения в Адамовке были весьма ограничены. Вся интеллигенция состояла из нескольких человек – учителя, редактора газеты, доктора и милиционера.

Железная дорога была построена нами за одно лето. Тут мне очень пригодились знания по строительству мостов и промышленно-гражданских объектов.

Осенью 1955 года трест перебросил меня в город Краснодар, где я построил вокзал «Станичный», паровозовагоноремонтный завод, восстановил разрушенное в войну здание Отделения Северо-Кавказской железной дороги на привокзальной площади, там же построил пятиэтажный жилой дом и много других объектов. В то время строительные участки были очень крупными, начальником одного из которых я и был. Зона моей деятельности распространялась не только на сам город, но и на 300 километров вдоль линии железной дороги, включая объекты сельскохозяйственного значения.

Трест «Севкавтрансстрой», в системе которого я работал, входил в состав Министерства транспортного строительства, покинутого мною только в связи с уходом на пенсию.

В 1956 году отец соблазнил меня поехать с ним на остров Сахалин, по переводу министерства.

Чтобы обозреть всю Россию, мы решили ехать поездом, мимо Байкала до Владивостока, а далее плыть морем. Это было незабываемое путешествие, которое продолжалось пятнадцать дней. В дороге я написал стихотворение «Русь», ныне вошедшее в мою книгу «Россыпь».

Вначале на Сахалине я работал в городе Холмске, делал берегоукрепление, строил здание мореходного училища, жилье, а главное – положил начало строительству паромной переправы Ванино–Холмск. Затем трест «Сахалинморстрой» перевел меня в Южно-Сахалинск, где, проработав непродолжительное время начальни-

ком участка, стал начальником производственного отдела треста. В его аппарате только я знал и имел опыт железнодорожного строительства, в связи с чем значительное время проводил на строительстве железной дороги Победино–Ныш, связывающей южную и северную части острова.

Не помню, что послужило причиной, но вдруг я занялся изобретательством новых конструкций фундаментов для многоэтажных зданий, добиваясь их экономичности и стойкости в зоне сейсмике, где землетрясения по шкале Рихтера доходили до семи баллов. В 1959 году я опубликовал в союзном журнале «Транспортное строительство» свою работу по рамным фундаментам с фотографиями опытных образцов, изготовленных на строительной площадке. Кроме того, я придумал конструкцию «гибких фундаментов», способных сопротивляться сейсмическим нагрузкам, согласовал ее с проектным институтом в Хабаровске и построил на них два здания: пятиэтажный жилой дом и четырехэтажную пристройку к школе. Слава богу, здания простояли уже сорок лет.

Отпуск за пять лет непрерывной работы, семь месяцев, я провел в Москве, в методическом кабинете Академии строительства, продолжая работу над расчетами фундаментов. Мой автореферат получил в Академии высокую оценку, я получил множество писем из проектных и научно-исследовательских институтов, прямо на стройке меня посетили председатель облисполкома и секретарь обкома партии, вручив грамоту. Я был так же доволен, как и при награждении меня знаком ЦК комсомола «За освоение целинных и залежных земель».

Мой труд даром не пропал. Вначале рамные фундаменты были применены на Украине, а затем были включены Госстроем СССР в строительные нормы и правила проектирования.

Иная судьба постигла мое изобретение совсем в другой области. Я разработал конструкцию двигателя внутреннего сгорания роторного типа, но Комитет по делам изобретений и открытий «отфутболил» меня, известив, что на аналогичные двигатели уже выдавались патенты: в 1902 году в России, в 1911 году в Германии. Я не был согласен, но бороться не стал. К периоду шестидесятых годов в мире было выдано тринадцать патентов на двигатели роторного типа, но ни один из них себя не оправдал. Даже с двигателем Ванкеля в Германии и Японии возятся уже не один десяток лет, выпустили несколько серий опытных автомобилей, но широкого применения он не получил: не смогли добиться необходимой компрессии. В моем варианте этот недостаток был учтен.

Желая от всего отвлечься и отдохнуть, я съездил туристом в Германию и Чехословакию. Установив правило отдыхать каждый год, я стал ездить на Кавказ, в Теберду и Домбай, откуда ходил

Жена

пешком до Сухуми через Клухорский перевал главного Кавказского хребта, чтобы искупаться в Черном море. В этот период я написал серию стихов кавказской тематики и сахалинской.

В 1966 году министерство перевело меня в Заполярье, в город Мурманск, на должность заместителя управляющего трестом «Мурманскморстрой», где я проработал 11 лет, участвуя в строительстве судоремонтного завода, торгового и рыбного портов, базы атомного ледокольного флота, базы атомных подводных лодок в Североморске и пр.

В Мурманске я написал много стихов, ощутив в себе некий поэтический всплеск души. Я женился на Галине Александровне, с которой живу уже более тридцати лет. Она помогает мне в моем творчестве, является первым читателем и критиком, очень хорошо умеет готовить любые блюда, в доме всегда чистота и порядок, заботлива, щедра, очень любит всех родственников, а особенно внушек, любит писать длинные письма, говорлива, читает много литературы, как муравей скрупулезно трудится на дачных грядках со мною в паре. Но последнее – это уже в Западной Сибири, в городе Сургуте, куда мы переехали в 1977 году.

В Сибирь меня направило министерство с выходом Постановления Правительства «О развитии нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири», поручив создать трест «Запсибгидрострой» и построить речные порты в Нижневартовске, Сергино, Надыме, Уренгое, Ямбурге, а также, помимо Тюменской области, в Александровске и Стрежевом, куда часто навещался первый секретарь Томского обкома партии Егор Кузьмич Лигачев. Всякий раз от него поступал звонок, и я на служебном катере плыл по Оби на рандеву за триста миль. Там, в фешенебельном особняке, мы пили чай из самовара и обсуждали ход строительства причалов.

В Сургуте я стал писать рассказы и новеллы, публикуя их в периодических изданиях города и области, общался с творческим людом, учредил собственное книжное издательство, выпускал журнал «Литературный Сургут», кое-какие газеты и брошюры, но через пять лет издательство ликвидировал из-за нерентабельности. В 1997 году в Петербурге вышла моя книга «Россыпь» – сборник избранной поэзии и прозы. Эта книга – «Эхо времен» – является ее продолжением. В настоящее время заканчиваю писать первую книгу исторического романа-версии «Сказание о Ермаке» под

*Прадед
по линии отца*

*Дедушка
по линии отца*

Отец

названием «Лихолетье». Мой преемник, управляющий трестом «Запсибгидрострой» Виктор Гончаров, помогает мне в издательстве книг, обеспечивая финансирование.

Теперь о моей родословной.

Прадед по линии отца был литовцем, а женат на польке. Прапрадед был одним из участников восстания в Литве, из которой бежал в Германию, и принял фамилию Рихтер. Мой дед, проживая в России, пошел по пути военной карьеры и дослужился до чина полковника. Во время военной кампании на Кавказе ему приглянулась юная красавица из старинного осетинского рода Хадарцевых, которую он взял себе в жены. В 1903 году в Кобрине родился мой отец. Сначала семья переехала в Брест-Литовск, а затем в Санкт-Петербург.

Деда крепко связывала дружба с командующим русской армией Бонч-Бруевичем, ставшим впоследствии командующим Красной Армией, благодаря родному брату, соратнику Ленина.

Уходя на войну с Германией, дед посадил на колени десятилетнего сына и сказал: «На войне может случиться всякое. Поэтому запомни мои слова, Борис: главное для настоящего человека – это родина, на втором месте – мать, а уже на третьем – жена».

Во время Брусиловского наступления в 1914 году дед погиб.

Отец рано стал проявлять самостоятельность, симпатизировал революции и приобрел в среде аристократической молодежи гимназии клеймо отщепенца.

Достигнув соответствующего возраста, отец пошел служить в качестве матроса на один из кораблей Балтийского флота. Закалившись физически и духовно, он приобрел авторитет и был взят в органы ЧК.

Шла гражданская война, в стране царили разруха и голод, вспыхивали мятежи. Отцу поручили доставку по железной дороге хлеба в голодающие Петроград и Моск-

Дедушка по линии отца

Бабушка по линии отца

*Дедушка и бабушка
по линии матери*

*Дед
по линии матери*

Тетка отца

ву, что было связано со многими опасными приключениями. Затем отца направляют в Ингушетию и Чечню локализовать зарождающийся очаг мятежа, который готовила графиня Герцен-Виц. Вскоре отец вошел в состав комитета заговорщиков. В результате мятеж был подавлен за несколько часов до назначенного времени.

Выполнял отец и другие особые поручения ЧК. Закончив юридический факультет, отец стал работать следователем прокуратуры по особо важным делам, читал лекции в Московском университете для будущих прокуроров России, но вскоре попал в волну репрессий, был исключен из партии и чудом остался жив.

После этого он приобретает высшее экономическое образование и начинает работать в системе Министерства путей сообщения на строительстве железных дорог. Умер он в 1987 году в возрасте 84-х лет, в Ростове-на-Дону.

Моя мать, родом из Кизляра, родилась четырнадцатым ребенком в крестьянской семье. В последующем ее отец стал заводчиком. После замужества мать не работала, отдавая себя полностью воспитанию детей. Она и отец прожили вместе более пятидесяти лет. Как и отец, она умерла в возрасте 84-х лет, пережив его всего на три года.

Такова, коротко, моя родословная.

Национальность – русский, избрана мною по материнской линии, так как иных языков не знаю, а по духу – россиянин.

Олег Рихтер

стyxu

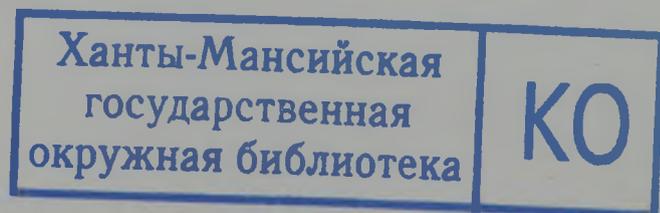
1950—2001

ПРОЛОГ

Нас время не щадит,
Но мироощущенье
С годами глубже,
А душа добрей.

Мы философствуем,
Вникая в смысл рожденья,
В сомнениях ищем
Путь предназначенья,
Стыдясь растраты
Драгоценных дней.

- 70163 -

РОДИНА

**Планета – дом,
а Родина – душа**

Как много дней,
Как много долгих лет
Я все мечтал,
И все куда-то рвался.

И до сих пор –
Неизгладимый след
Немысленных надежд
В душе моей остался.

Родина

Иду по дороге –
Горячей, седой.
Вдали улыбается
Лес молодой,
Луга заливные
По самую грудь,
Стога золотые
Зовут отдохнуть.

Эх, красавица моя,
Эх, раздольная моя,
Эх, привольная моя –
Родина моя!

Взошел на курган –
Подо мною река.
Плывут далеко
В глубине облака.
Сырой ветерок
Меня в щеку лизнул,
С крутого обрыва
Я в небо нырнул.

Эх, красавица моя,
Эх, раздольная моя,
Эх, привольная моя –
Родина моя!

***

Сибирью Русь глаза мои открыла,
Души ее я вижу широту,
Суровый лик, хранящий красоту,
И богатырскую недюжинную силу.

Величье кедрачей, багульника дурман,
И белок грациозные движенья –
Все здесь в душе рождает наслажденье,
И вся Сибирь поет как океан.

Сюда несет Иртыш седые воды,
Раздвинув кручи обских берегов.
Тут находили отчий дом и кров
Гонимые кочевником народы.

Тут изгнан был Кучум из Кишлака –
И русский царь богаче стал Сибирью,
И стала Русь своей гордиться ширью,
Добытою рукою Ермака.

Парит тут дух лихого атамана
Над всей тайгой, над пиками вершин.
Под говорок трепещущих осин
Он носится по древнему урману.

***

Если б с детства меня
Не пленяла Земля,
Удивляя своею красой, –
Это был бы не я...
Да, конечно, не я!
Это был бы другой.

Если б сердце мое
Не манили края,
Завлекая своей новизной, –
Это был бы не я...
Да, конечно, не я!
Это был бы другой.

Если б бури в пути
Испугали меня,
Вспять отбросив жестокой рукой, –
Это был бы не я...
Да, конечно, не я!
Это был бы другой.

Перемены

Люблю писать стихи хореем,
И ямб – мой постоянный друг.
Пишу, как отроду умею,
Тем украшая свой досуг.

Идут в России перемены
В разгуле всяких склок и ссор.
Отстрел российских бизнесменов
Стал как естественный отбор.

Настал период всяких мафий –
Эпохе рыночной под стать.
И не хорей, а амфибрахий
Я собираюсь применять.

Планетарная мечта

Друзья, ведь жизнь не райский сад,
Она в заботах и в работе.
Когда вам стукнет пятьдесят,
Вы очень многое поймете.

Не правит миром Красота,
Любовь скупится на Спасенье.
Все – суета да маята,
Да ожиданье и терпенье.

На всей планете – чехарда,
Бытуют вопли и проклятья.
У всех единая беда –
Отсутствие рукопожатья.

Лишь время может все решить.
Таков закон, – уж вы поверьте.
Нас будут мять, душить и бить,
А мы – сопротивляться смерти.

Но миг прозрения придет!
Однажды, Краха убоявшись,
Всемирный Ум взломает лед.

Мечтать не вредно-
Вдруг народ –
Проснется, дружески обнявшись.

Думка Люцифера

За пограничем божьих сфер,
В своей обители угрюмой,
Изгнанник Бога – Люцифер –
Объят был мстительною думой.

Он, падший Ангел, главный Бес,
Не кланчил божьего прощенья.
Он, рода знатного небес,
Теперь горел желаньем мщенья.

Избрал он вотчиной своей
Пространство околоземное,
Где души падшие людей
Не могут обрести покоя,

Где только слезы и нытье,
И жажда перевоплощенья,
Где воплощенье в бытие
Идет по божьему веленью.

Вот тут он сможет отомстить,
Спалив огнем все души разом,
А на планете всей взрастить
Тлетворный Сатанинский Разум.

Он хочет Властелином стать,
Меняя веру на реальность,
И войско душ скомплектовать,
В обмен даруя гениальность.

Его посланцы – там и тут –
Под лживым лозунгом свободы
Речами жаркими начнут
Ввергать в безумие народы.

И Землю поглотит война,
И будет править Сатана,
И станет Он Главою сфер, –

Об этом думал Люцифер.

Вера

По всевышнему раскладу,
И по божьему веленью –
Нам дарована отрада,
От небес благословенье.

Суть природы – Высший Разум,
А не хаос и разруха.
Сгинет в вечности маразм –
Злейший враг Святого Духа.

Исчерпает время злобу, –
Есть всему закон и мера.
Вопреки страстям утробы –
Победят любовь и вера.

Ностальгия

Последний час оттикали часы,
И век ушел,
И век пришел другой.
Колеблются сомнения весы,
И на пороге топчется изгой...

Что было – поросло уже былем,
И слышен лишь хронометра отсчет...
Двадцатый век –
Был сумрачным жильем,
Но сердце –
В нем по-прежнему живет.

Дороги

Бегут по рельсам поезда,
Стучат колеса...
Горит зеленая звезда –
И нет вопроса!

Летит вперед локомотив,
Простор верстая,
Но не свернуть ему с пути –
Судьба такая.

Он прибывает на вокзал,
И вновь в дорогу.
А до конечной добежал –
И слава Богу!

У человека все не так –
Стезя иная.
В его пути – перекосяк,
А не прямая.

Он часто смыслу вопреки
Штурмует горы,
И чаще ловит тупики,
Чем поезд скорый.

Он не приемлет то, что ждет
На той... конечной...
И по зигзагам прет вперед
С мечтой о вечном.

Зимушка

Ах ты, зимушка-зима, –
Диво искрометное!
Сводишь ты меня с ума
Буйными заметами.

Ты несешься по стерне,
Как змея хвостатая,
Снег в окно бросаешь мне –
Будто бы лопатою.

Знаю, с ветром ты дружна
В страсти песнопенья.
Ты мне, зимушка, нужна
Для успокоенья.

Твоей вьюжной кутерьме –
Я сторонник рьяный,
Так как раненой земле
Ты бинтуешь раны.

В зимнем лесу

Хлесткий ветер выбивает слезы,
Злобствует разбойница пурга...
Эх, крепки сибирские морозы!
Ох и глубоки сибирские снега!

В рыхлый снег зарылись куропатки,
Замерли в ветвях тетерева.
Хвойный дух, дурманящий и сладкий, –
От него кружится голова.

Кое-где попискивает птаха,
Стонет лес на разные лады,
Бродит по урману росомаха,
Оставляя грозные следы.

Спит медведь под старым корневищем
В богатырском беззаботном сне,
Над его берлогой ветер свищет,
Будто бы тоскует по весне.

В переметах тропки да дорожки,
Но влечет неведомость меня.
По замысловатой заячьей стежке
Пролегла глубокая лыжня.

***

Оскалив пасть,
Волк заслонил волчицу...
Вздымаясь, дышит преданная грудь...
В пяти шагах мерцает ствол убийцы.
Жестокие глаза –
Холодные, как ртуть.

И грохнул выстрел...
Кровью снег багрится.
Волк на спине – убитый наповал.
Но месть жива...
И в воздухе – волчица!
И горло изверга достал ее оскал.

Распадок. Заполярье

Протока. О. Сахалин

***

Удивительно в апреле:
То морозы и метели,
То захлюпает вода –
Вот такая ерунда!

Не сдастся Север Югу –
Вот и все идет по кругу:
То звенящая капель,
То поющая метель.

Но и мыслить надо здраво:
У Сибири это право
Не купить и не отнять –
Это надобно понять!

С этим следует смириться:
Бес немного порезвится,
Грянет майская гроза –
И закончится буза!

А кому такое дело
Нестерпимо надоело,
Предлагаю мудрый план –
Сесть скорей в аэроплан!

***

Когда из мрачных туч
На склоны пестрых сопок
Проглянет солнца луч,
Развев сумрак круч
И живописных тропок,

Когда блистает лес
Предутренней росой,
И только синь небес
Пронзает этот лес
Своей голубизною,

Когда напев ручья
К нему свернуть заставит
И, радуя меня,
Просторы бытия
Незримый птичик славит –

Покой и тишина
Тогда в груди моей,
И словно после сна –
Душа моя ясна,
И мыслится бодрей,

И постигаю я
Земное назначенье,
И мудрость бытия,
Возрадуя меня,
Приводит в восхищенье!

Майская весна

Зацвела весна
в дорогом краю.
Ласковая мать
нянчает дитя.
Рук ее тепло
с болью узнаю...
Мать, прижми к груди
голову мою!

Шелести листвой,
майская весна,
давнюю тоску
в сердце не буди.
Многих у меня
отняла война...
Позади беда –
что же впереди?

Озарение

Духовный остов видимых начал,
Божественность невидимых явлений –
Я в книге звезд случайно прочитал,
Проникнув в суть внезапных озарений.

Гармония – взаимосвязь всего,
Секретный код бескрайнего пространства.
Где пустота, где нету ничего –
Там есть число – таинство постоянства.

Там нет нуля, там мысль не во плоти,
Там управляет сутью единица.
Познавшим ряд до цифры девяти
Начертано стать космоса частицей.

Наитье

Я поддаюсь минутному наитью.
Отчаянье, как лодка без руля.
Неотвратима суть кровопролитья,
Которому потворствует Земля.

Она грозна, она неумолима –
И вопиет, и стонет бранный мир.
Земля пульсирует и кровью одержима,
Как ненасытный космоса вампир.

Ругать купель, быть может, непристойно
Пред ясным взором плачущих икон.
Но как простить губительные войны
С древнейших лет до нынешних времен?

Горьки в красе родительские веси,
И как бы не была могилка хороша –
Стремится ввысь, в благое сверхнебесье
Преображенная душа.

Призрак

Мир гнетет консервативность,
Мозговая кутерьма.
Деструктивная активность
Претит уровню ума.

Где пощупал – там реальность.
Остальное – бред и «дичь».
Потому паранормальность
Нет способности постичь.

В чем секрет людского рода?
Где не правит Сатана?
Что же щедрая природа
Не ответит нам сполна?

Есть цвета, пейзажей краски,
Есть и музыки краса...
Чудеса рождают сказки,
А не сказки – чудеса!

Разве сон – не вещий признак
Внеземного бытия?
Вижу: ввысь вознесся призрак,
И витает... Это – Я.

Неотвратимое

Дорогой шаткой, круговой
Гуляет по небу Луна.
Она одною стороною
Всегда к Земле обращена.

Но для чего, но почему
Ей однобокость суждена?
А для того, а потому,
Чтоб мы читали письма.

Когда разгадан будет код –
Как можно выжить без Луны,
Она навек от нас уйдет.
На это мы обречены!

Гражданин

Не льет вокруг себя ушаты грязи
Приверженный отчизне гражданин.
А тот, кто льет, он – не отчизны сын,
Он, сукин сын, из грязи метит в князи.

Приверженный отчизне гражданин
Способствует ее благополучью.
А тот, кто проявил натуру сучью,
Хулит отчизну, – тот уже не сын.

Приверженный отчизне гражданин –
Патриотичен, но не фанатичен,
И от других, по сути, не отличен.
Он – Родины батрак и господин.

***

Есть диво – это ночь!
Она полна таинства:
Улыбок, жестов, скрытой суеты.
Борьба враждебных сил,
Стремление к единству –
Выходят на просторы темноты.

Рождает ночь
Страстей лихую прихоть.
Наверно, так уже заведено –
Порывы скрытых сил
Нащупывают выход,
И то, что скрыто днем,
В ночи обнажено.

В сияньи дня –
Любой из нас прохожий.
Под маскою забот –
Черты добра и зла.
Но, черт возьми,
Как люди непохожи,
Когда наш бранный мир
Окутывает мгла!

Экстаз

Я счастлив глубоко –
И все вокруг прекрасно;
И мне легко-легко,
И на душе так ясно.

Я понял, я постиг
Природы совершенство,
И в этот самый миг
Почувствовал блаженство.

Бескрайно, далеко
Лежит земля богата –
И мне легко-легко,
И так душа крылата.

Вот ветер... и слеза...
Взволнованные дали...
И нежные глаза
Вдруг рядом просияли...

Эх, поле велико!
В цветах я утопаю!
И мне легко-легко,
Как будто я летаю.

Простор мой голубой,
Певучья в небе птица,
Природа – я с тобой
Хочу в едино слиться!

Поэт

На берегу поэт сидел
И вдаль глядел, и песни пел
О том, что одинок.

Минуя крепи тростника,
Бежала бурная река
И пенилась у ног.

И вдруг из маревой дали,
Где тихо дремлют ковыли,
Ответил голосок.

Поэт, безумствуя, встает,
Вступает в холод буйных вод –
На голос тот спешит.

Но труден и опасен путь...
И волны ударяют в грудь –
И он волною сбит...

С тех пор тот берег тих и дик,
Не слышит пения тростник –
Поэт на дне лежит.

Рождественская ночь

Эта ночь подружилась с метелью,
В дикой пляске беснуется вьюга,
Воет, плачет безумная вьюга,
Вихри кружат снега каруселью.

Но метель мне совсем не помеха,
Город тонет в таинственном мраке,
И шары фонарей в этом мраке,
Как надежные, верные вехи.

Мягкий свет отовсюду струится,
На снегу загораются звезды,
Голубые и желтые звезды,
Запорошили звезды ресницы.

Захватило вдруг сердце веселье,
В рыхлый снег мое тело бросает,
С ног сбивает и снова бросает –
Не вино, а иное похмелье.

Упаду и замру на мгновенье,
Словно в мягкой пуховой постели,
В этой снежной, холодной постели –
Только миг – вот и все наслажденье.

Вдруг поплыли откуда-то звуки –
Сладострастное, нежное танго,
До страдания нежное танго,
Вызывая забытые муки.

Я присел на крыльцо, отдыхаю,
И мечтаю смешно и по-детски –
Фантазирую – вот, и по-детски
Невозможное в мыслях желаю.

Но внезапно захлопали двери,
На крыльцо повылазили маски,
Все чудные какие-то маски,
Все какие-то черти да звери.

Завизжали, задали заботу,
Заывают как будто бы в гости.
Хорошо и случайным быть гостем –
Только в дом заходить неохота.

И иду, подгоняемый вьюгой,
Восторгаясь холодным объятьям,
Словно самым желанным объятьям
С дорогою, желанной подругой.

***

Над деревней месяц бродит, –
Знать, бродить ему не лень.
Во саду ли, в огороде –
Зацепился за плетень...

Он – бродяга звездной дали –
В кринку плюхнулся на дно...
Вдруг коровы замычали, –
Значит, так заведено.

Забрехала рать цепная,
Заскулила так и сяк.
Что поделать – раз такая
Работенка у собак.

Загудела вся округа...
Но мертвецки спит народ.
Только Ванька с перепугу
Прыгнул с Манькой в огород.

Что случилось в самом деле?
В чем причина для тревог?
Ба! Скандал! ПРИШЕЛЬЦЫ съели
Золотой на небе рог.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

Записаны со слов Пряхиной Александры Андреевны в станице Хомутовка Кагальницкого района.

Обработано в г. Ростове-на-Дону.

Проведение бала

Собираются девушки. Танцуют под гармонь, пока не приведут невесту. Приводят невесту и сажают в святом углу. Невеста окружена шаферами и дружками. Начинают петь:

Собрала Любочка вечерочек,
Собрала девочек на часочек.
«Гуляйте вы, девушки, гуляйте,
Да про меня, Любочку, вспоминайте».

А девочки на балу гуляли,
Да про Любочку все вспоминали.
А как с балу поуходили –
Так про Любочку и позабыли.

***

А гора, гора – горами.
Приубита дорожечка.
А кто эту дорожечку приубил?
Хорошенький Васечка приубил, –
К теще Васечка ходил.
А за то его тещица полюбила,
Да хорошую Любочку подарила.

***

Ехал Васечка по ярочку,
Развевались кудрочки по лобочку.
Люди спрашивают:
«Как его звать?»
Обозвалась Любочка:
«Не вам знать!»
Люди спрашивают:
«Чей такой?»
Обозвалась Любочка:
«Жених мой!»

***

А у месяца золотые рожки.
Посадили Любочку в дрожки.
Повезли Любочку венчаться,
С Васечкой кольцами обручаться.
Кольцами обручаться,
С Васечкой заручаться.

***

А шли девочки да гуляли,
Да розочку потеряли,
А розочка восковая,
А Любочка молодая.
А розочка расцветенная,
А Любочка сговоренная.

***

А ты, Любочка, не сиди,
Ты в окошечко погляди –
Чи высоко солнышко на дворе,
Чи хорош наш Васечка
На белом коне?

«Хорош, хорош, маменька.
Лучше всех!
Да повесил головушку
Ниже всех,
Да задумал думочку думовую,
Что засватал Любочку молодую».

***

Рассевала Любочка да лен, лен,
Выгоняла подружечек вон, вон.
А зачем было созывати,
Когда вон выгоняти?

А чем наш Васечка не молодец?
Прискакал он к Любочке на крылец.
А Любочка окошечко подняла
И Васечке шапочку подала.

***

Говорят, что сваты богаты,
Что у них добра много,
Что у них и коней много.
А сваты пешком шли,
Жениха в мешке несли.
Мешок оборвался –
Жених потерялся.

Люди шли по дорожечке –
Нашли Васю в рогожечке.
Мы думали – он потерялся,
А он у Любочки да остался.

***

Ай, вы, девочки, уходите,
Зеленого винограда не ломите.
Зеленый виноград сам попрос.
Куда нашу Любочку Бог понес?

Да понес он ее с высоты
Ее девичьей красоты.

***

А, милая Любочка, жаль нам тебе.
Созвала ты нас всех к себе.
Разлука наша с тобою –
Как с дорогой сестрою.

***

Ах, маменька моя,
Да теперь я не твоя, –
Теперь того стала,
С кем в церкви стояла.
Да стояла с ним под венцом,
Да чесала косочку гребенцом,
Да примаживала росую,
Удивляя красою.

***

– А где ты, Любочка, убираешься?
– Убираюсь, маменька, в дорогу.
Дай мне, родная, подмогу:
Семьсот казаков верховых,
Две колясочки почтовых,
Да две подружечки молодых.

А месяц дороженьку просветил,
Да братец сестрицу проводил.
Да вот тебе, сестрица, дороженька,
Да езжай от меня здоровая,
Как вода покатая,
Как земля богатая.

***

А у Любочки братья татары,
А у Любочки татары.
Братья Любочку променяли
За два золотого
От Васечки молодого.

ЛИРИКА

Спой, моя хорошая

Спой, моя хорошая,
Спой, моя прекрасная,
Спой, как мы встречали
Вместе зори ясные.

Спой про звезды яркие,
Что над нами были,
И про тучки белые,
Что по небу плыли.

Про луну – подружку
Вечно молодую,
И скамейку нашу,
Что в саду пустует.

Спой, моя хорошая,
Спой мне, как бывало, –
Ты ведь напевала
Песенок немало.

Песенка хорошая
Западает в душу.
Спой, моя прекрасная,
Я тебя послушаю.

Моя жена

Моя жена

*Галине Александровне,
моей жене*

В пути

Начался день, как новая страница,
Как новый, непрочитанный рассказ.
Он промелькнет и вновь не повторится,
Но будут жить воспоминанья в нас.

Оставит он случайные приметы,
Коснется новых задушевных струн.
С утра мы думаем об азиатском лете,
Гостеприимстве азиатских лун.

Нас поезд мчит по мареву полями,
Мелькают деревушки за окном.
А мы глядим, и говорим о маме,
И думаем о близком и родном.

Покой нам только снится.
А. Блок

Моей жене

Идут дожди, осенние дожди...
Шумят и монотонно, и устало.
А я взволнован: у меня в груди –
Как будто бы струна затрепетала.

Во мне приток непостижимых сил.
Я ждал покой, – покой мне только снился!
Напрасно думалось, что я уже остыл.
Понадобился миг, чтоб я преобразился.

И небо серое – мне всех небес милей,
О голубом – я думаю построже.
А потому, что у любви моей
Глаза на это небо не похожи.

Пробуждение

Апрель на исходе,
Но падает снег,
На талых дорожках пороша...
Во всем замечаю весенний разбег
И дней приближенье хороших.

Сечь ветра
Умерила злобную прыть,
Теплом неожиданным веет...
И май развернул
Путеводную нить,
Меня устремляя за нею.

Но май – полустанок
С гремучим ручьем,
С приветным кивком опухалок...
Ему помашу,
Промелькнув за лучом
Июньского знойного жала.

Июнь – это лоно,
Перина для нег,
Любви затаенной обитель...
Туда направляет
Безудержный бег
Живущий мечтой небожитель.

Лечу, как во сне,
Сотни верст до небес –
К сиянию дивного платья...
Мне снится – я умер зимой,
А воскрес – в июне,
В горячих объятьях.

***

Дни мгновенны, скоротечны,
Если милая со мною.
Не беда, что мы беспечно
Подружились с трын-травой.

Слово, взгляд – таят значенье,
Лечат душу от недуга.
Это счастье – по теченью
Плыть в неведомое с другом.

Дни такие стоят жизни, –
Ведь они неповторимы, –
И навстречу укоризне
Смотрим мы неумолимо.

Есть одна печаль – разлука.
В ней все чувства безответны.
Я протягиваю руки...
Я зову тебя...
Но – тщетно!

***

Я знаю, любимая, знаю –
Мы сможем с тобою сберечь
Весну обретенного рая
В тоске ожидания встреч.

Терпенье, родная, терпенье,
Хотя и не терпится ждать,
Как части разорванной тени –
Мы скоро сольемся опять.

Ты слушай, желанная, слушай,
Дождавшись полночной тиши,
Как нежно вливается в душу
Тепло от любимой души.

Все ближе, любимая, ближе –
Наш день воплощенной мечты.
И, словно в тумане, я вижу –
Ко мне приближаешься ты.

***

Догорал костер скупыми искрами,
Угасая в затишьи ночной..
Я, наверное, до глупости был искренен,
По-ребячески ревнивый и смешной.

Ты косилась на меня украдкой,
И была насмешлива слегка.
Мне казалось скверным все и шатким,
Ненадежною твоя рука.

Есть такие, видимо, мгновенья,
Когда слепость трудно превозмочь –
И стихов тяжелые каменя
Я бросал в разбуженную ночь.

Лес молчал,
Угрюмы были ели –
Мне в укор, что я несправедлив.
Я опомнился..
Мы снова рядом сели,
Снова рук тепло соединив.

***

Ветер весенний, –
Пылкий и нежный, –
Только коснулся
Поверхности снежной.

Вздохами робкими,
Теплым дыханием
Ветер напомнил
О первом свидании.

Вспомнились ландыши
В поле цветистом,
Дивная копна
Волос золотистых.

В чудных глазах
Синева незабудок,
Та, что тревожит,
Туманит рассудок.

И, засыпая,
Томительной ночью –
Вижу бездонные
Синие очи.

Снятся мне ландыши
В поле цветистом,
Чудится запах
Волос золотистых.

Девчонке

Средь блеска позолоты и зеркал,
Под звуки сладострастные танго,
Когда с тобой, девчонка, танцевал,
Когда твой стан рукою обнимал –
Слыхала ль ты стук сердца моего?

Наш пароход носило по волнам,
И пол уйти стремился из-под ног,
И весело от качки было нам,
Но по лицу и по моим глазам –
Заметила ли ты безудержный восторг?

Твой милый взор навстречу мне сиял,
Улыбка незабвенная твоя,
С прекрасных глаз я взгляда не спускал,
И никого вокруг не замечал –
Заметила ли ты, что очарован я?

Но вот и берег – я судьбу молю!
А ты сбежала с трапа налегке,
Ты оглянулась в сторону мою,
Но не слыхала: «Я тебя люблю» –
Заметила ли хоть слезинку на щеке?

***

Печально и, пожалуй, странно –
Не дорожить текущим днем.
Мы, словно в облаке туманном,
Никак друг друга не найдем.

И думать горько и обидно,
Что впереди так мало лет,
И что в тумане том не видно –
Горит ли путеводный свет?

Уже седин и черт усталость
Приумножаем с каждым днем.
Но не поймем, что нам осталось –
Такая малость! Не поймем...

Пройдут еще года, промчатся,
И, с глаз смахнув покровы тьмы,
Слезами станем обливаться, –
Как мало жизнь ценили мы!

Моей жене, Галине Александровне

***

Чувства весьма таинственны,
Их бездны не всякий познал.
Желанной моей, единственной,
Как дьяволу душу отдал.

Пустые влеченья, мгновенные,
Как пыль налетают извне...
Но только одна, неизменная,
До смерти – желанная мне.

1971

***

В буднях казался весь мир уменьшенным,
Тоскою и грустью по горло был сыт.
Но вдруг появилась красивая женщина,
Которая рядом спит...

Тоска забыта, и грусть иная,
И мир стал шире – совсем иной.
Ты спи спокойно, моя дорогая.
Мне в этом мире не надо другой.

***

Отчего весенний цвет
Зарябил в глазах как снег?
Отчего тоскою лет
Разрывает сердце в смех?

Было прошлое – и нет,
Смыла горькая слеза.
И лучат навстречу свет
Только серые глаза.

Шелком стелется трава,
Серебром в глаза рябит.
Не моя ли голова
На груди любимой спит?

Слез ли влага, или рос –
На лицо упала мне?
Тонким запахом волос
Упиваюсь я во сне.

Весною

Уже в полях растаяли снега
И озерки заманчиво светлеют, –
Меня влечет на мокрые луга
Надежда повидаться с нею.

И вот она!
С полуоткрытым ртом,
Раскинув руки,
Полной грудью дышит,
А с поля веет тонким холодком,
И легонькое платьице колышет.

И я взволнован...
Я в тревоге:
«Не простынь!
Ах, как ты безрассудна, дорогая!»
Она смеется, смотрит в неба синь,
И радуется журавлиной стае.

Я тоже радуюсь,
В глаза ее смотрю,
И стан ее девичий обнимаю,
И все о чем-то нежно говорю,
И трепетно чего-то ожидаю...

***

За стеною беснуются вьюги,
За окном беспросветная мгла.
Я один – и тоска по подруге,
Ох, как тяжело на сердце легла.

Мне мерещатся стоны и крики
Из заснеженных диких степей,
В окнах чудятся странные лики,
Снега скрип у избенки моей.

И надежда на встречу с любимой
Вдруг в смятеньи уносится прочь.
«Ох, не быть мне с подругою милой,
Ох, не кончится темная ночь!»

Но развеялись вьюжные тучи,
Мгла ночная ушла за плетень, –
И воскрес, и пришел неминуемый
Яркий, радостный, солнечный день!

И спешу я во двор занесенный,
Запрягаю гнедого коня,
И на почту лечу окрыленный –
Там письмо заждалося меня...

1955

с. Адамовка

***

Брожу один вдоль улиц темных,
Тоскую в полуночной тишине,
А от калиток шепот любовный
Урывками доносится ко мне.
Кого ищу?
На что надеюсь тайно?
Зачем как неприкаянный хожу?
И почему в волнении нечаянном
Я мимо незнакомки прохожу?
И почему глаза ее большие,
Таинственно блеснувшие во тьме,
Бредят во мне желания былые,
Былые дни напоминают мне?
Я знаю – не вернуть того, что было, –
Но все-таки брожу,
Надеюсь: «Может быть...»
Мгновенья чудные душа не позабыла,
И жаждует их снова повторить.

***

Я помню чудное сиянье
Восторженной любви твоей,
Нетерпеливые свиданья
И до полуночи прощанья
В интимной пустоте аллей.

Любила ты до исступленья,
До слез, до жажды умереть...
Твое волшебное влеченье,
Казалось, век должно гореть.

Но вот года, года промчались...
В любви остепенилась ты,
И незаметно примелькались
Тебе и чувства, и мечты.

И нет уже былых порывов,
Как будто смел их злобный рок.
И оттого мне так уныло,
И оттого я одинок...

***

Снова волны плещутся у ног,
И закат, как прежде, догорает...
Сердце в ожиданьи замирает,
Но, увы, теперь я одинок.
Не сидит она на камне рядом,
Радуюсь взбегающей волне,
Прижимаясь трепетно ко мне
И лаская долгим нежным взглядом.
Не ловлю, как прежде, этот взгляд,
Пламенные мысли и желанья –
Только лишь одно воспоминанье
Может унести меня назад.
Где она?
И помнит ли, тоскуя,
Клятву на пустынном берегу,
Нежность слов и страстность поцелуев?
Может быть, сейчас она с другим,
И давно забыла обещанья...
Но во мне живет очарованье...
Я один.

Апрель

Воет жалобно метель,
Словно заживо хоронит.
Спой-ка лучше мне, апрель,
Песню ту, что успокоит.

Ты мне пел о голубом,
Удивительном и нежном.
Только пел в краю ином –
За метелью этой снежной.

А теперь встревожен ты,
И тоскуешь, и рыдаешь...
Может быть, не снег – цветы
В утешение бросаешь.

Может быть, твоя печаль
Прилетела вестью юга?..
Спой про зоревую даль,
Спой про милую подругу.

Спой скорее мне о той,
Что моею стала песней.
Счастья синею волной
На груди моей разбейся.

Спой и милой обо мне
Этой ночью над постелью,
Чтоб привиделись во сне
Мои белые метели.

***

Бушует мартовская вьюга,
Взывает ветер за окном...
Моя далекая подруга,
Наверно, спит тревожным сном.

Забросив руки к изголовью,
Лежит натянутой струной,
Тоскуя за моей любовью,
Быть может, шепчет: «Милый мой...»

И, в ночь протягивая руки,
В свои объятия зовет...
А я, испытывая муки,
Как будто слышу голос тот.

***

Я жизнь хочу прожить –
О доле не скорбя.
Хочу всегда любить
Одну, одну тебя.

Ведь жизнь так коротка!
Так мало теплых дней!
Пускай твоя рука
Протянется к моей.

Пусть нежно тает дым
В твоих глазах всегда.
Пусть буду я любим,
Как в юные года.

***

Эта ночь заклеила меня,
Обожгла мое тело огнем.
Мне противно течение дня
В одиночестве грустном моем.

Я желаю опять и опять
Дикаря в своем сердце будить,
И, безумствуя, вновь умирать
На ее беспокойной груди.

Я познал, как пленительно красть,
Как заманчиво тайны влекут...
Обнаженную чувствами страсть –
Не отдам я рассудку на суд!

***

«Прощай, – мне говорят цветы, –
Прощай, но мог бы ты остаться...»
Что делать, если гонишь ты,
И если к лучшему – расстаться.

И ветер гонит облака
Безумной волею стихии...
Но там ли, здесь ли – есть река,
Что примет тучи грозовые.

Так, может быть, в краю ином
И мне пристанище найдется,
И, вспоминая о былом,
Лишь грустно сердце улыбнется.

И дни спокойно потекут,
И успокоят, и обманут...
Цветы в то время опадут
И на столе твоём увянут.

Как книг истертые листы
Не вызовут былых волнений,
Так вскоре в урну бросишь ты
Мои цветы без сожалений.

И принесешь букет другой,
И голову к цветам наклонишь...
И равнодушною душой
Любовь в покое похоронишь.

А время будет мимо плыть,
Надев на наши лица маски...
И мы все так же будем жить:
Без счастья, без любви, без ласки.

1965
Теберда

Мелькнувшее

Ты помнишь?..
Это ведь не снилось?..
Тот странный...
Тот неповторимый миг...
Бесшумно дверь пред нами отворилась –
И полумрак казенной комнаты возник...

В моей душе – тревожно было,
Смутно...
И желтый вечер,
Заоконный звон,
И то, как ты сказала:
«Здесь уютно», –
Как будто воскрешали давний сон...

И редкие слова,
Рожденные молчаньем,
И легкая игра полутеней –
Соединяли нас
Неясным ожиданьем,
Предчувствием неотвратимых дней.

И оживал взволнованный мальчишка
Далекой юности,
Но не забытой мной.
В твоих руках голубенькая книжка
Манила сокровенною мечтой.

Она была чудесных лет приветом,
Мечты моей свидетелем немым...
И мне казалось –
Словно в прошлом где-то
С тобою повстречались мы.

И канули,
И стали вдруг далеки –
Тягучие года,
Бессмысленные дни.
Была лишь ночь, волнующие строки,
И были мы одни.

И как по волшебству –
Возник любимый танец...
И мы скользили, растворяясь в нем.
Я видел на щеках твоих румянец,
И сам горел невыносимым огнем.

Но близился конец,
И танго умирало...
В угасшем ритме растворился звук...
И, голову склонив ко мне устало,
Ты встретила тоску
Горячих губ и рук.

.....

Теперь я думаю –
Быть может, это снилось?
Зачем томлюсь,
Тебя ищу и жду?
Мне кажется, что бездна вдруг открылась
От безнадежности в бреду...

***

Поле все усыпано цветами,
Млеет лес от пышного наряда,
Сад томится тяжкими плодами –
Только сердце ничему не радо.

Все вокруг прекрасно, но не мило,
Небо созерцает равнодушно,
На пригорке старое ветрило
О былом поскрипывает скушно.

Я иду, цветов не замечая,
И фиалки гибнут под ногами.
От тоски жестокой убегая,
В них пробил тропинку сапогами.

И не знать бы, видно, мне покоя:
Ни в лесу, ни в поле, и ни дома, –
Если бы не платье голубое,
Что вдали мелькнуло вдруг знакомо.

***

Я мало ценил эту осень
И редкие дни на припеке.
Высокие головы сосен
Мне шепчут и шепчут упреки.

Напрасно! Ведь я не влюбленный,
А голая куща не манит.
Лишь только раздетые клены
Мне сердце легонечко ранят.

Поблек их румянец печальный
В улыбке волнующей прели.
Зовет меня запах прощальный
Лесной позабытой постели.

Она мне казалась пухом
В те славные дни на припеке.
Ничто не тревожило слуха:
Ни плач, ни восторг, ни упреки.

Безмолвный покой умиранья
Таинственно реял над нею...
Я в эти минуты прощанья
О времени том не жалею.

Напрасны же ваши стенанья,
Наивные, глупые сосны,
Зачем вам чужие страданья,
Бредущие тропкою росной?

Той самой затейливой тропкой...
Теперь одичавшей, но милой.
Березка знакомая робко
Рукою меня зацепила.

Привет! Ты совсем обнаженная,
Тебя не узнаешь, девица!
А помнишь ту бездну зеленую,
В которой я мог раствориться?

Повинна лишь хмурая осень
В последнем прощаньи с далеким.
Печальные головы сосен
Напрасно мне шепчут упреки.

***

Эта комната... Листья осенние...
Давнее, мною забытое...
Здравствуй, милое поколение, –
Суетливое и деловитое.

Рад я встрече нечаянной с прошлым,
Сожалею – ценил его мало.
Мысли, чувства – такие хорошие,
Словно все начинаю сначала.

Я на ватман смотрю с улыбкой,
Не вникая в знакомые линии.
За невинной, смешной ошибкой –
Вижу юности небо синее.

Если б жизнь в простоту такую
Втиснуть, вычертив в мыслях ясно,
Не металась бы мы впустую,
Не бросались собой напрасно.

Как они, я стремился в завтра,
За чертежной доской мечтая,
Был доволен – когда был завтрак:
Хлеб, селедка и чашка чая.

Все мы были полны весельем,
Жили дружно в труде и школе, –
А теперь – непонятной цвелью
Обросли и людей обходим.

Оттого так приятно видеть
Эту комнату, листья клена –
Повторение, – в легкой обиде, –
Мною пройденного...
Мира зеленого...

***

*Невозможное было возможно,
Но возможное было мечтой.*

А. Блок

От Зари спешим, спешим
Без сомнений,
От сомнений –
К несомненному летим,
Слыша сердца повеленья.

Трепет тела,
Дрожь в груди,
Все виденья да виденья,
Тонкий голос впереди
И неясные волненья.

И в нечеткости лица
Пляшут странные улыбки.
От неясности конца
Совершаются ошибки.

Нужно ждать и ждать,
И ждать!
В то же время торопиться.
И листать, листать, листать
От сомнения страницы.

И зачем спешим, спешим,
Восторгаемся и верим?
Нетерпенье, дрожь души –
Открывают в сумрак двери.

И поземкой снеговой
В душу холод нагоняет,
И игрой, игрой, игрой –
Все святое убивает!

В этот миг ОНО придет,
Возвещая о возможном.
Кто с Зари,
С Начала ждет –
Невозможное возможно.

Ну а мы спешим, спешим
По волнующему следу,
Над потемками души
Верим в легкую победу.

.....
К несомненному летим...

***

На рейде дремлют корабли
В холодных и угрюмых водах.
Под небом северной земли
Мне мнятся голубые своды,
И белокрылый альбатрос
Над бирюзовою лагуной,
И отблеск золота волос
В сияньи дня и ночью лунной,
И моря ласковая даль,
И по волнам бегущий парус...

Тоскливо мне, и что-то жаль,
Как будто я навек прощаюсь.

Под неподвижною звездой,
Под небом хмурым и холодным –
Мне мир мерещится иной,
В котором дышится свободно.
Я тут не испытал тепла,
Не греют отблески сиянья...
Пришла весна и принесла
Одни тюремные страданья.
Но где-то все же есть приют
Порывам сердца безответным...

Тут дни бессмысленно бегут,
И жизнь проносится бесцветно.

И я готов, ломая льды,
Умчаться за зарей улыбки –
Туда, где от любой беды
Спасает «Золотая Рыбка»,
Где сказка явью утолит
Мою неистовость мечтанья,
Где все желания мои –
Найдут ответные желанья.
Я слышу, как меня зовет
Все то, во что я слепо верю.

Напрасно в злобе стережет
Меня, как пес, суровый Север.

СТИХИ СЕМЕЙНЫЕ

Моя семья на даче

*Дома правит Домовой,
В огороде – Лында.
Автор*

Лында

Что за напасть?
Что за брында?
Все крапива да осот!
Незадачливая Лында
Запустила огород.

Ей, наверное, по нраву –
Под ногами сорняки.
Вот и шла бы на отаву
И жила бы у реки.

Я давно привык к порядку:
Дома правит Домовой.
А увижу эти грядки –
Бьюсь об стенку головой.

Лында любит поиграться,
За спиною ходит в такт,
Но не хочет показаться
И войти со мной в контакт.

Зова – вроде бы не слышит,
И меня вгоняет в злость.
Я ведь чувствую, как дышит
Мне в затылочную кость.

«Брысь!» – сказать решаюсь вроде,
Но нет сил ее прогнать:
На заросшем огороде –
Лынды будет не хватать.

Савраска

В нашей матушке вселенной,
Как всегда обыкновенно,
Между звезд летала где-то
Длиннохвостая комета.

Но, как видно, это дело
Ей порядком надоело, –
И комета эта вдруг,
Прочертив на небе круг,
Словно в ней иссякла сила,
Хвост на Землю опустила.

И мгновенно длинный хвост
Превратился в дивный мост.

По мосту, совсем как в сказке,
Конь – приветливый Савраска, –
Тонконог и грудью крут,
Скаканул с небес в Сургут.

Иго-го, иго-го! –
Я желаю вам всего
Самого приятного
И невероятного.

Я, Савраска, конь летучий,
Я летаю выше тучи.
Много видел я планет,
Но прекрасней вашей – нет!

И скажу вам по секрету:
Вашу славную планету
Мне хотелось посетить,
Чтобы кое-что спросить...

Есть ли в жизни перемены
У Полины и у Лены?
Я слышал о черной леди, –
Вы ее зовете – Шеди.

Ее мать – моя собака
Из созвездья Зодиака.
И теперь мне как родня
Из Сургута – рихтерня.

Иго-го, иго-го!
Вам всего хо-ро-ше-го!

Новогодняя рихтерня

Из-за моря, издалека,
Не от Запада – с Востока –
Там, где солнышко встает, –
К нам шагает Новый Год.

На рассвете, утром рано,
Он сказал с телеэкрана,
Чтоб уже к исходу дня
Собралась вся рихтерня.

Только дзинькнуло в квартире –
Дед и бабка – три-четыре –
У дверей, как у ворот:
Проходи, честной народ!

Словно шустрые синички,
В дверь впорхнули две сестрички.
Футы-нуты – разодеты,
Как артистки оперетты.

Что за чудо? Что за сцена?
Неужели это Лена?
Ах, сдержаться нету воли!
Неужели это Поля?

Ну, а это кто такой,
Словно ясень за рекой?
Деловой, во лбу забота,
Будто прибыл на работу.

Шаг враскачку, не без толка,
Весь при детях и с кошелкой,
Как моряк, сошедший с трапа.
Несомненно – это папа!

Ну, а это что за дама?
Неужели это мама?
И стройна, и темноока,
Взор с туманной поволокой,
Как у девицы со сна.
До чего ж мила она!

Первой всех встречает Лотта,
Ей лизнуть детей охота.
Лотта прыгает и лает –
С Новым годом поздравляет.

Говорит им бабка Галя:
Тра-та-та-та, трали-вали,
На полу у нас ковер,
А ковер не любит сор!

Ох и бабка! Чудо-бабка!
В пояс фартук, сбоку – тряпка,
Что-то жарит и печет
Для стола на Новый год.

Говорит им дедка Алик:
Тра-та-та-та, трали-вали,
Вот тетрадь и карандаш,
Нарисуйте праздник наш.

Ох и дедка! Чудо-дедка!
У него в руках газетка,
Ходит он как петушок,
И читает всем стишок.

Но при этом, отчего-то,
Не хватает всем кого-то,
А кого – вопрос не прост:
У кого пушистый хвост?

Кто в семье имеет право
На «мур-мур» и «мяу-мяу»?
Ба! На шкафчик забралася!
Это кошка, наша Ася.

Вот и в сборе весь народ.
Приходи же, Новый год!
Бьют часы – и нам пора
Крикнуть дружное:
Ура-а!

О судьбе сказочных героев

Избушка на куриных ножках
Теперь имеет два окошка,
И ей уже совсем не надо
Вертеть и передом, и задом.

Яге убавилось хлопот,
Когда к ней кто-то забредет.
Одна беда случилась с нею –
В гостях уже не быть Кашею.

В связи с развитием науки,
Кашей Бессмертный сдох от скуки.
К сему, оставшись не у дел,
Горыныч в космос улетел.

Вдовою стала Василиса,
Страну покинула Алиса,
Устав от всяческих чудес.
Ей домом стал дремучий лес.

А в том лесу иной обычай –
Плешивый Леший стал лесничим.
А Водяной – в реке уснул
И, захлебнувшись, утонул.

А там, где топи да болота,
Куда ходить-то неохота,
Уже давно Кикимор нет.
Они сбежали в Белый Свет.

И хоть страшны, на рожу кривы,
Самолюбивы и строптивы,
Приобрели и дом, и кров,
И работающих мужиков.

А Феи-фифы и Наяды,
Сбежав, оделися в наряды,
Шелками юбочек шуршат
И бизнесменов потрошат.

Лишь Ведьмы прежними остались –
Видать, еще не налетались,
Решили транспортный вопрос –
И оседлали пылесос.

Рождение

То было много лет назад,
Когда неведомо откуда
Явилось вдруг земное чудо,
И разразился звездопад.

Ломились лакомством столы,
Народ, ликуя, веселился,
И, словно Феникс из золы,
Младенец Рихтер появился.

В тот миг не вестником беды
Промчалась по небу комета,
Вещая всем знаменье это –
Рожденье новой сверхзвезды.

Гласит история, что встарь
Аналогичные явления
Рождали летоисчисленья
И изменяли календарь.

Когда прошел рожденья стресс,
Родные принялись за дело:
В святой воде обмыли тело,
Чтоб я вознесся до небес.

Потом возник у всех вопрос –
Где взять счастливую рубашку?
Нашли с фасоном нараспашку,
В которой я и спал, и рос.

Лесные заботы

Дед Мороз с лисицей
По лесу шагает,
Снежной рукавицей
След свой замечает.

У лисы в глазищах
Бегают хитринки.
Дед с лисою ищут
Голубые льдинки.

Обрывают с веток
Льдинки-самоцветы,
И из них для деток
Делают конфеты.

У лисы забота:
Ей, лисице, надо –
За свою работу
Плитку шоколада,

Так как в новолунье
К новогодней елке
Рыжую плясунью
Пригласили волки.

Волки обещали
Больше не кусаться –
Только овощами
С этих пор питаться.

Прыгают зайчишки
В радостном волненьи,
Побежали к мишке
Одолжить варенья.

Но трещат сороки
В дебрях без умолку,
Что не будет прока
От доверья волкам,

Что недаром филин
Шепчется с волками...
Зайцы-простофили
Хлопали ушами.

Хочется зверюшкам
Жить без страха вместе,
Хочется им верить
Новой доброй вести.

Надоели беды
Им на белом свете:
Обратились к Деду –
И Мороз ответил:

– Вам не надо верить
Всяким балаболкам,
Приходите завтра,
Нарядите елку.

***

Туда, где свет в окошке,
Где полночь настает, –
В серебряных сапожках
Снегурочка идет.

По следу непоседа
За дедушкой спешит.
Она – помощник деду,
И дедом дорожит.

Проказницы пушинки
Вокруг нее кружат.
На шапочке снежинки,
Как звездочки горят.

На ней сверкает шубка
И сердце веселит.
Как белая голубка,
Снегурочка летит.

Ее встречают тучки
Метельною игрой.
Спешат Мороз и внучка
На встречу с детворой.

Мороз

Я у окна стою порой,
На улицу смотрю,
Как кружит вихрь снеговой
Навстречу январю.

Мороз-проказник и сюда
Лукаво заглянул –
Узором ярким изо льда
Все стекла затынул.

Его я с нетерпеньем ждал
В невинность детских лет,
Под Новый год всегда гадал –
Зайдет ли добрый дед?

И он тихохонько входил
Ко мне, когда я спал,
Дыханья холод затаив,
Подарок оставлял.

И рано-рано поутру –
Займется лишь рассвет, –
Я кулачком глаза протру,
Ищу кулек конфет.

И, отогнав ночные сны,
Ступив на гладкий пол,
Не нарушая тишины,
К окошку босым шел.

Полюбовавшись на узор,
Стекло дыханьем грел,
И в занесенный снегом двор
Сквозь дырочку смотрел...

Я, помню, очень горевал,
Как ни в одну из бед,
Когда однажды вдруг узнал,
Что деда вовсе нет.

Сибирская сказочка

Нет ничего длинней и шире
Просторов Западной Сибири.

Пойдешь направо – темный лес,
Без всяких сказочных чудес.
Там не сидит в ветвях русалка, –
Что, между прочим, очень жалко.
Там дуб зеленый не растет,
И на цепи не ходит кот.
Кашей над золотом там не чахнет, –
Там просто лес, и лесом пахнет.
Но в том лесу витают страхи
От кровожадной росомахи,
Там и медведи ей под стать –
Не прочь кого-нибудь задрать, –
И тот, кто сдуру в лес попрется,
Домой, возможно, не вернется.

Пойдешь налево – там болота.
Кому туда идти охота?
Там заедает мошкара,
И даже тонут трактора.

А изберешь дорогу прямо –
Поберегись!
За волчьей ямой
Стоит убогая избушка.
Живут в ней пьяница-старушка
И дочь, смазливая вполне,
Но бродит ночью при луне.
И есть слушок,
Что в новолунье
Она походит на колдунью,
На берегу ручья сидит
И воду палкою мутит.
Недаром, мол, пропал рыбак,
И не найдут его никак.

Отсюда вывод:
Не найти
Там безопасного пути.
А потому решайте сами,
Пошевелив слегка мозгами:
Сидеть ли взаперти в квартире
Или шалаться по Сибири.

Могу признаться –
Я там был
И со старухой бражку пил.
Усы пообмочил немало,
А в рот ни капли не попало.

Запоздалый гость

Мороз за окнами крепчал,
Взвывала злющая пурга,
Хвостом чертяка в дверь стучал,
По крыше брякала Яга...

.....

Сквозь хмарь и верть, и кутерьму,
Плюя на дьявольский квартет,
Ко мне – не знаю почему –
Ввалился изможденный дед.

Белобородый, и с мешком,
Он тер перчаткой сизый нос,
И шепотком мне на ушко
Дурацкий вышептал вопрос:
«Тебе не в тягость ли Мороз?»

.....

«Не в тягость», – я ему сказал.
Хвостом барбос мой помахал,
Потом уснул и заурчал...

.....

А старый дед во сне шептал:
«Оставьте распри, лиходеи,
Не то вас всех заледенею,
Сложу как чурочную клеть –
И позабуду отогреть...»

СТИХИ С ВЕРХНЕЙ ПОЛКИ

***

Нет жизни вольготной и праздной,
Не хочется крикнуть: «Ура!»,
И мысли шевелятся разные,
Стекая на кончик пера.

А вдруг я пойду, завоюю
Язык колокольных высот,
И вмиг прогремит аллилуйя,
И всякий стыдом изойдет.

Ах, очень желаю узнать я,
Гуляя по русским полям,
Когда мои русские братья
Поделятся всем пополам?

Бездумно мозолистым крупом
Народ вызревает пройдох, –
И лезет к вершине по трупам
Какой-нибудь денежный «бог».

Вокруг все довольны и веселы –
И умный, и даже дурак.
Вот разве голодный повесился,
Но в массе и это – «пустяк».

Сограждане будущей эры
Содрогнутся, глядя назад –
Туда, где отступники веры
Бесстыдно друг друга едят.

***

Тот, кто поэтом не был,
Тот не поймет, как ново
Жуется краюха хлеба
С водицею родниковой.

Все, что на белом свете
Может встревожить душу,
Мгновенно поэт заметит,
Но красоты не нарушит.

Покоя поэт боится,
Покоя ему не надо, –
Он вечно куда-то стремится,
Влетая в ворота ада.

Это сродни поэтам –
Улыбкой встречать невзгоды.
Сердца чистой монетой
Платит дитя природы.

Если поэт тоскует,
Страстно желает чего-то, –
Всем существом ликуя,
Бросается он в работу.

Поэта не старят годы,
Всегда он душою молод.
Он редкостной той породы,
В которой на чувства – голод.

Любую судьбу принимая,
Он в лучшую будущность верит.
Он Родину любит, страдая,
И ей никогда не изменит.

Гнет

Все заслоны, заслоны, заслоны...
Не размыслишь – так лоб расшибешь.
Оттого, уважая законы,
Коль не глуп – стороной обойдешь.

А законов придумана бездна,
Шаг ступнешь – и упруешься в закон.
Быть собою самим бесполезно,
Если сердце под гнетом «икон».

Рубеж

Он необычен – этот Новый год,
Рубеж столетья и тысячелетья.
С надеждою мы движемся вперед,
Оставив за спиной години лихолетья.

Прошедший век – стезя кровавых бед,
Стремительности мысли и прогресса.
Мы пережили эту сотню лет,
Жестокость войн, репрессии и стрессы.

Но прошлое – не только синтез бед:
В нем есть такое, что нас не сгубило.
Немало в нем свершений и побед,
И духа русского немеркнущая сила.

Мы одержимы верой неспроста:
Нам свойственно святое вдохновенье.
В нас уживаются сомненье и мечта,
Рождающие дух долготерпенья.

Вступаем мы в эпоху без прикрас,
Сочтя бывшее пройденным этапом.
Обманывать труднее будет нас
Пришедшим к власти демократам.

***

Пускай не вышло...
И не надо...
На небесах хватает звезд.
Зигзаг судьбы – моя баллада,
Я пел как одинокий дрозд.

Прошел, не подводя итоги,
Как продувной, к себе не строг.
В душе – мифические боги,
А в голове – единый Бог.

Он был не очень милосерден,
Но знал, что дважды я крещен...
Пусть не богат, но и не беден –
Я все же Богом защищен.

В дни безрассудной круговерти,
Как неожиданный аванс,
Он отводил дыханье смерти,
Давая и давая шанс.

Теперь, взмолившись, уповаю,
Не исключив самообман,
Что я успею, начертаю
Свой исторический роман.

Новый русский

Новый русский – прихоть века,
Некий времени каприз.
На простого человека
Он взирает сверху вниз.

Он во всем непробиваем,
Крокодильно-твердокож,
Всеми всюду узнаваем
И в любые двери вхож.

У него всегда запарка,
Хитроумных сделок вязь.
Круто мчится он в иномарке,
Лая в сотовую связь.

Он деньгами по квартире
Понамусорил везде.
В туалете, как в сортире,
Сторублевки на гвозде.

Он уже не ходит в бары
Кайф за стойкою ловить, –
Он летает на Канары,
Чтобы там пивка попить.

Он – как Бог,
Как небожитель,
Как России господин.
Есть при нем телохранитель,
Но итог, увы, один...

***

Старый год опечален разлукой.
Он хорош – он меня уберег...
Но России великая мука –
И за мой заползает порог.

Я тревожусь, взирая на смуту,
На жестокость, тлетворность, распад.
Почему-то... Увы, почему-то
Нет того, кто ударит в набат!

Бес не спит, он грабастает души,
Он заветы Христовые смел.
Кто земли нашей слезы осушит?
В чьих руках есть осиновый кол?

Где ты, где – долгожданный Мессия?
Не пора ли нам дух освежить?
Утомилась в страданиях Россия,
Хочет есть и друг друга любить.

Год за годом народ уповает,
Задаёт неизменный вопрос...
И не знает!
Не знает!
Не знает!
Есть ли власть твоя в мире, Христос?

***

Дремуча испокон веков
Была земля сибиряков, –
И человек ходил по ней
Без всяких транспортных путей.

Но шли века... Пришла пора –
И обустроилась Югра.
Абориген мечтать не мог,
Что будет жить в сети дорог.

Никак не шло ему на ум,
Что негде будет ставить чум,
Что там, где рыбу промышлял,
Построят мост или причал.

Что весь прогресс, ядрена мать! –
Его заставит кочевать.

***

Отрубить, быть может, руки –
Вам, цивилизные пришельцы?
Искорежили все, суки!
Поугробили, «умельцы»!

.....

Затаились топи – ждуг
Время дьявольских событий...
Я, как шелковый лоскут,
На фуфайке этих бытии.

Мне повесили медаль, –
Дослужился, слава Богу!
Но промозглая печаль
Забралась в мою берлогу.

А вокруг – пустынь бела.
Без утечи можно сдохнуть.
Что же выпендрить со зла,
Чужаков заставив охнуть?

.....

Наточу-ка я лопату
И пугну их до икоты –
Защищать начну сохатых
От нездешних идиотов.

***

Нет аксиом –
Все в жизни спорно.
Не отыскать прямых дорог.
Не раз я уходил от нормы,
А чувствовал себя –
Как Бог.

Мне были по душе
Косые
Зигзаги моего пути, –
За то простит меня Россия,
Как я не раз умел простить...

Я – сын ее многообразья,
Смотрю вперед,
Влюбленный в старь.
Я и поэт,
И «Стенька Разин»,
И даже замкнутый «Лопарь».

Когда люблю –
Люблю без меры,
И все мне твари хороши.
А иногда,
Как камень серый,
Лежу, не чувствуя души.

Но если внутренние струны
Надежды разжигают луч,
Тогда я снова –
Новый,
Юный,
И всемогущ,
И всемогуч.

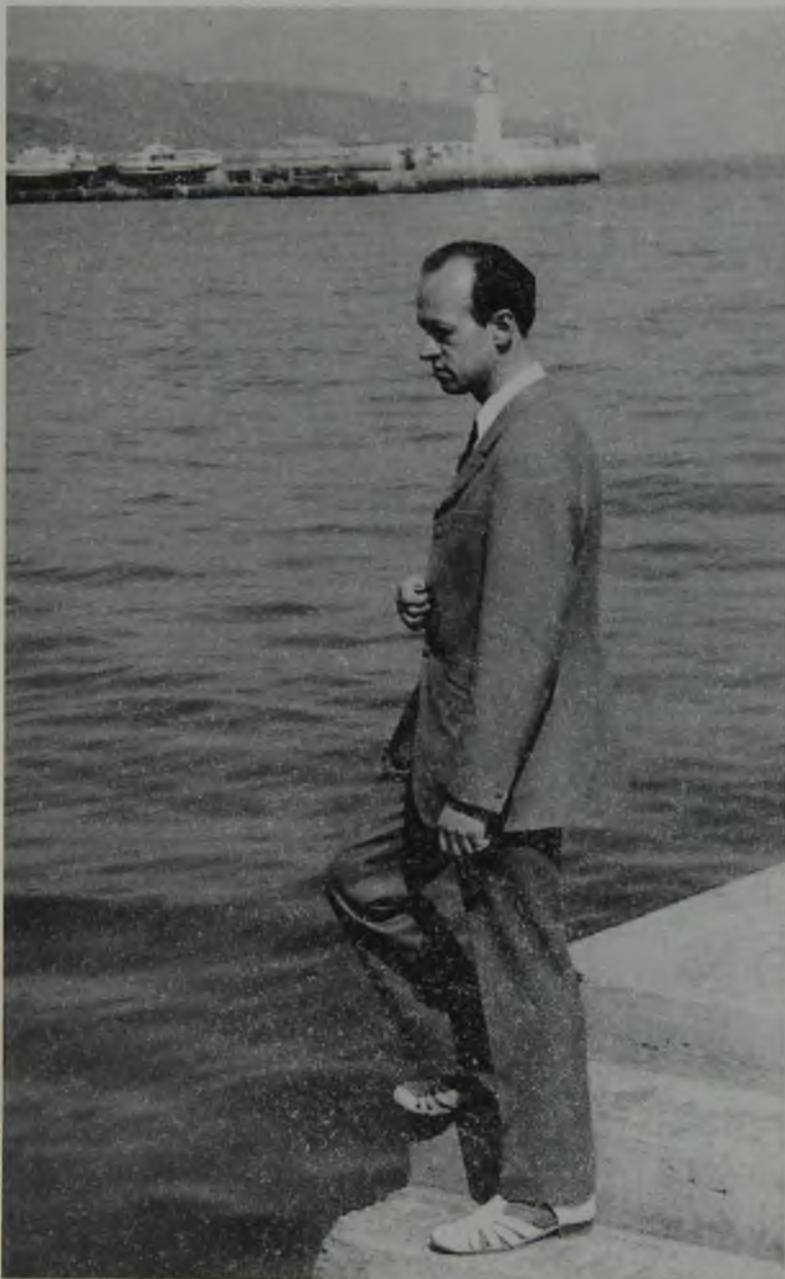
Тогда я вижу –
Осень в астрах,
Не видя желтых листьев течь.
А говорю –
Как Фидель Кастро,
С трибуны пламенную речь.

Но вдруг –
Докучны станут люди.
От шума хмель, как от вина:
И я спешу рвануть из буден
Туда,
Где только тишина...

И там,
Судьбы не проклиная,
Срывая жалкий пустоцвет,
Живу, чего-то ожидая,
В тумане скоротечных лет.

В нем – обещанье
И развязка...
И тайн неугомонный спор...
И лиц загадочные маски,
И глаз отверженных укор.

Но утешаясь чистым,
Ранним,
Не признавая аксиом,
Обрел я жизнь в самообмане,
В мечтах,
В тумане голубом...

Это я в Ялте

Переход через горы Кавказа

***

На московских улицах холод
И промозглая бродит тоска...
Сердце – словно тяжелый молот,
Мысли – будто в шуге река.

Нет радости, нету злобы,
Нет и веры, что все пройдет.
А ведь мог бы любить до гроба, –
Все мечтающий идиот.

Но в мечтаньях тоску не спрячешь,
Не обманешь подарком дня.
Нету, нету руки горячей,
Чтоб навек обняла меня.

В этом мире ничто не вечно:
Ни любовь, ни тепло сердец.
То, что кажется бесконечным, –
Обретает печальный конец.

Юность тем хороша, что верит,
Без сомнений спешит вперед.
Где же те волшебные двери,
За которыми счастье ждет?

Я не жду, а оно, быть может,
Где-то рядом, достать рукой.
Оттого-то и сердце гложет
Непонятной подчас тоской.

Всюду ложь: и во мне, и в людях...
Но когда есть огонь в груди –
Где найти вездесущих судей,
Чтобы жизнь рассудить могли?

Чтобы взвесить и «за», и «против»,
Каждый миг из судьбы моей, –
И очиститься от лохмотьев,
Оскверненных злобою дней.

***

Дремлет старый бревенчатый дом,
За ворота вползает рассвет,
На дорожке под самым окном
Вижу свой припорошенный след.

В небе нет еще журавлей –
Только белою строчкой дымок
Над пустынным безмолвьем полей,
Словно манит меня на восток.

А на севере тлеет звезда, –
Насмехаясь, плутовка глядит...
И бегут в пустоту поезда –
В те края, где давно я забыт.

Перепутались сети дорог
Под ногами, идущими вспять...
Не пора ли шагнуть за порог,
Чтобы жизнь по-другому начать?

В буране

Белым мраком над землею
Разметала вихри вьюга,
Ветер воет волчьим воем –
Не услышать голос друга.

В дикой пляске снег кружится,
Сыплет снизу, сыплет сверху,
Под ногами наст садится –
Не найти в буране вехи.

Все равнина да пустыня
В тайне сумрака дневного,
Руки зябнут, ноги стынут –
Не догнать коня гнедого.

Друг ушел и где-то сгинул, –
Может, слег в покое вечном,
Конь меня в овраге скинул –
И умчался, бессердечный...

.....

Отчаяние

Безумствую среди всеобщего покоя...
Бессонницей томлюсь,
Страшусь тиши ночной, –
И обжигающие мысли чередою
Рождают отклики в душе моей больной.

Ловлю я каждый звук с надеждой
Воскресенья –
Не возмутит ли он безрадость ночи?
В груди растет тоска и нетерпенье,
Мои глаза безумно горячи.

Но мир молчит...
Тоскливо и уныло...
Рассвет сереет скупое за окном.
Как все вокруг обыденно-постыло...
О небо! Озарись спасительным лучом!

Морем по пути на Сахалин

Остров Сахалин. «Три брата»

На Сахалине

Севера ветры холодные
Здесь обитают,
Воют, как волки голодные,
Душу терзают.

Снова белесою мглою
Остров покрыло,
Море крутою волною
Плещет уныло.

Тучи плывут издалека
В это жилище,
Льет из дырявого ока,
Как на кладбище.

Рваные клочья тумана
К берегу свисли.
Отклик на зов океана –
Грустные мысли...

1960

Возвращение

Здравствуй, мой далекий остров!
Все в осеннем нежном цвете.
Склоны сопок грустью пестрой
Мне раскланялись в привете.

Уж леса, нарушив дрему,
Листопадом ранят душу.
Я спешу к местам знакомым,
Чтоб скорее осень слушать.

Пусть в распадках спят туманы,
Пусть повесит дождик сети –
Я туда отправлюсь рано,
Чтоб послушать песни эти.

А потом взойду я скоро
На высокую вершину,
И окину жадным взором
Необъятную долину.

И увижу я Аниву
В голубом ее сияньи,
Будет веять из залива
Поцелуем расставанья.

Стану слушать с наслажденьем
Все, о чем проплачет ветер,
И скажу: «Прощай, цветенье,
Увяданье рад я встретить».

Отгрустит пускай, отдремлет
Луг далекий, бор знакомый...
Я хочу увидеть землю
И цветущею, и новой.

1959

о. Сахалин

***

Не пленил меня Крайний Север,
Не прижился в груди моей.
Мне все снится душистый клевер,
Серебристая дрожь полей...

Не шумят здесь шелками травы,
Не волнуют хребтины гор, –
Только тундры тоска-отрава,
Да глазницы пустых озер.

Только ягель, да гниль, да сырость –
Погребенный в болотах край!
Мне другое давно полюбилось,
А не этот олений рай.

Лес – штыки омертвевших елей,
Березняк – как чахоткой гнут,
Здесь метели – не те метели,
Что в родимом краю поют.

Здесь еще и не пахнет вешним,
Все заковано в снег и лед.
Ну а там – отцвела черешня,
И акаций струится мед.

Оттого все призывней, громче
Голос дальних родных широт.
Мое сердце – разумный кормчий –
К развороту штурвал зовет.

Много лет я отдал чужбинам,
Повидал и людей, и свет.
Жил не хлебом одним-единым, –
А доволен?.. Как будто нет...

Днепряне

Днепра достойные сыны,
Как горемычные челны,
В тумане будто бы блуждают:
Куда плывут – они не знают...

Кувшин парного молока
Везут они издалека, –
Свое же выпить не желают.

Траву жует, как прежде, скот,
Но умный киевский народ –
Жевать салаты избегает.

Так без травы, без молока –
Они живут еще пока,
И никуда не убегают.

Арбат

Гремит от вольницы столица:
Столик стихастыми Арбат.
Такое там теперь творится, –
Иной и гласности не рад.

В ражу – внедренность в перемены,
А словоблудие – как шик.
Малюют днем и ночью стены,
Пороча пушкинский язык.

Глощают люди яд пародий,
Щекочут нервы песней злой.
Большой нарыв созрел в народе
И, лопнув, выпускает гной.

От вожделенья к смачной фразе –
Тихони сделались притки.
Купаются в словесной грязи,
Не видя свежие ростки.

Я не приемлю раж столичный, –
Площадной конъюнктуры стих.
Меня устраивают лично
Стихи наперстников моих.

***

Пространство начертало три нуля...
Я удивлен – а где же единица?
Вселенная не может измениться:
Она послушница вселенского руля.

За единицей следуют ряды,
Но сумма их – все та же единица.
Единство беспредельно может длиться,
И всяк коллапс – мгновение беды.

Друзьям

Отчего, друзья мои, отныне
На Восток, безумствуя, бежим,
И в глуши, в безрадостной пустыне,
Помыслы святые хороним?
Отчего в смятении гадаем –
Где Фортуна улыбнется нам?
Молодостью мы пренебрегаем,
Расточаем жизнь по мелочам.
Отчего благие намеренья
По велению сердца не вершим,
И свои заветные стремленья
От России трепетно таим?
Отчего друг другу мы боимся
Руки в единении пожать,
И никак в сомненьи не решимся
К праведным реформам призывать?
Мнится нам за вольнодумным словом –
Лагерьей безвременная жуть...
Но не век же мы молчать готовы,
Скажем же когда-нибудь?!
Скажем то, как тяжело трудиться
В нищенском ряду грошовых дней,
Когда кто-то дарит безделицы
Женщинам за тысячи рублей.
Когда кто-то, властью упоенный,
Нас терпению хочет научить,
Будто мы народ непросвещенный,
Будто не хотим свободно жить.
.....
Не бежать, друзья, потребно ныне,
Не искать Фортуны по пустыне –
Руки в единении пожать,
К праведным реформам призывать!

1956

ОЗОРНОЙ ПОДВАЛЬЧИК

Самокритика

От подошвы до макушки
Рихтер мог поэтом стать,
Если б Лермонтов и Пушкин
Помогли ему писать.

Отчего он пишет плохо?
Отчего стихи – мура?
Изменилася эпоха!
Нет гусиного пера!

***

Без настоящего таланта
Не существует Музыканта.
А если в вас таланта нет,
Вы стихоплет, а не Поэт.

***

За крепким поясом штанов
Поэт не носит пистолета.
Сильнее пули – сила слов
У настоящего поэта.

Превосходство (Обращение кошки к слону)

Слон, хотя ты великан,
Но полнейший истукан.
Удивляюсь – как природа
Создала тебя, урода?
Здоровенная башка,
Нос, как длинная кишка,
Лоскуты вместо ушей,
И пугаешься мышей!

Я же этих мерзких тварей –
Каждый день давлю по паре.

Скрытная Моська

– Уважаемая Моська,
Что у Вас в зубах?
– Авоська!
– А в авоське что лежит?
– То, что мне принадлежит!

Случай с поэтом

Он строфами своими упивался,
Он мыслями о славе наслаждался,
Но тут над головой –
Ослиный рев раздался!

Калейдоскоп коллектива

Во главе – лобастые,
Словно львы зубастые,
Очень бойцевитые,
Хоть и часто битые.

Остальные – критики,
Хлюпики и нытики,
Зычные, язычные,
И бюрократичные,
Важные, помпезные,
И даже бесполезные,
Есть демагогичные,
Но и вполне приличные.

Управляющий

Твердой поступью шагающий,
Дальше всех вперед взирающий,
Никогда не унывающий,
Никому не угрожающий,
Ничего не забывающий,
Конкурентов побеждающий,
Все куда-то улетающий,
Все народу разъясняющий,
Самый мудрый, самый знающий –
Вот что значит –
Управляющий!

Хорошая мысль

Приглашу Микуляка
На бутылку коньяка.
Знаю я, что Микуляк
Пить откажется коньяк.

Сухой закон

Жизнь прекрасна без попойки,
Праздник трезвостью встречай!
Мы – солдаты перестройки –
Пьем горячий крепкий чай!

Разделение функций

Одни горбят, другие – пляшут,
Одни едят, другие – пашут.

***

Друг оправдание нашел:
Не так уж дело мрачно.
С задумкой очень хорошо!
Лишь с фактом – неудачно.

Другу

Среди народов разных стран
Считают лучшими армян.
Но самый лучший из армян –
Мой друг Вардгес Мкртчян.

***

Нет на Земле сильнее страсти,
Чем жажда абсолютной власти.

***

Приснилась мне такая штука –
Меня возвысила наука:
Придумал что-то Я –
И встал,
Как монумент,
На пьедестал!

***

Не только о семье заботы
Оценкой служат для мужчин,
Но как справляются с работой,
Какой заслуживают чин,
Как языком своим владеют,
Какой им дар от Бога дан,
Умеют или не умеют –
Не ныть и не скулить от ран.

Не нужно им колоть дрова –
Была б на месте голова!

Загадка

Кто такой – большого роста,
Всем на радость прыгнул с моста?

Пионер

Будь готов!
– Всегда готов!
Быть к чему?
– Не гнуть коленки! –
Так ответил Кириенко.

Антитеза

Он млеет весь в тенетах сна,
Душою к незнакомке рвется,
А в этот миг его жена
Чужому мужу отдается.

Симметрия

В иной галактике живет
Ко мне ногами – антипод.
У нас одни и те же лица,
Но я – мужик, а там – девица.

***

Под небом мироздания
Терзают грудь желания.
Порой такое хочется,
Что всякий обхохочется.

К примеру: вдруг из чайника
Облить водой начальника,
Сбрить бороду храпящему,
Ежа подсунуть спящему,
Какой-нибудь проказнице –
Рукой влупить по заднице,
А важному чиновнику –
По животу половником,
Сказав ему любезно:
«Какой ты бесполезный!»

Потом на быстром катере
Умчаться к этой матери.

О взятках

Зачем играем в прятки? –
Осмелюсь я спросить.
Издравле брали взятки
На матушке Руси.

Чинуши и дворяне –
Не ново говорить –
Всегда вимали дани,
Чтоб сладко есть и пить.

Давать и брать, поверьте,
У каждого в крови.
Ведь хапали, как черти,
Холопы и цари.

Я тоже, без оглядки,
За «Это» и за «То»
Охотно брал бы взятки,
Но не дает никто.

Елочка

В лесу родилась Елочка,
В лесу она росла.
Зимой и летом с мамою
И с папою жила.

Ей мама пела песенку:
– Спи, Елочка, бай-бай,
А папа уговаривал:
– Смотри, не загуляй.

Но вдруг до мамы с папою
В лесу дошел слушок,
Что ночью кто-то Елочку
Срубил под корешок.

Теперь она на празднике
Нарядная стоит –
И о былой невинности,
Печальная, грустит.

Двуличие

И в лесу на безлюдной тропе,
И на улицах в шумной толпе –
Словно тень твоя рядом витает.
Это значит – тебя не хватает.

Если мил говорливый ручей
Многозвучием грустных речей
И на долгом пути не смолкает,
Это значит – тебя не хватает.

Если взор у девицы не строг
И пустила меня за порог,
Поит зельем и жарко ласкает –
В этот миг лишь тебя не хватает!

Это я на даче

Дачное страдание

Как-то вечером на даче –
Вдруг навзрыд соседки плачут:
Плачет дочка, плачет мать –
Безутешно, так сказать.

«Что за горе? Что за слезы?
Или кто-то помер тут?»
А они мне: «Без наво-о-за
Помидо-о-ры не растут».

Вот задача! Вот курьез! –
Виноват во всем навоз.
А известно – без навоза
Нет богатого совхоза.

Говорю я им по слогу:
«Вы-хо-ди-те на до-ро-гу:
Всякий день и всякий час
Там с дерьмом стоит КамАЗ».

А они: «Сосед хороший,
Где же взять такие гроши?
Ведь у этого говна –
Баснословная цена!»

Назревшая перестройка

Нет мудрых решений
без веской причины.
Нужна перестройка
в аспекте мужчины.
Статистика, право,
упрямая штука,
статистика –
это почти что наука.
Она подсчитала
и всех извещает,
что жены живут,
а мужья вымирают.
И, зная статистику
грустную эту,
пора бы родиться
закону-декрету:
мужчинам ввести
всевозможные льготы,
а женам прибавить
побольше работы.
Спасибо, что правду
поведала пресса –
мужья вымирают,
работая в стрессах.
И дома, как видно,
не каждому сладко,
коль ищут забвенья
в рыбацкой палатке.
И судят напрасно
иного повесу, –
он этим снимает
житейские стрессы.
Бывает, он вынужден
бросить старуху,
хотя на погибель
берет молодуху.
Бывает он также
и жертвою стервы,
его заставляющей лопать
консервы.

Ведь кто зачастую
гастритом страдает?
Естественно, тот,
кто быстрее вымирает.
А если ребеночек,
скажем, родится?
Отец, безусловно,
в коня превратится,
залает собачкой,
козленком заскачет,
когда его чадо
над кашей заплачет.
Так всюду его
разрывают на части!
А где от износа
живые запчасти?
Статистика, право,
бесстрастно считает,
не ведая то –
как мужчина страдает.
Он мрет!
Но в погибели держится стойко.
Назрела в аспекте мужчин –
ПЕРЕСТРОЙКА!

***

Не хлопайте, дуры, в ладоши,
А молча вникайте в слова.
Поверьте – нет тягостней ноши,
Чем собственная голова.

Живется легко недоумку
Во благо телесных мощей.
Иное – кто думает думку
О жизненной сути вещей.

Быть может, я не был хорошим,
Тщеславие в сердце храня...
Не хлопайте, дуры, в ладоши,
А слушайте молча меня!

Это я в Ялте

Ужастики

Над Землей витают страхи,
Вещуны кричат о крахе:
Августовское затмение
Есть зловещее знаменье,
А Большой Парад Планет –
Хуже всех других примет.
Из Вселенной оголтело
Прет к Земле большое тело,
Ожидается удар,
Разрушенья и пожар.
Воды выплеснут на сушу,
Петербург зальет по уши.
Есть еще предупрежденье
О губительном явлении:
Злой компьютерный микроб
Род людской загонит в гроб;
Разлетятся, словно склянки,
Все финансовые банки,
На полях заглохнет трактор,
Бухнет атомный реактор,
Захандрят автопилоты –
И побьются самолеты.
Но страшней всего догадка,
Что Земля хрупка и шатка,
Что до Ветхого Завета
Кувыркалась вся планета,
Что недолги времена –
Кувыркнется вновь она,
И губительные воды
Смоют начисто народы.
Как сказал какой-то поп:
Ждите, грешники, потоп!

Наивная песенка

Когда я милой надоел,
Я много дней не спал, не ел,
И мне она сказала:
«С тобою я устала».

Вздыхая горько, я ушел,
Но вскоре – стало хорошо:
Живу себе свободно,
Хожу куда угодно.

Однажды вечером в саду
Аллеей тихую иду,
Навстречу мне девица –
Лохматые ресницы.

И я ее остановил,
О пустяках заговорил,
И будто бы так надо –
Пошли мы с нею рядом.

Я рассказал – кто я такой,
И как обижен был судьбой, –
Она вдруг загрустила,
И сразу полюбила.

И за руку меня взяла,
И в лес за речку повела –
Одежду разбросала,
И на траву упала...

И были с нею мы близки
До самой гробовой доски –
В один и тот же день и час
В могилу положили нас.

Сожаление

Ах женщины! Забрали все права,
Изгнав средневековую рутину.
Глава семьи – уже не голова,
А просто одомашненный мужчина.
Не ходит он изюбра добывать,
Не знается с дуэльной рапирой –
Ему достаточно слегка повоевать,
Не покидая теплую квартиру.
Гримасит он от недовольства рот,
Ногой играя с собачонкой Моськой,
Сидит у телевизора и ждет
Кормилицу с тяжелою авоськой.
Он на досуге любит поболтать,
Что логики у женщин вовсе нету.
А коли так, то следует молчать,
Чтоб не вредить его авторитету.
Ах женщины! Зачем вам те права,
По совместительству – семья и производство?
Ведь дома есть такая голова,
В которой спит былое превосходство.

К духу Есенина

Почтенье тебе, Серега!
Низкий поклон поэта!
Зря ты отрекся от Бога, –
Он очень не любит это.

Верил ты безрассудно
Только в свои желанья,
День приближая судный,
Чтоб оборвать страданья.

Жалко, что кончил скверно...
А впрочем, с кем не бывало?
Пусть пьянствовал ты безмерно –
Зато имел баб немало.

Быть может, заглянешь в гости?
Поверь – я приму без страху,
Надену тебе на кости
Белую, в снег, рубаху.

То-то повсюду ахнут,
И толканут в печати.
А для тебя запахнут
Божьи цветы благодати!

Право, вставай из гроба,
Вместе гульнем влихую.
Выйдем с тобою оба –
И «фа-мажор» станцуем.

Словом, устроим грохот,
И попоем в усладу!
Мухами девки сдохнут –
Им про любовь ведь надо.

***

Море похотливое
Лижет груди скал...
Потряси, красивая,
Тем, что Бог послал.

Замани, лукавая,
Прелестью картин.
Мы сперва поплаваем,
А потом поспим...

Поиграй мне глазками
Под дугой бровей –
Я отвечу ласкою
Прихоти твоей.

Ах, как ты понятлива!
Словно воск мягка!
По тебе – податливой –
Ерзает рука...

Ах, с какою силою
Мечешься, любя!
Но скажи мне, милая,
Как зовут тебя?

Женский бунт

Свет померк...
Мир стал уменьшенным...
По какой такой причине?
Просто – в России исчезли все женщины,
И остались одни мужчины.

Первый день мужчины торжествовали,
Не ощущая катаклизма,
Работали, заседали, голосовали
За возврат к коммунизму.

День второй – не принес перемены,
Кроме вопросов:
– Что за чертовщина?
– Это шутка?
– Заговор? Или измена мужчинам?

Одни мужи затосковали.
Иной ревнивец ногой топнет.
Обследовали континенты,
Леса прочесали,
А женщин и след простыл –
Хоть лопни!

Начались дискуссии,
Симпозиумы и конференции,
Но толку от этого было мало.
В конце концов обвинили интеллигенцию,
И евреям попало.

А женщины, оказывается, сбежали в Азию,
В гарем к какому-то монголу.
Вот такое случилось безобразие
От невнимания к женскому полу.

Присказки

***

Безупречная душа
Бывает лишь у малыша.

***

Кто склонен на льстивые речи –
Имеет сутулые плечи.

***

Певчая птаха, попавшая в клеть,
И в ней продолжает петь.

***

Воюют Бог и Сатана –
И нескончаема война.

***

Когда разруха – из прорех
Наружу выползает грех.

***

Когда говорят о хорошем,
То легче становится ноша.

***

Я говорю себе: не трусь,
Поскольку страха я боюсь.

***

Над нами властвует проклятье –
Христа-Спасителя распятье.

***

Братва в команде братии –
Нарывы демократии.

Астрологические вирши

Овнам

Вас охраняет талисман –
Олень и золотой баран.
Но чтобы избежать утраты,
Рисуй зеленые квадраты.

Близнецам

Твой талисман – твоя рука.
Друзья всегда ей будут рады,
К ней липнут деньги и награды,
Но чтоб не получить пинка –
Не лезь рукой куда не надо.

Близнецу-женщине

Мужчину обольщай с опаской,
Не полагаясь на дурман.
Румяна, грим, любая краска,
Лицо, скрываемое маской, –
Всего лишь твой самообман.

Львам

Нет в жизни пагубнее страсти,
Чем жажда безграничной власти.
Коль хочешь ты любовь познать –
Умерь свой пыл повелевать.

Скорпионам

Коль нет орла – будь сам орлом
И за чиновничьим столом.
А чтоб в нутро не лезла хмарь –
Всегда носи с собой фонарь.

Стрельцам

Чтобы людьми повелевать,
Ты должен жезлом обладать.
А жезла нет – совет такой:
Вооружайся кочергой.

Козерогам

Ешь капусту, борщ вчерашний,
Можешь козлика купить,
А часам на всякой башне –
По-приятельски бубнить.

Принеси домой стремянку –
Это прежде всех задач, –
И лежи на оттоманке
В ожидании удач.

Рыбам

По карманам, под подушки
Положи себе ракушки.

Год Быка

Говорят, что в год Быка,
Если женщина здорова,
Ей положено слегка
Быть похожей на корову.

Год Свиньи

Мы, как заблудшие в тумане,
То небеса боготворим,
То благодарны обезьяне
Происхождением своим.

Но есть совсем иное мнение, –
По уверенью – без вранья, –
Что щедрый дар происхожденья
Нам обеспечила свинья.

Год Змеи

Среди царящей суеты –
Вы так загадочно просты
В покое мудрого молчанья.
Ваш взгляд таит самопознание,
Самовползание в грехи.

Спокойно слушая стихи,
Не размыкаете вы губки.
Но дивный шелест вашей юбки
Рождает грешных мыслей рой...
Как жаль, что я еще не твой!

Умом, изяществом владея,
Во мне вы разбудили Змея.
Ты – несравненная Змея!
Ползи ко мне и будь моя!

Тандем

Жена – Дракон,
И в то же время – Львица.
Такая может слопать с потрохом!
Но ей начертано ужиться
С неустрашимым Петухом.

Новогодние советы

***

Провожая Старый год,
Открывай пошире рот,
Чтобы ближние в запарке
Не забыли про подарки.

***

Не горюй, коль нету елки:
В каждом доме есть метелка.
На метелке опахало –
Понавешай что попало.

***

Соблюдай этикет,
Но себе не во вред.
Делай вид –
«Я пьян и сыт».
Но под общую шумиху,
Этак скромненько и тихо –
Как бывает на пиру –
Лопай черную икру.

***

Тот полнейший идиот,
Кто буянит в Новый год.
Проявляй мужскую жилку –
Пей, но не влезай в бутылку.

***

Если в обществе друзей
Ты набрался до ушей,
То ори – чтоб не забыли
Увезти в автомобиле.

***

Если все навеселе
В городище и селе,
То оно совсем не значит,
Что падун для всех маячит.
Пей, не доходя до качки,
И не станешь на карачки.

***

Если за столом упрямо
На тебя взирает дама,
Растопырь невинно зенки –
И коснись ее коленки.

Анонимоман

Он – как старатель на заимке,
Как сыч в дупле,
Как в норке крот –
Сидит и строчит анонимки –
О всем, что в голову взбредет.

И для него совсем неважно –
О ком или о чем писать:
В нем яд кипит писчебумажный,
Потребность жалить и кусать.

Он дни и ночи дышит злобой,
Повсюду выбирая цель.
А вот его найти попробуй –
Он как за тридевять земель.

Он – безымянный, как безродный,
Стремится неприметным быть:
Так легче из груди народной
Побольше кровушки попить.

Ему локатор был бы кстати,
Чтоб больше видеть, больше знать.
Он, как ночной гробокопатель,
Готов любого закопать.

Ему еще б ружье кривое,
Чтоб мог стрелять из-за угла,
Но к счастью, что ружье такое
Наука сделать не смогла.

Желает он пустить по миру
Сарказм и лубочную злость, –
Какой его долбают вирус,
Пройдя за лобовую кость?

Он млеет весь от наслажденья,
Посеяв всюду дребедень.
Крадется он безликой тенью,
Бросая тень на ясный день.

Во всем, что ясно и понятно,
Ему мерещится обман.
Он просто псих и, вероятно,
Обычный

АНОНИМОМАН.

Редактору

За что так много оскорблений?
Зачем невинного хлестать?
Ведь я тружусь, не зная лени, –
Писал и буду я писать.

Нужны для стада санитары,
Коль есть больные и падёж.
Ведь я пишу совсем задаром,
А Вы устроили галдёж.

Сперва скажите мне спасибо,
Что принял все за каламбур.
Не клюнул я, как дура-рыба,
На Ваш пасквильный «самодур».

Пускай я сыч, пускай старатель, –
Могу хоть кем угодно стать.
Но коли я гробокопатель,
То Вас сумею закопать.

Скажу Вам прямо: не рубите –
На чем сидите, то есть сук.
А то сплету такие нити,
Что позавидует паук.

Уверен – Вам не нужно стрессов,
Тем паче – синяков и ран.
Успехов я желаю прессе.
С приветом!

Анонимоман.

ПОСВЯЩЕНИЯ

Виктору Гончарову

Милость судьбы

Какой кому начертан знак –
Определяет Зодиак.

Коль ты не каменщик,
Не плотник,
Не сельской местности работник,
И не поэт,
И не актер,
И не философ-прожектор,
И не автобуса водитель –

То, значит, ты – руководитель!

И потому из всех ребят
Один ты будешь виноват,
Коль где-то,
Кто-то или что-то –
Неважно как и почему...

Такая у тебя работа –
За все, везде, и – одному!

*Александре Дмитриевне Оржевской
В день 70-летия*

Годы-годы...
Но только ли годы –
Нашей жизни единственный ход?
Годы – это как вешние воды
В бесконечном стремленьи вперед.

Слово СТАРОСТЬ внушает сомненье.
Сколько в ней рубежей или лет?
Старость – это покой,
А движенье –
Означает, что старости нет.

Вы взгляните во встречные лица –
Взгляд каков из-под пряди седой?
Стать старухой можно и в тридцать,
Можно в семьдесят быть молодой.

Есть ли прок в подведении итогов?
Неразумно черту подводить.
Лучше искренне верить в Бога,
Чтобы вечность души сохранить.

Геннадью Варфаломееву

Соратнику

Полвека – мизер для мужчины,
Хоть и не сокол – но орел!
Не забывай, что на седины
Клюет как стерлядь слабый пол.

В делах еще своротишь горы,
И не один набьешь шишак.
Переживешь: ведь ты матерый,
Как стаи опытный вожак.

Наверно, думаешь порою:
«Ах, годы-годы... Что за бег?»
Но это, право, возрастное,
Уж так устроен человек.

Как из «варяг» дорогой в «греки»,
Мы сами в будущность спешим...
При встрече в двадцать первом веке
Еще о том поговорим.

Валентину Шевцову

Апофеоз

Метеориты, чиркнув, пролетят.
Так и часы, и месяцы, и годы.
И вот уже тебе за шестьдесят –
И ты обрел обманчивость свободы.

Не тысячи теперь – копеечки беречь,
И не хандрить, и не брюзжать ночами,
А иногда на коечку прилечь,
Повспоминав, что было за плечами.

Или, открыв семейный свой альбом,
Увидеть в нем, что нет причин заплакать,
Что никогда не заносились в дом
Промозглость дня и уличная слякоть.

Найди себя – и пристально взглядишь,
И не вздыхай печально и устало.
Не правда ли – твой дух стремился ввысь?
Эх, очень жаль, что тело не летало!

Светлане Ч.

Вам безнадежно мало лет –
Пустяк, всего лишь четвертушка,
Но рассуждаешь как старушка,
На все в запасе есть ответ.

Витая в сонмище забот,
Боясь без памяти влюбиться,
Вы – словно гордая орлица,
На всех взираете с высот.

И вам, наверное, под стать
Иметь покорного мужчину,
Чтоб, погоня хворостиной,
Упрямо им повелевать.

Анатолию Бакланову

Жизнь немыслима без стрессов,
Жизнь – всегда сплошной накал.
Вспомни милую Одессу,
Молдаванку и Пересыпь,
Где от страха не икал.

Вспомни смелую походку,
Когда шли гурьбой на «Брод»,
Как от слова «мореходка»
Там шарахался народ.

Вспомни, как морскою марью
Даль куда-нибудь звала,
Как мечта по Заполярью
До печенок проняла.

Это брызги за кормою
За порогом в шестьдесят,
Если грудь готова к бою
И сияет от наград.

В нашем странном, бренном мире
Не иссяк в тебе запал.
Ты в Москве для нас в Сибири –
Настоящий Адмирал!

Тамаре Матюкевич

Интеллектуальное снабжение

Доминантная Тамара,
Кроме прочих важных дел,
На тушение «пожаров»
Может бросить весь отдел.

Все в отделе, как борзые,
С языком до самых пят.
Но, хотя бывают злые,
Никого не матерят.

Не облают вас с порога,
В морду вам не наплюют –
Молча в руки вложат ноги
И ищейками бегут.

И не то чтоб тары-бары –
Никаких тебе забав!
Все обнюхают амбары,
Ноги по-пере-ломав.

Все найдут, чего хотите,
Чтоб балбесов ублажать.
Нет, уж как ни говорите –
Легче все-таки рожать!

Ветеранам войны

Редуют их ряды... Их с каждым годом меньше...
Их поступь жизни – славных дел венец.
Мы знаем тех мужчин
И тех отважных женщин,
Пронесших сквозь года огонь своих сердец.

Бушует мир, клокочет в пробужденье,
Желая видеть радость в каждом дне.
Стоит он грудью против грозной тени,
Вступая в бой, чтоб не бывать войне.

Глядят на нас отцы и наши деды –
И тот, кто жив, и тот, кого уж нет.
В руках у нас наследие Победы –
Опора для свершения побед.

Огонь в сердцах поддерживает пламя,
Сжигается попутно всякий хлам.
Колени преклонив, свое родное знамя
Подносим мы к трепещущим губам.

Актер

Он ладен, он неплохо скроен,
Седьмой десяток разменяв,
Но иногда слегка расстроен,
Что нет уже былых забав.

Он часто видит в сновиденьи,
Как наяву, тылы кулис,
А там – пленительные тени
Очаровательных актрис.

Они в одеждах старой моды,
А декольте как крик души.
И не состарили их годы –
Они все так же хороши.

Он дарит им свои улыбки,
По сцене карасем плывет,
Они же, «золотые рыбки»,
Ему заглядывают в рот.

Но сновиденье неизбежно
От пробужденья улетит.
Проснется он в томленьи нежном –
А перед ним жена сидит.

Не все грузины родились
В столичном городе Тбилиси.
Зато родился там Степан –
Потомок доблестных армян.

Его отец был мастер дела –
Он сапоги тачал умело.
И надо искренне сказать –
Была искусницею мать.

Но жизнь, увы, как в шторме лодка.
Степан, окончив мореходку,
Взглянув окрест в последний раз,
Покинул солнечный Кавказ.

Не просто так, а дела ради,
Он оказался в Ленинграде.
А вот оттуда, так сказать,
Рукой до Мурманска подать.

Тот город – двух морей обитель,
А он, Степан, – гидростроитель.
Он не боялся новых мест,
И был готов на переезд.

Ведь есть стремленье в человеке:
Познал моря – давайте реки.
А коли с горами знаком,
Неплохо стать сибиряком.

Сибирь для всех стихий открыта.
В Сибири много пережито.
Но, как громада обских вод,
Жизнь устремляется вперед.

Газета

Собрав события всего света
И на столе их распластав,
Глощает жадно их газета,
Как крокодил или удав.

Она сенсациями блещет,
Успех реформами суля.
И, словно кнут, газета хлещет
Всех нерадивых у руля.

В ней есть и критика со вкусом,
И фельетон, как динамит.
Бывает, что законным браком
Она людей соединит,

Объявит, где искать работу,
Обмен квартиры подберет,
Проявит чуткую заботу,
Когда к ней жалобщик зайдет.

Она посетует, подскажет,
Не отнесется свысока.
Она описывает даже
Работу цеха и станка.

Она строкою путеводной
Любого сделает бойцом.
Она является народным
Весьма ответственным лицом.

В метро, в трамвае, в самолете,
На ужин, в завтрак и в обед,
И в кабинете на работе –
Мы жить не можем без газет.

Ее полезные советы
Нужны как воздух, нету слов.
Досадно только, что газета
Бывает кладбищем стихов.

Хорошо ходить по горам,
Не слушая радио,
Не читая газет.
Быть может, в мире трам-тарарам,
А нам до этого и дела нет.
Шагаем себе тропами козьими,
Да смотрим в синее поднебесье.
Где-то происходят всякие козни,
А мы заняты беззаботной песней.
Жжем костры,
Варим бобовый суп,
Ставим палатки на альпийских высотах,
И смотрим свысока на тех,
Кто, надрывая свой пуп,
Старается переплюнуть кого-то.
Ну и младенцы!
Ну и чудаки!
Я бы не вернулся туда –
Как бы ни звали,
Но вот досада – стоптались башмаки,
И штаны в клочья изодрались...

.....
А как там – в Москве?
Какая температура?
Наверное, в газовом зловонии нелегко?
А тут – изумительная верхотура:
Дышим чистым «озоном»,
Спим на траве
И пьем парное молоко.
Ударит гром, хлынет ливень –
Нам не помеха!
Небо намочит – небо и высушит.

А там – ну и потеха!
Все бегут и прячутся в подворотнях,
Как мыши!

.....
Моя бы власть –
Вернул бы время пещерного бытия
Или заставил бы выучить наизусть:
«Что такое хорошо
И что такое плохо»,

А то чувствую – и меня затягивают
События,
И становлюсь я отчаянным пройдохой.

.....
А как там Израиль?
Унялся?
А может, Никита Хрущев помер?
А мы и не знаем!
Но я бы так
Весь век по горам скитался –
Не слушая радио
И газет не читая!

.....
Но ныне не в моде такая охота.
Даже с девчонкой запрещено баловаться.
Приеду домой,
Пойду на работу –
И буду паинькой всем улыбаться.
А пока –
Да здравствует свобода!
Да здравствует небо и звездный путь!
Не сочтут ли меня за нравственного урода,
Прочитав эти строки когда-нибудь?

А есть и такие, что спросят:
«Что за крамольные речи?
Что за охульный небожитель?
Если ему делать больше нечего,
Тогда, власть имущие,
Свяжите его
И куда-нибудь упеките».

.....
Но тогда я обязательно сбегу –
Сюда, на высоты разведанного рая,
И вместе с радугой изогнусь в дугу, –
Не слушая радио
И газет не читая!

1967
Теберда

ПРОЗА

ЭХО ВРЕМЕН

Эссе

Уважаемый читатель! Как только в моем повествовании дружина Ермака стала обустриваться в верховьях Сылвы, вблизи Уральских гор, называемых в прошлом Каменным Поясом или просто Камнем, у меня возникло множество вопросов относительно племен и народов, заселявших Сибирь в те времена. Я подумал, что без ответа на них не обойтись, что это небезынтересно не только для меня, но и для любознательного человека, заинтересованного прошагать вместе со мной дорогами прошлого. Мне кажется, что такой экскурс в историю поможет понять – как горстка казаков сумела прибрать к рукам столь обширное Сибирское ханство.

Облик, культура, языковые различия и сходство обычаев, языческие верования, легенды, создающие ореол восхищения, неудержимо влекут меня к познанию истоков народов Сибири. Кто такие вогулы и остяки, теперешние манси и ханты, кто такие сибирские татары и татары-чингизиды? Эти вопросы не дают мне покоя, и я считаю, что, не ответив на них, невозможно объяснить то, что произошло, когда Ермак со своею дружиною перевалил через Уральский хребет.

Огромное разнообразие населения Сибири в XVI веке заставляет предполагать, что Сибирь была местом продолжительной деятельности народов, имеющих некогда самостоятельную культуру, но с течением времени утративших познания.

Западно-Сибирская равнина стала осваиваться человеком в конце древнего каменного века, примерно 15-20 тысяч лет назад на исходе ледникового периода. К шестому-четвертому тысячелетию до н. э. относятся открытые памятники эпохи неолита – нового

каменного века. На протяжении всего неолита в лесостепи и южной тайге Притоболья взаимодействовали два крупных сообщества населения. В то же время в Притоболье и на Ишиме появились представители иной культуры, истоки которой уходят к районам Прикаспия.

С этого времени аборигены, как можно предположить, подвергались влиянию пришельцев. Исторические источники весьма ясно проливают свет на то, как многие народы, один за другим вытесняемые с юга на север вторгнувшимися племенами, уходили в необитаемые тундры севера или оседали в районах среднего Иртыша и Оби. Эти племена стояли на очень низкой ступени развития, вели жалкую кочевую жизнь, занимались охотой и рыбной ловлей.

Есть основание считать, что самыми древними жителями Сибири из пришельцев были енисейцы, или так называемые енисейские остяки, которые в IV веке до н. э. покинули восточно-азиатское плоскогорье, двигаясь с востока на запад по южному склону Алтайского хребта, и обосновались на первом этапе в верховьях Енисея, а затем переместились на север Сибири. Это племя совершенно отличалось своим языком от всех урало-алтайских племен, что указывало на его полную изоляцию от тюрко-монголов. Это племя в непривычных для него условиях сурового климата было обречено на вымирание. В XI веке, когда русские пришли в Сибирь, енисейских остяков насчитывалось едва около тысячи человек.

Вслед за енисейцами, в результате первой народной волны, под напором народа хунну в III веке до н. э. последовали народы-племена угро-самоедов, которые перешли Алтайский хребет, а жили до этого, наверняка, близко от тюрко-монголов, так как их язык относился к семейству урало-алтайских народов.

Каково же было географическое распределение народов, вытесняемых с юга? Подробное описание о таком распределении нахожу у П.П.Семенова в издании 1884 года «Живописная Россия». Он сообщает, что по верховьям Иртыша жили западные монголы (калмыки). Параллельно с рядом монгольских народов тянулся ряд тюркских племен от Иртыша до устья Лены. По среднему течению Иртыша жили аялы, туралы и курдаки. Дальше на восток, в Барабинской степи, до Оби – барабинцы; между Обью и Томью, к северу от Алтая, – телеуты; на Алтае – уранхайцы и телесы (уйгуры). По верховьям Енисея жили сагайцы, киргизы (хагасы) и саянцы. Между Томью и Енисеем, к северу от тюркских племен – енисейские остяки – на левом берегу среднего течения Енисея, а на правом – котты и ассаны. Крайний север Западной Сибири занимали самоедские племена.

Во время русских завоеваний самоеды, енисейцы и тунгузы стояли на такой ступени развития, что от них не получено никаких

преданий о доисторическом времени. Только угро-самоеды оставили все найденные в Сибири древности, относящиеся к бронзовой эпохе. Но последующего развития цивилизации мы уже не наблюдаем. Что могло препятствовать этому? Ответ на этот вопрос также дает П.П.Семенов.

От горной цепи, простирающейся от верховьев Иртыша на восток, идет к северу несколько отрогов, покрытых лесами и болотами, которые были удобны для плотного заселения. Наибольший интерес для переселяющихся народов представляли два района, относящихся к этому повествованию. Это северо-западный край Алтая до Томи и долины со степями верховьев Енисея, Абакана и Чулыма. Названные районы имели в изобилии все необходимое для жизни культурного народа. Большие долины, окруженные горными цепями, смягчающими суровый климат, были большей частью плодородны, удобны для земледелия и скотоводства. Протекающие по ним реки изобильно снабжали рыбой, а окружающие горы – металлом, золотом и серебром. В лесах водилось много всякого рода пушного зверя и дичи. Одного лишь доставало жителям этих местностей – удобных способов сообщения с другими образованными народами. Горы и пустыни отделяли эту часть Сибири от юга, бесконечные степи простирались между ней и Европой, а река Обь вела через неплодородные тундры в малодоступный для судоходства Ледовитый океан. Этим, видимо, и объясняется ранняя гибель начавшегося самостоятельного развития ее жителей.

Движение воинствующих орд привело к исчезновению многих народов и их цивилизаций. Об этом нам сообщают древние китайские историки. Первым из них было нашествие могущественных орд народа хунну в III веке до н. э. За ним следует в IV веке н. э. народ жунжань, затем тукю, хайхой и, наконец, хагас (киргизов, получивших это название от китайцев). Все они будто бы тюркского происхождения. Эти народы, по свидетельству китайских источников, частью направились в Сибирь, что до некоторой степени разъясняет прежнее положение ее жителей.

В Северной истории (Бей-Шы) говорится, что в 492 году уйгурский царь Афуджило покинул со ста тысячами своего народа Селенгу, направился на запад и основал в верховьях Иртыша новое самостоятельное государство. Далее та же история сообщает, что Или-Хан-Тумын, царь восточных тукю, напал с севера (с Алтая) на передвигавшихся по Иртышу телесов (уйгуров) и подчинил себе Аймак, состоявший из 50 000 кибиток. Под влиянием этого успеха он послал к Анауху, главе народа жунжань, предложение брачного союза с его домом. Анаух, разгневанный такой дерзостью, отвечал: «Как осмеливаешься ты, мой плавильщик (т.е. занимающийся обработкой металлов), делать мне такое дерзкое предложение?»

Тумын велел убить посла, передавшего такой ответ. Впоследствии Тумын породнился с китайской династией Вэй, а в 552 году послал войско против жунжань и одержал полную победу.

В истории династии Тхань говорится о продолжительных войнах народа хагас (киргизов) с уйгурами (телесами). Из этой истории известно, что государство Хагас было чрезвычайно могущественно и имело 80 000 строевого войска, что оно простиралось от верховьев Иртыша до верховьев Енисея и занимало собственно Алтай. Хагасы занимались земледелием и скотоводством, сеяли просо, ячмень и пшеницу. Муку они мололи ручными мельницами. Вино квасили из каши. Их лошади были полны и рослы, а дикие лошади очень ценились. Они держали также верблюдов, коров и овец. Богатые люди владели стадами в несколько тысяч голов. Главную пищу хагасов составляло мясо и кобылье молоко. Из музыкальных инструментов они имели флейту, бубен и еще два неизвестных инструмента. Они очень любили смотреть представления с обученными львами и верблюдами, а также волтижирование на лошадях и балансирование на веревке. Хагасы были рослы, с рыжими волосами, румяным лицом и голубыми глазами. Мужчин было меньше, нежели женщин. Мужчины носили в ушах кольца, были горды и стойки, татуировали себе руки. Женщины же, выходя замуж, татуировали шею. Оба пола жили нераздельно, почему у них было большое распутство. Многие их слова дают возможность предположить, что они принадлежали к тюркскому племени. Но так ли это?

Еще в XVII веке русские встретили много киргизов в долине Енисея и телесов на восточном крае Алтая. Историки полагают, что все племена южной Сибири, говорящие на тюркском языке, частью потомки этих тюрков, переселившихся в первые века нашего летоисчисления на Алтай, частью иноземцы, «отатарившиеся» под влиянием тюркских народов.

Тюркские племена в Сибири не сохранились в первоначальной чистоте своих племенных признаков (рыжие волосы, голубые глаза), а это значит, что тюрки наружностью резко отличались от соседей монгольского происхождения. Казак-киргизы и алтайские тюрки стали иметь вполне монгольский вид. Барабинцы и иртышские тюрки походили на самоедов и остяков, тогда как между татарами восточной России встречалось много блондинов. Однако есть сомнение, что светлые волосы и голубые глаза – признак племенной чистоты тюрков. Но об этом скажу ниже.

Читая «Живописную Россию», я искал и не находил упоминания о кипчаках. А ведь появление этнической общности – сибирских татар – связывают с этим народом, пришедшим около тысячи лет назад на юг угорских земель (т.е. в период первой волны дви-

жения народов), в связи с чем местное население отошло в более северные районы, а часть его ассимилировалась пришельцами. Так говорят современные историки.

Кто же такие кипчаки?

Сведения о них когда-то промелькнули передо мной во время давнишнего чтения. Начинаю перебирать стопку потрепанных, залежалых на моих книжных полках журналов, и нахожу: «Роман-газета». Владимир Чивилихин, «Память». Перелистав, читаю: «Русские, впервые увидев кипчаков в одиннадцатом веке, назвали их половцами из-за светлого, соломенно-желтого, «полового» цвета волос, а среди маньчжуров даже в восемнадцатом веке нередко встречались субъекты со светло-голубыми глазами, прямым или даже орлиным носом, темно-каштановыми волосами и густой бородой». И далее: «Самоназвание енисейских кетов – «ди», что на их необыкновенном языке означает «люди». В XIV веке арабский историк Эломари написал: «В землях Сибирских и Чулыманских сильная стужа; снег не покидает их в течение шести месяцев. Несмотря, однако, на их стесненную жизнь, нет между разными родами... людей красивее их телом и белее цветом своей кожи. Фигуры их – совершенство создания по красоте, белизне и удивительной прелести. Глаза у них голубые».

Ранее я выступал в роли «любопытного читателя», к которому обращался В. Чивилихин, но теперь, в состоянии целеустремленности, делаю для себя потрясающие открытия. Ответ на один вопрос порождает другие. Народ «ди», или динлины, на которых по родовому признаку похожи не только киргизы и енисейские кеты, но и маньчжуры и кипчаки, – кто они? Откуда они взялись?

Грум-Гржимайло пишет, что динлины составляют ядро того народа, который в 1122 году до Рождества Христова овладел всем Китаем, дав ему династию Чжоу. Ученый числит динлинов в долине Хуанхэ еще в третьем тысячелетии до н. э. Они отличались высоким ростом, голубыми глазами, белокурыми (рыжими) волосами. Динлины строили дома – деревянные срубы, крытые древесной корой, были знакомы с земледелием, которое вели близ своих поселений, но легко снимались с места в поисках рыболовных и охотничьих угодий. Мужчины носили серьгу в ухе, не терпели подчинения и сами не были тиранами. Они знали рудное, литейное и кузнечное дело, сами изготавливали себе оружие, были храбрыми воинами, «имели сердце тигров и волков», но, будучи свободолюбивым, подвижным народом, жили разрозненными мелкими родами, собираясь вместе для борьбы с общим врагом.

Китайские источники указывают, что с VII века до н. э. динлины вели наступательные и оборонительные войны, разгромив в 661 году царство Син, а на следующий год государство Вэй. Затем

в V веке до н. э. они создали самостоятельное государство, следы которого прослеживаются до 318 года н. э.

Вопрос – кто они? – стал назойливым в моем повествовании. Некоторые ученые считали динлинов родственными древним иранцам, другие – тюркоязычным народом, а один исследователь предположил, что они предки славян, но веских доказательств не нашел.

Однако такое предположение, на мой взгляд, имеет право на существование и изучение. В подтверждение этой версии мне захотелось найти зацепки в известных и малоизвестных сведениях о белой расе.

Белая раса, зародившаяся вблизи Северного полюса, не могла быть аборигенной на Востоке – материке возникновения желтой расы, появившейся задолго до людей с белым цветом кожи, но позже черной расы.

Развившись в числе и силе, белые первоначально переселились на Юг, преодолевая леса Конской Земли (нынешняя Россия), и добрались до земель Польши, а оттуда до возвышенностей Центральной Европы, где в то время проживала черная раса, имеющая несравненно высокий уровень цивилизации. Черные покорили белых и использовали их в качестве рабов в рудниках и на постройке крепостей, что закалило невольников, а приобретенный опыт позволил самостоятельно изготавливать оружие.

Вскоре, скрываясь в непроходимых дремучих лесах, белые стали одерживать многочисленные победы над черными, и по истечении некоторого времени полностью их уничтожили.

С самого начала инициативу в этой борьбе проявила женщина по имени Валюспа, обладающая пророческим даром. В благодарность пророчице стали возводиться жреческие храмы, и женщины-друидессы обрели верховную власть, основанную на страхе и человеческом жертвоприношении.

Столь жестокое всемогущество женщин вызвало противодействие мужчин. В результате часть кельтов, примерно 10 000 лет до Рождества Христова, покинула отечество и добралась до Аравии.

От смеси, которая происходила на основе северной и южных рас, произошли арабы. Эти арабы, или кельты-бодоны, длительное время – не менее двух тысячелетий – были властителями Аравии, пока не пришла на их земли новая волна кельтов из Центральной Европы. Это привело к тому, что часть арабов осталась на месте, часть перешла в Эфиопию, а часть предпочла бродить по пустыне, почему и получила название евреев, то есть скитальцев.

Теперь вернемся к кельтам, оставшимся в Европе под тиранией друидесс, до того как они составили вторую волну, последовавшую на Восток.

Белая раса едва не погибла от проказы в результате сношения с черными. Спасителем явился замечательный гений друидов по имени Рама. Он изобрел лекарство из дубовой омелы и избавил народ от страшной болезни. Друиды долго хранили секрет приготовления лекарства, а в память этого дня был установлен ежегодный праздник, совпадавший со временем обновления сил земли и собирания дубовой омелы, – Рождество и Святки.

Друидессы, опасаясь большой популярности молодого человека, Рама, придумали средство избавления от него. Они предложили «передать послание предкам» путем принесения в жертву самого Рама. Но он не согласился на это и, во избежание междоусобной войны, покинул Родину, а за ним последовало несколько тысяч человек. Это случилось за 6 700 лет до Рождества Христова.

Рама направился на юго-восток вдоль Каспийского моря, провел несколько лет у подошвы Уральских гор, сформировал войско, включив в него местных белых, и двинулся в поход на Индию. Для этого он перешел Уральский хребет и расположил свой первый лагерь между Каспийским и Аральским морями.

Оттуда Рама отогнал черных до острова Ланки (Цейлона), где разбил армию фараона, а его самого убил. Индусская поэма «Рамаяна» передает часть этих фактов. Владычество Рама имело значительное влияние на все предания белой расы.

Сделавшись властителем Индии, Рама образовал теократическое и религиозное государство. Он установил на Тибете первосвященство, переименовав свое боевое имя Рама (Овен) на имя священника Лам (Ягненок), основав ламаизм, культ таинственного агнеца, характерный для арийской расы.

Обычно с этого времени историки, не зная или забывая, что белые пришли в Индию с Запада, описывают события, утверждая, что раса белая, или арийская, вышла из Индии.

Рама настолько воспринимался как избранник Провидения, что все белые племена и даже некоторые другие описывают этого героя в своих летописях под разными наименованиями.

Все эти сведения, уважаемый читатель, почерпнуты мною из трудов французского медика Жерара Энкоса, известного под псевдонимом Папюс, впервые опубликованных в государстве Российском в Петербурге в 1912 году. Папюс в доступной форме излагает основные представления оккультизма, раскрывает секреты сокровенной мудрости древних, тайны алхимии и астрологии, спиритизма и истории мистических учений, вводит в мир эзотерической философии, магии, каббалы.

Под какими же именами выступает герой белого рода человеческого?

У индусов – Рама,

на Тибете – Лама,
в Китае – Фо,
в Японии – Па,
на севере Азии – Па-па, Па-ди-шах,
в Персии и Иране – Жиам-Шид,
у арийцев – Дионисий.

Следует напомнить, что в древней религии символ Овна соответствует Солнцу, а в мифологии фигурирует бог Солнца Ра.

Приведенные наименования Рама могут подвести к общему знаменателю разнообразные мистические истории.

Именно Раму принадлежит создание списка Зодиака, чем он показал всю силу своего гения. Первым знаком Зодиака был поставлен Овен, настоящее его имя. Надо полагать, что в то далекое время знак Овна должен был совпадать с началом года, то есть с временем зимнего солнцестояния – Матери ночи. В начале же XX века эта ночь попадала на знак Стрельца, что как бы составляет возвратное движение на 120 градусов. Исходя из того, что точка равноденствия отстает на 50,16 секунды в год, астрономы подсчитали, что давность Зодиака соответствует 8 640 годам, точно совпадая с календарем или хронологией Арриана.

Столь высокие астрономические познания того времени у Рама явно перекликаются с достижениями динлинов, создавших изумительный календарь, о котором я упоминаю в настоящем повествовании.

Правоверное посвящение белой расы всегда изображалось белым цветом – символом силы мужского пола, сумевшего преодолеть тиранию друидесс. При случае, уважаемый читатель, обрати внимание на изображение Овна. Он спасается, повернув голову назад, со взором, обращенным на покидаемую им страну.

Царство Рама существовало около 35 столетий, после чего началось перемещение полюса цивилизации из Индии, куда перенес его Рам, к земле кельтов, где оно должно было быть изначально.

Распад государства Рама начался по причине внутренних противоречий и мятежей. Мятежники в знак протеста приняли красный цвет, считая пурпур цветом могущества. Они были воинственно настроены и стремились к завоеванию новых территорий для своих сообществ. Их называли племенами скотоводов, финикиянами и др. Выйдя из Индии за 3 200 лет до Р. Х., они, в конечном итоге, разбрелись по всему белому свету. Примечательно, что по времени это совпадает с нашествием с Востока орд хунну, состоящих из скотоводческих племен. Грум-Гржимайло числит динлинов в долине Хуанхэ примерно в этот же период, называя третье тысячелетие до нашей эры. Он относит енисейских кетов к «ди» (т. е. люди), принявшим это самоназвание. Кроме того, нельзя не учиты-

вать его утверждение о принадлежности динлинов к европеоидной расе.

Невольно склоняешься думать, что динлины являются одной из частей народа после раскола государства Рама, так же как в первую волну произошло возникновение арабов и евреев. Ведь известно, что выходцы из Индии – кельты – повлияли на многие народы и их правящие династии, на образование новых государств. В 2 700 годах до н. э. они пришли в Египет, внося коррективы в династии фа-ра-вонов, узнав предания об Атлантиде. Другие части кельтского народа, покорив Аравию и почти всю Малую Азию, положили основание могущественным государствам: Финикии и Ассирии.

Если не кельты, принявшие самоназвание «ди», то кто еще из белой расы мог в 1122 году до н. э. овладеть всем Китаем? Других людей белой расы, кроме пришедших с Севера, в Азии не было. Даже угры, пришедшие сначала из Азии на Алтай, а затем переместившиеся на северо-запад, говорили на языке, относящемся к северной финно-угорской группе, что указывает на Север как их первичную родину. Наверное, не только Рам покинул свое отечество, но были и другие народы белой расы, ушедшие с Севера искать обетованные земли.

Люди белой расы, распространившись по Азии, проникнув далеко на Восток, не могли полностью сохранить свой первоначальный облик и язык. Смешиваясь с черными, желтыми и остатками красных, они претерпевали те или иные изменения, принимали отличные от первоначальных черты и составляли новые народы в рамках образования новых государств.

Уважаемый читатель, мое мнение таково, что современным историкам есть над чем поработать, глубже исследуя движения белой расы.

Грум-Гржимайло не сомневается в принадлежности динлинов к европеоидной расе, что подтверждается данными антропологии. На обширной территории Китая, где когда-то жили динлины, расположено множество предметов искусства и быта, выполненных в знаменитом скифском «зверином стиле», в том числе наборы оружия, конские сбруи, украшения I тысячелетия до н. э., не имеющие ничего общего с типично китайскими предметами того времени.

В 1954 году президент китайской Академии наук Го Можо писал о влиянии скифского искусства на древнекитайские бронзовые изделия эпохи Чуньцю (VIII-V века до н. э.), а далее: «Население царства Чжуншань было ответвлением «белых ди» (!)

В китайском «Каталоге гор и морей» также имеется фрагмент: «Есть царство Динлин...» Комментатор этого памятника III века н. э. Н.Я.Бичурин, известный востоковед прошлого века,

пояснял, что динлины – племена, обитавшие на землях от Енисея до Байкала, а Грум-Гржимайло, ссылаясь на множество исследований, утверждал, что динлины растворились почти во всех соседних племенах и народах. Некоторая их часть еще до нашей эры была ассимилирована народом хунну, другая, смешавшись с тюрками, образовала средневековых уйгур и киргизов – оба эти народа, в отличие от древних китайцев и тюрок, носили в ушах, как динлины, серьги; уйгуры в старину звали себя «дин-ли», а среди киргизов в начале IX века высокий рост, белый цвет кожи, румяное лицо, рыжий цвет волос и зеленые (голубые) глаза настолько преобладали, что черные волосы считались нехорошим признаком, в людях же с карими глазами единоплеменники усматривали потомков китайцев.

Уважаемый читатель, ты, наверное, потрясен не менее, чем я. Поверь – тут нет никакой выдумки или розыгрыша, а все, как нельзя кстати, служит прояснению вопросов, связанных с темой романа. Поэтому задержу еще твое внимание в экскурсе по страницам «Памяти».

Динлины – самая восточная ветвь скифских народов – можно считать, за тысячу лет до Чингиз-хана исчезли с исторической арены. Ушел в небытие их язык древнеиранских корней, хозяйственный и семейный уклад и своеобразная культура. Кочевники времен Чингиз-хана не строили изб, не обрабатывали землю, не умели выплавлять руду и ковать оружие, не носили в ушах серег, были многоженцами. В историю входил совсем другой народ, точнее сказать, еще не народ, а разрозненные скотоводческие племена, впервые объединенные Чингизом.

Видно, на самом деле динлины были многочисленным, подвижным, терпимым и уживчивым народом, если их расовые признаки в разные времена фиксировались у многих народностей Западной Сибири, вплоть до курильских айнов. Несомненно, что и кипчаки были одной из ветвей восточных скифов, динлинов, не имеющих никакой этнической принадлежности к монголам или татарам.

Вывод напрашивается один – сибирские татары есть название нарицательное.

Кроме того, видимо, не следует упрощать вопрос заселения Сибири только волною кипчаков. Несомненно, что какая-то часть других народов также мигрировала в северные районы и ассимилировалась с местным населением. Напоминаю, что угро-самоеды не были кочевым народом и, кроме земледелия и охоты, занимались горным делом и металлоплавкой, изготавливая бронзу. Это они научили хагасов и уйгуров литью металлов. Недаром хан народа жуньжань называет Тумына «плавильщиком», а появление в Сибири в

V веке железа могло вполне принадлежать племенам тукю. Однако нет сомнения, что влияние кипчаков в Сибири было преобладающим. По расовым признакам это был более самостоятельный народ, с более высоким уровнем социально-экономического развития, чем у угров. По прошествии многих веков, вплоть до XVI века, жители Сибири говорили на языке кипчаков.

Но все же кипчаки пришли в Сибирь позже других тюркских племен? Судя по всему – позже, и их приход состоял из двух волн.

Формирование сибирских татар началось еще в VI-VIII веках, т.е. за четыре-пять веков до появления кипчаков. Как установлено археологами и лингвистами, с Алтая и из центральных районов Казахстана в лесостепи Западной Сибири первыми стали переселяться древние тюркские племена. Те, что расселились в Среднем Прииртышье, образовали барабинских татар, в Притомье и Среднем Приобье сложились группы томских татар. Вслед за этим, в IX-X веках, в Притомье и Среднее Приобье проникли племена киргизов, уйгуров и, затем, кипчаков, основная часть которых осталась в Великой Степи.

Пришельцы-кипчаки представляли собою наиболее многочисленную группу по сравнению с другими тюрками, чем и можно прояснить их влияние на язык местных племен.

На территориях, захваченных тюркскими племенами, жили угры и самодийцы – предки современных ханты, манси и селькупов. Основная часть этого населения мигрировала на север, а оставшаяся смешалась с пришельцами. В результате в состав барабинских татар вошли предки ханты (остяков), в состав туринских – ханты и манси (остяки и вогулы), в состав томских – селькупы.

О таком порядке заселения Сибири свидетельствуют китайские источники. Они упоминают, что там процветало владычество тюркских племен от начала IV до VIII столетия, которое постепенно ослабевало вследствие внутренней борьбы.

Вторая волна массового переселения кипчаков в Сибирь произошла через 250-300 лет, но не ранее 1223 года, когда Чингизова орда, под предводительством полководца Субудая, уничтожила половецкие становища, овладела Крымом и Причерноморьем и разгромила соединенное воинство русских и половцев.

На этот раз кипчаки продвинулись к северу, в таежную зону, в Притоболье и Прииртышье, частично вытеснив коренное угорское население, которое ушло к северу и востоку. Часть населения осталась и слилась с пришельцами.

Так называемые сибирские татары вели полукочевой образ жизни. Основным их занятием было скотоводство, разведение лошадей и овец. Существовали также небольшие очаги земледелия. В постоянных поселках развивалось гончарное производство, ткаче-

ство, плавка и обработка металлов. Хозяева улусов – мурзы и беки – владели пастбищами, скотом и рабами, а «черные люди» несли военную службу в отрядах улуса.

Сибирские ханы силой подчинили себе все местные племена на Урале, в низовьях Иртыша и на Оби. С покоренных племен они взимали дань.

Уважаемый читатель, думаю, что будет небезынтересно узнать о формировании местных племен с древнейших времен вплоть до XVI века. Если не принимать во внимание памятники мезолитической эпохи, уходящей от наших дней на 8-10 тысяч лет, а сразу перейти к памятникам палеолитических времен, то можно условно считать, что где-то в VI-V тысячелетиях до н. э. появился первый человек в Западной Сибири. Предположительно, как уже говорилось, это были енисейские остяки. Об их появлении свидетельствуют, например, наконечники копий с кремниевыми и костяными вкладышами. Более поздние памятники культуры предков ханты и других народов эпохи неолита и бронзы в III-II тысячелетиях до н. э., видимо, связаны с приходом в Сибирь угро-самоедских племен. Этот период интересен находками оружия: бронзовых кинжалов, мечей, боевых топоров, наконечников стрел и копий, секир, костяных панцирей и шлемов. Предметы, найденные в городище Усть-Полуй (под Салехардом), дают нам представление о предках ханты, об их противостоянии захватчикам, продвигающимся с юга. Об этом можно судить по обилию оружия, по укреплениям поселений с помощью земляных валов и рвов. Жители городища занимались рыболовством, морским зверобойным промыслом, охотой, собирательством ягод, кедровых орехов, съедобных корней. Женщины шили одежду и обувь из звериных шкур, умели делать нитки из крапивы. Жили они в полуземлянках, ездили на собаках, запряженных в нарты.

У каждого из древних сибирских племен были свои тотемы: медведь, лось, олень, ястреб, зайчиха, гусыня, лягушка. Видимо, они соответствовали той территории, на которой проживало племя: тайга, тундра, болото и т.д. Особенно интересны сюжеты на литых медных и бронзовых бляхах: борьба медведя и орла, хищная птица на спине медведя, борьба лося и орла и тому подобное. Из этого можно заключить, что не только от внешнего врага защищались племена, но и между их фаториями велись постоянные войны. На определенном этапе их воинское искусство было на довольно высоком уровне, о чем говорят имеющиеся сведения о столкновениях северных племен с русичами.

Первое знакомство русских с Сибирью принадлежит Великому Новгороду. В начале XI века новгородцы предприняли первый поход в Югру, но потерпели неудачу. Югры побили их, и назад вернулись немногие. Но это не охладило пыл стяжательства пред-

приимчивых новгородцев. Имея издавна сведения о богатстве Югорской земли разными пушными зверями, серебром, украшениями из хрусталя и бисера, моржовыми клыками, они желали распространить свою власть в этих местах и собирать дань с местных народов. Поэтому походы периодически возобновлялись. В конечном итоге, во второй половине XIII века Югория уже числилась как Новгородская волость. Однако племена не хотели быть даньщиками и оказывали яростное сопротивление.

Угорско-самодийские племена, теснимые с юга и заселившие обширные территории севера Приуралья, Припечерья, Зауралья, с появлением воинственных русичей стали перемещаться: одни на восток, другие на запад. Первобытно-общественное устройство этих племен и их раздробленность не позволили им противостоять внешнему врагу.

По-иному проистекало развитие племен в западно-сибирских лесостепях, в лесостепном Тоболо-Ишимье. Те племена, которые выдержали удары мощных миграционных потоков с юга и остались на месте, стали основой для формирования народов исторического периода. Наибольшее воздействие на них оказало возникновение саргатской культуры приблизительно в IV веке до н. э., в начале железного века, в междуречье Оби и Иртыша. Есть основание полагать, что изначально саргатцы говорили на одном из восточно-иранских языков с большим количеством угорских и самодийских заимствований. Впоследствии, распространяясь на запад и включая в свой состав иные этнические компоненты, саргатское население вполне могло превратиться в конгломерат разноязычных групп, объединенных в рамках одного военно-политического союза. Не исключено, что в Тоболо-Иртышье возникновение саргатской культуры связано с приходом туда уйгуров или тукю, которые когда-то тесно были связаны с енисейскими уграми.

Формирование ханты (остяков), так же как манси (вогулов) и венгров, завершилось, по-видимому, лишь к концу I тысячелетия н. э. Но предки манси и венгров жили западнее предков ханты. Несколько древневенгерских угорских племен в первые века нашей эры ушли на Дунай, где образовали свое государство.

Несмотря на сходство языка, относящегося к угорской группе финно-угорской семьи, на котором говорили далекие предки, современные ханты и манси не понимают друг друга. Это по сути два разных народа, хотя и близких по культуре и по происхождению. Распад обско-угорской общности выделил из нее предков манси. Проникновение тюрок в бассейн Туры в XIII-XV веках привело к быстрому окультуриванию проживающих в ее среднем и нижнем течении мансийских групп, а на Верхней Туре и Тавде они обитали еще и во времена начавшегося освоения Сибири русскими.

К XVI веку манси занимали весьма обширные территории: на севере их граница проходила по рекам Мезень и Печора, а на юге – по реке Уфа и далее через места, где теперь Екатеринбург и Тюмень, на западе мансийские земли доходили до Казани, на востоке – до среднего течения Иртыша.

Территория расселения ханты включала бассейны Конды, Демьянки и районы современного Тобольска. Очевидно, под давлением манси и предков сибирских татар ханты постепенно перемещались на восток, оттесняя, в свою очередь, селькупов, территория которых доходила до Сургута. Таким образом, в XVI веке ханты продвинулись в бассейн рек Вах и Васюган.

Обь – исконно хантыйская территория. Манси появились здесь значительно позднее, они пришли с Северной Сосьвы. В русских документах конца XIX века манси, жившие по Северной Сосьве и Ляпину, назывались остяками, а не вогулами, как их было принято называть в прошлые времена. Так же остяками – а не вогулами – в конце XVIII века называли жителей кондинского притока – Юконды. Объясняется это смешением местного хантыйского и пришлого мансийского населения. Считается, что группа современных манси, живущих по Конде и Северной Сосьве, сформировалась в период XV-XVII веков, т. е. именно с ними столкнулся Ермак.

У ханты и манси к XVI веку сформировались так называемые «княжества», которые в своей основе имели территориально-родовые объединения. Сначала они были небольшими, слабо организованными, но затем появились объединения, включавшие несколько мелких княжеств. Во главе их стояли «князцы», власть которых передавалась по наследству. Князцы имели постоянные военные дружины. Однако князцы по образу жизни мало отличались от остальных людей – ходили на охоту, рыбную ловлю, выполняли повседневную работу, хотя все большее значение для них приобретало воинское занятие.

Уважаемый читатель, немало сведений о вышесказанном мною почерпнуто из книги «Очерки истории Тюменской области», изданной в 1994 году. Ниже я вам приведу дословный текст, так как лучше не перескажу.

«Наиболее крупное княжество манси – Пелымское – занимало бассейн рек Пелыма, Конды и Тавды. Центр княжества – Пелымский городок – находился у места слияния рек Пелыма и Тавды. С XV века Пелымское княжество начинает испытывать татарское влияние и становится частью Сибирского ханства. Сильное мансийское объединение – Ляпинское княжество – включало бассейн реки Ляпин, среднюю часть низовья Северной Сосьвы, а также низовья рек Сыни и Куновата. Центром княжества был городок Кунаут-наш. Здесь находилась столица князца Гугуя.

Наиболее крупное у ханты во главе с династией Алачевых княжество Кодское занимало территорию современных Октябрьского и северо-западную часть Самаровского районов. Центр княжества находился в Кодском городке, а всего оно объединяло 13 городков. Известны также Обдорское... и Казымское княжества. Сильное хантыйское княжество находилось на реке Демьянке. Его возглавлял князец Немнюян (Демьян – в русской транскрипции), который мог выставить отряд в 400 воинов, что было тогда значительной воинской силой. Не менее сильным являлось княжество Бардака, влияние которого распространялось на Сургутское Приобье, реки Тромъеган, Юган и даже Пур... В княжество Бардака, возможно, входили не только ханты, но и часть селькупов. Селькупы имели свои княжества, самое крупное и влиятельное у них было Пегая Орда. Во главе ее стоял Воня... он оказал сильное сопротивление русским, вступив в союз с изгнанным Кучумом... По структуре и социальному составу селькупские княжества были сходны с угорскими. В рамках княжеств селькупы объединялись для противодействия наступающим с северо-запада хантам, с востока – эвенкам и кетам, с юга – татарам».

Теперь несколько слов об этих племенах, которые говорят на языке самодийской группы народов. По происхождению они близки к ненцам, а по культуре схожи с ханты. Один финский ученый назвал их «остяко-самоедами». Считается, что большое сходство нарымских селькупов с ханты является одной из загадок их происхождения, и строится предположение, что селькупы произошли от смешения прежде жившего на этой территории угорского населения и пришлых самодийских племен. Однако лингвисты находят у селькупов кетские топонимы – народа, который живет в бассейне Енисея, а этнографы утверждают, что в культуре селькупов не обнаруживается явных древних связей. Осмелюсь сказать, что это не является веским доводом, так как прародина селькупов – бывших самодийцев – та же, что и у угров и енисейских кетов. Следует учитывать, что «селькуп» – это самоназвание от «соль-куп», означающего «таежный человек», которое приняло самодийское племя, пришедшее в тайгу с Енисея. Самоназвание самодийцев на иной территории принимало и другие формы. Например, «чумыль-куп», т. е. «земляной человек» – житель землянки. В связи с этим я не отважился бы поддерживать мнение, что схожесть с ханты является результатом их происхождения от смешения. В силу этнических особенностей этот народ, скорее всего, был вполне самостоятельным до прихода в Сибирь, как и любое из енисейских племен угросамоедов.

Обосновываясь на новых территориях, те же ханты и манси присваивали себе соответствующие самоназвания.

Большое влияние на жизнь местных народов оказал XIII век, когда кочевники под предводительством Чингиз-хана вторглись в Западную Сибирь, в результате чего лесостепи по Тоболу и Иртышу вошли в состав Золотой Орды.

Эти районы стали улусом Джучи, старшего сына Чингиз-хана, рожденного от кунгиратки. Джучи имел около 40 сыновей от жен и наложниц разных племен. После его смерти (есть предположение, что он был убит отцом, чтобы передать власть более сильному наследнику) названный улус отошел сыну Батыю. Став ханом Золотой Орды, Батый часть земель Сибири выделил своим братьям: старшему, Орды-Игену, отошли районы к северу от Балхаша, включая Западный Алтай, Барабинская и Кулундинская степи, а брату Шейбану – территории к востоку от реки Яик по Иргизу, Ори, Илеку до низовьев Сыр-Дарьи, в том числе земли угорских и кипчаковских племен Западной Сибири. В тот период эти владения стали фактически независимы от Золотой Орды, но считались в ее составе до XV века. За это время (между XIV и XV веками) с центром Кызыл-Тура возникло Ишимское ханство. Его основателем и правителем был Саргачик, который оставил Саргатские юрты на Иртыше, выбрав для нового ханства Ишим. С его потомком Елыгаем впоследствии столкнулся Ермак.

В период упадка Золотой Орды возникает городище Тюмень. Об этом стало известно, когда недруг Руси хан Тохтамыш потерпел поражение от азиатского завоевателя Тимура и искал спасения у себя в Тюмени. Его татарские мурзы воспользовались неудачами своего тюменского хана и убили его.

Судьбы Ишимского и тюменского ханств складывались в зависимости от непрекращающейся междоусобной борьбы родовой знати сибирских татар и борьбы последних с шейбанидами, потомками Чингиз-хана.

О событиях, произошедших на пороге XIV-XV веков, коротко повествует Карамзин: «Князь Ивак, или Он, племени ногайского, жил на р. Ишиме, повелевал многими татарами, остяками и вогуличами... Что какой-то мятежник Чингиз свергнул Ивака, но из любви к его сыну, Тайбуге, дал ему рать для завоевания берегов Иртыша и Великой Оби...»

Однако есть сомнение, что столь значительный жест со стороны Чингиза мог быть только проявлением любви к сыну свергнутого врага. Серьезным поводом наделения Тайбуги ратью могло послужить только стремление обезопасить себя от сильного соседа – Тюменского ханства, которым правили шейбаниды.

Тайбуге удалось захватить городище Тюмень, который он в честь своего покровителя переименовал в Чингий на Туре. С этого времени, вплоть до третьего поколения, тайбугины правили Тю-

менским ханством. Тайбугу сменил его сын Ходжа, а затем внук Мар. У Мара было двое сыновей – Адер и Яболак. Последний был женат на казанской царевне, сестре Ибака из рода Шейбанидов, который вынашивал замысел возврата своему роду Тюменского ханства. Ибак, потомок брата хана Батыя – Шейбани-хана, представитель Бухарской (узбекской) династии, связанный с Ногайской Ордой, которая сложилась в XIV веке между Уралом и Волгой, в 1456 году убил правителя Мара, отца Яболака.

Ибак не удовлетворился, завладев Тюменским ханством, и принялся расширять его пределы по Туре, Тавде, Тоболу, Среднему Иртышу и Ишиму.

Во времена его правления Москва неоднократно посылала свои рати в югорские земли, подвластные Великому Новгороду.

В 1456 году воевода Василий Скрыба прошел с отрядом за Урал и собрал дань с Югры в казну московского великого князя, а воевода Федор Пестрый в 1472 году подчинил Пермь Великую и выстроил на ее территории порубежный городок – крепость Чердынь.

С падением независимости Великого Новгорода в 1478 году все его северные владения, включая Печорский край, вошли в состав Российского государства.

В 1483 году Федор Курбский и Иван Салтыков-Травин осуществили поход в Сибирскую землю, разбив войско пелымского князя Юшмана. Воеводы обошли стороной Тюменское ханство, так как Иван III и Ибак вели совместную борьбу с Большой Ордой. С Тобола ратники двинулись по Иртышу, не встречая там татар, но где уже существовала крепость Сибирь, в которой властвовал остяцкий князь Лятик. Вслед за тем на Оби воеводы пленили остяцкого князя Молдана и «повоевали» Югру.

Через некоторое время после этой экспедиции в Москву прибыл остяцкий князек Пыткий, и от имени земли Кодской и Югорской попросил Ивана III освободить взятых в плен князей, что было решено положительно.

В следующем году кодские и вогульские князья из Зауралья вступили в более тесные отношения с Россией, заключив мирные договоры и получив охранные письма на проезд в Москву.

Век XV, уважаемый читатель, преподносит яркие примеры агонии умирающей Большой Орды. Она распадается на части в результате стремления знатных отпрысков утвердиться в своей самостоятельности. С времен Василия Васильевича Темного (1425-1462 годы) сделалась известною Крымская Орда, составленная Эдигеем из улусов черноморских и принесшая в следующем веке неизгладимые беды для Руси. А когда русичи в 1399 году превратили в развалины некогда процветающее царство Булгар, они не

подозревали, что заложили основу к возникновению Казанского ханства.

Сыновья-наследники Эдигея все погибли в междоусобии. Тогда монголы черноморские избрали в ханы 18-летнего юношу из потомков Чингиз-хана именем Ази, спасенного от смерти и воспитанного земледельцем Гиреем. Из благодарности Ази назвался Ази-Гиреем, утвердив тем самым династию гиреев. Есть версия, что Ази – сын или внук Тохтамыша, родился в Литве и потому наказал волжских татар, разбив Седи-Ахмета за его нападение на Литву.

В это же время, а точнее в 1437 году, был свергнут хан Большой Орды кипчак Махмет своим братом Кичимом. В поисках новых владений Махмет пришел в Булгарию, где был древний Саинов Юрт (или Казань). Близ старой крепости он построил новую, деревянную, и передал ее булгарам, черемисам и монголам, которые жили там в ужасе от набегов русских. В несколько месяцев Казань наполнилась людьми из Золотой Орды, Астрахани, Азова и Тавриды. Махмет стал первым ханом Казани. У него были сыновья Ягуб, Касим и Мамутек. Правление Махмета было недолгим. Мамутек, злодейски умертвив отца и одного из братьев, завладел властью. С этого времени, т.е. с 1446 года, Казань стала опасной для Москвы.

Одновременно, возвратив роду Шейбанидов Тюменское ханство, Ибак не оставил своих честолюбивых замыслов. Он стремился возродить былое могущество Золотой Орды. Став властителем Тюмени, Ибак стремился объединить под своей властью древнюю столицу Золотой Орды Сарай, Астрахань и Казань, используя то, что Большая Орда была ослаблена и распадалась, ведя одновременную борьбу с владыками Крыма, Тюмени и Ногайской Орды.

В 1480 году властитель Большой Орды хан Ахмет напал на Русь, но был разбит на реке Угре. Он был вынужден отступить в степи и там неосмотрительно распустил мурз. Его оплошностью немедленно воспользовался Ибак. Он напал на его кочевья 6 января 1481 года и, ворвавшись в ставку хана, убил его: «Начаша Ахметову Орду грабити меж Доном и Волгою, на Донцу на Малом близ Азова. И стоял Ибак-царь пять дней на Ахметове Орде и поиде прочь, а ордобазар поведе в Тюмень не грабя». Одним словом, взяв старую столицу Орды Сарай, Ибак разграбил ее, а купцов перевел к себе в Тюмень.

После этого, когда царь Иван III овладел Казанью после пятидесятилетней ее независимости и посадил там своего ставленника, Ибак прислал в Москву посла и предложил заключить мир, но требовал отпустить к нему пленного казанского царя. Но Иван III отказал.

С гибелью отца сыновьям Ахмет-хана пришлось взвалить на свои плечи одновременную борьбу с Крымом, Тюменью и Ногай-

ской Ордою. Но Крым попал в зависимость Османской империи, а Казань признала власть Москвы. В таких условиях Ибак взялся завоевать Поволжье.

В 1492 году Ибак с братом Мамуком разорил Астрахань, а затем перевел свою ставку в Заволжье, поближе к бывшей столице золотоордынских ханов.

В 1493 году Ибак известил Ивана III о своих военных достижениях. Он сообщал, что убил сына Ахмет-хана Тимур-Кутлуева: «Саинский стол взял... на отцов юрт, к Волзе пришед, стою».

Но стремление Ибака объединить Сарай, Астрахань и Казань не осуществилось. Долгое отсутствие его в Тюмени имело пагубное последствие. Тайбугины, ставшие его вассалами, готовили заговор и при появлении Ибака в 1495 году восстали и убили его.

Махмет (в иных источниках его называют Магметом), сын Адера, внук Мара, убитого Ибаком, овладел Тюменским ханством, вернув его роду Тайбугинов. Но, опасаясь мести Шейбанидов, Махмет осуществил нападение на город Сибирь, где властвовал остяцкий князь Лятик, и перенес туда свою столицу, назвав ее Искером.

Поскольку Махмет, осуществив месть за убийство деда, оставил Чингий на Туре, или Тюмень, там остался править Мамук, брат Ибака. Мамук продолжил планы брата и с помощью ногайцев изгнал из Казани московского наместника, но сумел удержать Казань всего несколько месяцев, а в 1498 году готовился к новому нападению на Казань.

Иван III, узнав о происходящем, снарядил в 1499 году более четырех тысяч ратников в Югорскую землю – в Ляпинское княжество, заселенное северными вогулами, заставив тем самым Махмета отказаться от своих планов в отношении Казани и позаботиться об обороне северных границ. В результате этих оборонительных мер Сибирь вся попала под власть хана Махмета Тайбуги, который объединил улусы на Тоболе и Иртыше. Поход продолжался всю зиму на лыжах под предводительством воевод: Семена Курбского, Петра Ушатого и Василия Бражника-Заболотского. Ими было занято более сорока урочищ, взято в плен 58 князьков и приведено к шерти население Югры.

Великий князь Иван III присоединил себе дополнительный титул «князя Кондинского и Обдорского», властителя сибирских земель.

Несмотря на это, когда Мамука сменили сыновья Ибака – Кутлук и Муртаза, Тюменское ханство возобновило набеги на русские земли. В 1505 году Кутлук-салтан пришел в Прикамье, разорил Соль-Камскую и истребил много русских людей. В то же время Тюменское ханство, вовлеченное в междоусобные войны Ногайской Орды, то и дело отбивало врагов от стен Чимги-Туры. В конце

концов хан Муртаза вынужден был бежать, уступив престол одному из сыновей хана Большой Орды Ахмета, убитого Ибаком. Но вскоре Тюменское ханство было поглощено государством тайбугинов.

Шейбаниды снова напомнили о себе, когда повзрослели внуки Ибака: Ахмед-гирей, Кучум и Атаул...

Начиная с XV века и с приходом в Сибирь Кучума, сына Муртазы, на юг Западной Сибири проникали группы уйгуров, телеутов, узбеков-бухарцев, киргизов, башкир, казанских татар и казахов, часть которых слилась с предками сибирских татар. Из этого следует вывод, что происхождение сибирских татар очень сложное. В течение длительного периода произошло смешение многих этнических групп.

Об этнической принадлежности Кучума нет точных свидетельств. Летописец Савва Есипов считает его казахом, а первый историк Сибири Г.Ф.Миллер относит Кучума к узбекам, называя его сыном хана Большой Бухары. Кем бы он ни был, но только, безусловно, не татарин и не монголом. Для коренного сибирского населения он остался чужаком и пришельцем. Неизвестно даже его имя. А «Кучум» – это всего лишь прозвище, которые было принято давать в те времена. Например, Иван Калита, Дмитрий Донской, Ярослав Мудрый, Иван Грозный и пр. А «кучу» с тюркского – кочевник, пришелец. Недаром он сам называл себя «вольный человек Кучум-царь». Однако род его был самым древним и знатным. Он был потомком самого Чингиз-хана в двенадцатом колене.

Великий предок Кучума, как известно из достоверных источников, был человеком высокого роста, длиннобородым, имел зеленожелтый цвет глаз. Персидский историк Рашид-ад-Дин пишет, что дети в роду Чингиз-хана рождались, большей частью, с серыми глазами и белокурые, а когда у Чингиза родился черноволосый внук Хубилай, он удивился цвету его волос. Далее, по словам того же историка, в роду Чингиз-хана, по всем признакам, имелась значительная примесь динлинской крови или даже более того – его род был динлинским по происхождению.

Уважаемый читатель, согласитесь, что это кажется неправдоподобным. Неужели следует отнести Чингиз-хана и его род к европеоидам?! Но тогда испытываешь неимоверную горечь от того, как некогда интеллектуально достойный уважения народ мог породить столь омерзительное чудовище, о сути которого я расскажу ниже.

Исчезнувшая цивилизация динлинов, живших в III веке до н. э. между Енисеем и Байкалом, удивляет культурой и совершенством прикладного искусства, знаниями в математике и астрономии, далеко отодвигая шумеров и другие известные цивилизации.

При археологических раскопках в 1962 году близ Ачинска Виталий Ларичев нашел жезл с кольцом, вырезанный из бивня мамонта, полированная поверхность которого была покрыта сеткой точечных зафасеток. По их расшифровке выяснилось, что это сложный астрономический календарь! Лунный, солнечный и даже с указанием на високосный год, периодов звездного и синодического вращения Меркурия, Венеры, Марса, Юпитера и Сатурна с минимальными погрешностями относительно современных астрономических расчетов. Календарь позволял даже рассчитывать солнечные и лунные затмения!

Достаточно знать, насколько сложна задача разработки всех упомянутых календарей и каких точных расчетов требуют они, чтобы воздать должное величию познаний математики, геометрии и астрономии тех древних людей, которые жили в Сибири 18 000 лет назад!

Поразительно! Не правда ли?

Если Чингиз-хан не был ни татарин, ни монголом, то из кого же могло состоять его войско?

Когда в 1206 году после двадцатилетней жестокой борьбы за единоличную власть Темучин, достигнувший пятидесятилетнего возраста, был провозглашен Чингиз-ханом, его стотысячное войско состояло в основном из карaitов и найманов. Личную тысячу хана возглавлял тангут Чаган, а самой крупной воинской частью в 10 тысяч человек руководил Туганваншай из народа тунгусской ветви – чжурчженей, обладавших секретом изготовления пороха и применявших огневые снаряды. Как видим, монголов в войске Чингиза не было. Были тюрки-найманы, большой самостоятельный народ на Алтае, не родственные монголам и получивший свое название от реки Найма.

В организации войска Чингиза не было предусмотрено снабжения, и каждый воин должен был сам заботиться о прокорме себя и своего коня. И у него в походе не оставалось иного выбора – либо погибай от голода вместе с конем, либо грабь.

Жестокие правила, введенные Чингизом, стали традицией степняков. Кочевники продолжали грабить, угонять людей в рабство, бросать в огонь стариков и детей, сдирать заживо кожу, вырывать из груди трепещущие сердца. Вот почему не только русские, но и другие народы и племена пылали ненавистью к так называемым татарам, этим вырождакам рода человеческого, какими они оставались и на рубеже XVI-XVII веков.

Мир тюркских кочевников от Волги до Иртыша всегда был неустойчивым и быстроизменяющимся. Политические объединения здесь появлялись внезапно и так же быстро разваливались. Таким же было Тюменское ханство, государство тайбугинов, род которых

происходил из местной знати. Его представители именовались беками, салтанами, или по-русски – князьями. По понятиям Большой Орды их правление было незаконным, хотя они и были аборигенами края. Потомки Чингиз-хана относились к ним враждебно, поддерживая шейбанидов. Особую поддержку они получили, когда в 1557 году к власти в Бухаре пришел воинственный Абдулла из рода Шейбани-хана.

Испытывая вечный страх, ожидая мести за убийство Ибака, тайбугины, внуки Махмета, Едигер и Бекбулат, в 1555 году отправили в Москву большое посольство.

Послы поздравили русского царя со взятием Казани и Астрахани, «били челом государю от князя Едигера и от всей земли, чтобы государь их князя и всю землю Сибирскую взял во свое имя и от сторон от всяких заступил и дань свою на них положил, и даругу своего прислал, кому дань собирать». Таким образом, Иван IV дополнил свой титул – «всея Сибирской земли повелитель».

Царь отправил в Сибирь Непейцина, который вернулся лишь в ноябре 1556 года вместе с татарским послом Баяндой. Вместо 30 700 собольих и стольких же беличьих шкурок, что соответствовало численности «черных» людей в ханстве, посол привез всего 700 собольих шкурок. В письме Едигер объяснял причину малой дани, ссылаясь на вторжение в ханство внука Ибака, шейбанида Кучума. Но царь был разгневан и посадил посла под стражу.

В сентябре 1557 года служилые татары, посланные государем в Сибирь, чтобы все исправить, возвратились в Москву с новым послом от Едигера и привезли 1000 соболей дани. Царь освободил из тюрьмы Баянду и послал с ним в Искер своих людей для сбора дани следующего года.

В этом же году обстановка в Сибири резко изменилась. Сын Ибака Муртаза, изгнанный ранее из Тюмени, пришел кочевать в лесостепь между Тоболом и Иртышом со старшим сыном Ахмед-гиреем и с Кучумом. С собою они привели большой отряд казак-киргизов. Муртаза, женившийся Ахмед-гирея на дочери государя казак-киргизов Шигай-хана, воспользовался его помощью для экспедиции в Сибирь.

Принудив к подданству улусы Сибирского юрта, Муртаза и Ахмед-гирей в 1558 году, добившись от Бухары признания Муртазы сибирским ханом, хотели добиться того же и от Москвы, чтобы утвердить свою власть в Сибири. Одновременно с Едигером они отправили послов к русскому царю. Но царь приказал арестовать послов шейбанидов, так как никто из них не привез дани. После такой неудачи шейбаниды, сумев привлечь для этого ногайцев, с их помощью в 1563 году овладели Искером.

Кучум безжалостно умертвил соправителей Едигера и Бекбулата вместе с их детьми. Из родственников свергнутой династии уцелел лишь малолетний сын Бекбулата Сеид-Ахмат, прозванный в будущем Сейдяком.

Муртаза правил в Искере недолго, переименовав его в Кашлык. В том же 1563 году он умер, и ханский престол занял Кучум.

Смена династии в Сибирском ханстве сопровождалась большой смутой. Семь лет Кучум вел кровавую борьбу с непокорной знатью и племенными князьками. Местное население относилось к Кучуму как к завоевателю и узурпатору и стало подчиняться ему только из страха.

Уважаемый читатель, все же хотелось бы прояснить: кого с XIII века называли татарами, коими считали и рати Кучума.

Собирательное китайское имя «татань», или просто «тата», носили в древности многие племена и народы Центральной Азии. Они обитали на юге, занимались скотоводством, рыбной ловлей и охотой. Татары Поволжья, официально принявшие это самоназвание, не имеют с ними этнического родства. Что же касается древних центрально-азиатских татарских племен, то Чингиз, захватывавший новых и новых соседей в круговорот воинственной политики, так изложил ее в отношении татар, отравивших когда-то его отца Есукая:

Искони был Татарский народ
Палачом наших дедов-отцов.
Отомстим же мы кровью за кровь.
Всех мечом до конца истребим:
Примеряя к тележной оси,
Всех, кто выше, мечу предадим,
Остальных же рабами навек
Мы по всем сторонам раздадим.

Об исполнении этого намерения говорится, уже прозой, в «Сокровенном сказании»: «Мы сокрушили ненавистных врагов Татар, поголовно истребили Татарский народ, примеряя детей их к тележной оси».

Татары были истреблены в несколько приемов. В 1204 году Чингиз-хан разбил последних татар, которые сумели убежать в леса и горы Алтая. Он приказал перерезать всех, включая женщин и детей.

Почему же степные орды, ринувшиеся в XIII веке во все концы света, были названы «татарами»? Может, потому, что татар ставили в первых рядах отрядов войска, на убой, и с годами условное имя разноплеменных и разноязычных народов стало нарицательным, своего рода псевдонимом не только авангарда, но и всей орды.

Выходит, что нашествия на Русь монголов и татар не было, и наши предки сражались с разноплеменным войском.

Уважаемый читатель, эти неординарные выводы мною с изумлением почерпнуты из «Памяти» В.Чивилихина. (Как жаль, что он так рано покинул наш бранный мир!)

Культ жестокости и страха царил в империи, созданной Чингиз-ханом. Смертная казнь была главным средством наказания. Ею карались не только убийства, кражи, скупка краденого, грабеж, сокрытие беглого раба, чародейство, превышение власти. Ломали спину или вырывали сердце у тех, кто подавится пищей, наступит на порог ханской юрты или помочится в его ставке, искупается или постирает одежду в реке, кто умертвит скотину не по «правилу», согласно которому надлежало в разверстую грудную клетку барана или жеребенка ввести руку, нащупать сердце и сдавливать его до тех пор, пока животное не умрет. Смерть ждала даже того, кто допустит не вполне точное изложение мыслей Чингиз-хана в проекте письма. Все это исходило не из обычаев или морали народа, породившего Темучина, а из свода правил – ясы, авторство которого приписывается Чингиз-хану, хотя он сам ни читать, ни писать не умел.

Некоторые исследователи, о чем я уже говорил, предполагают, что на черной совести Чингиз-хана и тайное убийство старшего сына Джучи, брата Батыя, о чем он распорядился за несколько месяцев до смерти, чтобы оставить империю более сильному наследнику.

А вот какая характеристика дана в «Сокровенном сказании» полководцам – знаменитым «четырем псам» Чингиза, выступившим в поход против найманов.

Лбы их из бронзы,
А рыла – стальные долота,
Шило – язык их,
А сердце железное.
Плетью им служат мечи.
В пищу довольно росы им,
Ездят на ветрах верхом,
Мясо людское – походный их харч,
Мясо людское в дни сечи едят.
Спросишь, как имя тем псам четверем?
Первая пара – Чжебе с Хубилаем,
Пара вторая – Чжельме с Субетаем.

Однако, уважаемый читатель, вернемся к нашему историческому периоду... Захватив власть в Сибири, Кучум не забывал обиды, нанесенной русским государем, выразившейся в аресте посольства, и уже в 1564 году грозился идти на Пермь войною.

Отношения между Москвой и Кашлыком прервались на несколько лет, и за это время Кучум сумел объединить татарские улусы. Его владения находились между Иртышом, Тоболом и Турой, на севере они тянулись по берегам Иртыша до реки Туртас, на западе – по Туре, а за южным Уралом они граничили с землями Строгановых, на юге земли Кучума простирались в Барабинские степи. Сибирскому хану платили ясак кодские и обдорские князья, а также все «низовые» народности.

Владельцы улусов были обязаны участвовать со своими отрядами в ханских походах, получая за это часть добычи. Но во внутреннюю жизнь улусов хан не вмешивался.

Чувствуя себя чужим в своей стране, Кучум обеспечил личное окружение выходцами из Бухары, Ургенча и Ногайской Орды, на которых полагался больше, чем на местную знать. Для укрепления власти он женил своего сына Алея на дочери князя Тинахмата из Большой Ногайской Орды, а дочь выдал замуж за хана Акмурзу из той же орды. Вторая дочь стала женой ургенчского сеида Дин-Алиходжи. Сам Кучум женился на дочери казанского мурзы Мурата и дочери сановника Делетим-бея.

Укрепив свою власть, сибирский хан обратился к русскому царю с грамотой: «Вольный человек Кучум царь» соглашается признать «белого царя» своим «братом старейшим». И ныне похощь миру – и мы помиримся, а похощь воеватися – и мы воюемся».

Хитрый и расчетливый политик, Кучум неустанно следил за развитием событий в Восточной Европе. Когда в 1569 году многочисленная турецкая армия и Крымская Орда напали на Астрахань и потерпели поражение, Кучум как можно скорее решил добиться мира с Россией и направил посольство в Москву с данью в 1000 соболей, обратившись со следующими словами: «Да послал Кучум о том, чтобы его царь и великий князь взял в свои руки, а дань со всея Сибирские земли имал по прежнему обычаю».

Царь Иван Васильевич велел дьякам изготовить грамоту с текстом присяги и послал с нею к казак-киргизам сына боярского Третьяка Чубукова. Но когда тот в 1571 году был еще в пути, крымцы успели сжечь Москву.

Опять сибирский хан круто изменил свои намерения, возобновив враждебные действия к Москве. Он убил царского посла Чубукова и всех сопровождающих его служилых татар, направлявшихся с миссией в орду. Он стал жаждать большой войны с белым царем.

Для усиления власти Кучум предпринял меры распространения ислама на все племена Сибири. Он попросил бухарского султана Абдуллу направить к нему мусульманских проповедников, которые в 1572 году прибыли в Кашлык. Но результаты этой миссии

были ничтожны. Тогда через два года вместе с духовными лицами прибыл и военный отряд, и распространение мусульманства значительно ускорилось.

В этом же году закончился поражением поход крымского хана, сумевшего сжечь Москву. И снова Кучум затих.

Царь Иван IV воспользовался этим, и по просьбе Строгановых разрешил им обосноваться в Зауралье на Тахчее. Строгановы были уверены, что новая слобода позволит со временем продвигаться за Тобол и завладеть Сибирью. Но в 1572 году в Поволжье взбунтовались черемисы и появились на Каме, а к ним примкнули местные остяки и башкиры. Кучум не упустил такого удобного момента и уничтожил строгановскую зауральскую слободу, подчинив себе окрестные племена. Кроме того, он нарушил границу, послав с ратью своего племянника Маметкула в Пермские земли, который совершил набег на ряд деревень и починков Строгановых, взяв там немалую добычу и пленных.

Местное население не хотело мириться с властью хана. Остяки из Тахчеи запросили у Строгановых помощь, говоря, чтобы «Сибирскому дани и ясаков не давати, от Сибирского ся им боронити за одно». Но Строгановым было не под силу затевать войну с ханом, хотя московские дьяки писали в грамоте: «А на Сибирского Якову и Григорию, забирая охочих людей, и остяков, и вогулич, и югричь, и самоедь, с своими наемными казаками и с нарядом своим посылати воевати, и в полон сибирцев имати...»

Строгановы в ответ молчали и выжидали, надеясь на счастливый случай.

Летом 1574 года Кучум в третий раз запросил у бухарского эмира прислать учителей ислама. Его покровитель шейбанид Абдулла-хан направил в Кашлык ургенчского сеида Дин-Алиходжу, мужа второй дочери Кучума, и с ним старшего брата Кучума Ахмед-гирея как защитника на опасном пути с большим отрядом.

Когда миссия пришла в Сибирь, Ахмед-гирей овладел правлением, считая себя законным преемником власти от отца Муртазы. Своим поступком он ослушался Абдуллу-хана, не вернулся в Бухару для участия в войне совместно со своим тестем Шигай-ханом, государем киргизов, против казахского правителя Хакк-Назара, с которым вел борьбу бухарский эмир. Его место в этой войне занял Кучум, изгнанный из Кашлыка. Он проявил себя как талантливый военачальник и заслужил благодарность Шигай-хана, занявшего казахский престол после разгрома Хакк-Назара.

В 1578 году, то есть когда Ермак, направляясь на реку Сылву, приводил к шерти племена на Каме, Шигай-хан, благодарный Кучуму, убил его брата Ахмед-гирея, и Кучум вторично завладел правлением Сибирью. Скоро он разорвал установившиеся дружеские

отношения с Москвой и стал интенсивно готовиться к войне с Россией, стараясь наверстать упущенное время. Побудительной причиной к этому было не только намерение завладеть Пермскими землями, но и то, что в его отсутствие русский царь повел наступательную политику, разрешив в 1574 году Строгановым строить крепости на Тоболе, Иртыше и Оби.

Предугадывая приход русских отрядов, Кучум в короткие сроки построил оборонительные укрепления-городки вокруг Кашлыка: Бицик-Тура, Абалак, Мурзы Аттика, Тунус-городок, Кулары-городок, Сузгун-Тура, Бегишево городище, Карачи-городок и возле Уральских гор – «городок опасный» есаула Алышая, а также «заставной городок».

К этому времени у Кучума стали очень болеть глаза, он терял зрение и заказывал купцам мазь для больных своих очей. Но один из караванов был разграблен казаками, и пошло московскому государю письмо, в котором Кучум просит Ивана Васильевича разобрататься с грабителями и вернуть ему мазь.

Но мог ли русский царь выполнить сию просьбу?

Недуг Кучума приводил его в ярость. Не имея возможности лично возглавить войско при переходе от оборонительных мер к наступательным, чтобы опередить русских, он возлагал большие надежды на способности сыновей: Маметкула, уже проявившего себя в набеге на Пермские земли, и на Алея. Будучи хитрым политиком, Кучум не раз усыплял бдительность русского царя, зная, что у того и так хватает забот на западных и южных границах. Осуществляя набеги на территорию русичей, он всякий раз как бы каялся по поводу проявления своей силы и делал вид, что признает вассальную зависимость от Руси. Так, в 1569 году, когда Иван IV проявил мирную инициативу, послав хану свою грамоту о восстановлении московского вассалитета в Сибири, Кучум дал ответ царю в духе своего постоянного маневрирования между войною и миром. Он совершил набег на русское поселение на реке Чусовой, схватив трех пермяков, Ивашку Поздеева «с товарищи», и доставил их к себе в столицу. «И был Ивашко у царя в Сибири ден с десять, и отпустил его на подводах до Перми, а дву товарищев его оставил... и обиды не учинили некоторые». Отпуская к Москве подневольного посланца, Кучум просил на словах передать царю: «...Ныне деи дань собираю, господарю вашему царю послов пошлю, а нынче деи мне война с казахским царем».

После такой, казалось бы, покорности Кучум в декабре послал в Москву грамоту. В ней он называл себя «вольным человеком Кучум-царем», написав известный вызов: «И ныне похошь миру – и мы помиримся, а похошь воеватися – и мы воюемся». Это никак не походило на предложение мира.

Упорство, с которым русское правительство добивалось признания сибирскими ханами зависимости от Москвы, объяснялось не желанием получать дань. Для царской казны вполне хватало тех соболей, которых собирали Строгановы у местных племен. Сибирская дань в глазах царя имела чисто символическое значение. Иван IV не был готов воевать с «Сибирским юртом» и рассчитывал, по соображениям государственного и личного престижа, сохранить к своему титулу слова: «всея Сибирские земли и северных стран повелитель».

Однако Кучум предполагал иное, и своими хитростями старался выиграть время, чтобы обезопасить себя от вторжения русских в ходе создания боеспособного войска, а тем более опасался развязывать наступательную войну. Те несколько сотен ратников в личном отряде, состоявшем из казак-киргизов, ногайцев, бухарцев и ургенов, не были способны осуществить широкие замыслы своего владыки. Местные остяки и вогулы неохотно участвовали в военных акциях чуждого им правителя и, по причине своей малой численности, не могли послать достаточное количество людей, способных держать оружие. Основными поставщиками «черных людей» были улусы сибирских татар, проживавших по Туре, Тавде, Пелыму и Конде. Но и в этих улусах преобладало вогульское и остяцкое население. Было известно, что на Конде во главе татар и других ясачных людей стоял мурза Курманак, а на Пелыме князь Аблыгерим, способный собрать не более 700 ратников.

Огромная территория Сибири, большая разрозненность племен, проживающих на ней, невероятно сложные, труднопроходимые пути сообщения – все это играло решающую роль в шаткости власти, в частой ее сменяемости и в неспособности противостоять организованному воинству.

Кучум понимал это. Он признавал, что без армии, организованной и оснащенной огневым оружием, ему не только не справиться с русским царем, но и не уберечь своих завоеваний. Поэтому он призывал наемников из Ногайской Орды и из азиатских стран, пытался приобрести у османцев или крымских татар пищали и пушки, но получил отказ.

Междоусобные интересы татар, отсутствие взаимной поддержки после распада Большой Орды обозначили пути их гибели.

О «РОДОСЛОВНОЙ» ЕРМАКА И ЕГО ИМЕНИ

В истории России Ермак является самой загадочной, удивительной и вызывающей восхищение личностью. Его без всякого сомнения можно поставить на одну ступень с выдающимися полководцами нашего отечества.

К сожалению, мы не располагаем достоверными сведениями о происхождении и биографии Ермака. Но это вполне объяснимо, так как казачьи станицы и ватаги даже не думали о том, чтобы иметь своих летописцев, тем более в условиях повальной безграмотности. На окраинах Руси, в «диком поле», было немало атаманов, о которых нам ничего неизвестно. Даже о такой незаурядной фигуре, как Ермак, мы узнали только благодаря его походу в Сибирь. Увековечивание памяти о своих главарях не являлось в казачьей среде чем-то необходимым. Атаманы избирались, низвергались, могли быть казнены по решению «круга» за нарушения законов товарищества. В принципе, атаманы были ровней рядовым казакам. Только ореол славы Ермака привлек к нему внимание церкви и официальных органов власти.

Крупным сведениям о Ермаке, проникшим в летописи, мы обязаны его соратникам, которые устными воспоминаниями и «казачьим написанием» через много лет после его гибели донесли до церковников некоторые подробности жизнедеятельности своего предводителя, умалчивая о том, что могло бы навредить им самим, в случае подачи челобитных.

Из письменных челобитных ветеранов к царю нам известно, что не менее 20-25 лет они служили под началом атамана казаков Ермака в «диком поле» (в южно-русских степях, захваченных ордынцами еще при нашествии Батыя).

Завоевание Сибири малочисленной дружиной казаков породило легенды, песни и сказания не только в среде казачьей вольницы, но и у татар и местного населения. Атаман Ермак Тимофеевич после своей гибели стал героем сибирского этноса. Именно это и привлекло внимание церкви, чтобы прославить новую Тобольскую епархию.

Русский народ, обретя своего героя, стал вспоминать многие этапы жизненного пути Ермака и слагать об этом песни, передав будущим поколениям некие вехи знаменательных событий, не относящихся к «сибирскому взятию».

Первым делом архиепископ Киприян приказал составить синодик (запись имен умерших для их поминания), чтобы Ермаку и его товарищам запечатлеть вечную память. Хотя прошло уже 40 лет после завоевания Сибири, Киприян разыскал уцелевших соратников Ермака. Ветераны старались припомнить все о своем трудном походе, но их сведения часто были неточны и разноречивы. Из Казани Киприян привез книжников и поручил им составить местное летописание. Однако патриарх Филарет, который враждебно относился к казакам, не дал хода синодику, а составленная под его наблюдением летопись изображала Ермака и его казаков только разбойниками и ворами. Лишь после смерти Филарета, при Тобольском архиепископе Нектарии, дьяк Савва Есипов сел за написание подробной летописи. Он вновь велел собрать оставшихся в живых ермаковцев, которых было уже совсем немного.

Однако «казачье написание», которое пролежало 15 лет, очень помогло старательному дьяку. Есть предположение, что автором написания был Иван Александров по кличке Черкас, который был одним из посланников Ермака в Москву с вестью о победе. Это написание заключало в себе ценнейшие сведения первоисточника, но оно потеряно, и мы не можем проверить – все ли сведения отражены в летописи, нет ли каких-либо искажений в угоду взглядам епархии. На эту мысль наводит появление Погодинской летописи, которая, будучи скопированной с Есиповской, приобрела много удивительных дополнений.

О происхождении Ермака существует несколько версий, которые, на первый взгляд, не связаны между собой. Однако я усматриваю между ними некую логическую связь.

По одной из версий, Ермак происходит из волости Борок на Северной Двине, по другой – из Тотемских волостей Вологодского

уезда, по следующей – из Юрьевца Повольского, а также из Чусовского городка купцов и промышленников Строгановых.

Черепановская летопись дает подробное описание родословной Ермака: «О себе же Ермак известие написал, откуда рождение его. Дед его, Афанасий Григорьев Аленин, был в городе Суздале посадским человеком, жил в бедности, и, чтобы облегчить свое семейное положение, переехал во Владимир. Занимаясь здесь извозом, Афанасий за приятельское знакомство с муромскими разбойниками и за перевозку награбленных ими вещей попал в тюрьму, из которой бежал в уезд Юрьевец Повольский, где жил с семьей до смерти. Сыновья Афанасия Аленина, Родион и Тимофей, гонимые нуждою, переселились... на реку Чусовую к Строгановым и получили прозвище Повольских. Здесь у Тимофея родились три сына: Гавриил, Фрол и Василий. Последний обладал красивою наружностью, замечательной силой и даром слова (по Ремизовской летописи: «... весьма мужествен и разумен, и зрачен, и плосколиц, черн бородою и власы прикудряв, возраст средний, и плоск и плечист»). Нанявшись работником на струги, ходившие по Волге и Каме, Василий Аленин-Повольский исполнял обязанности артельного кашевара, за что и прозван товарищами Ермаком (ермак – артельный котел)». (И.В.Щеглов, Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири, 1032–1882 гг., сноски на стр. 31–32).

Я категорически не признаю версию прозвища Ермак, связанную с обязанностями артельного кашевара. Смешно даже подумать, что атаман, прославивший себя как полководец, мог не воспротивиться кличке, унижающей его достоинство в зрелом возрасте. Да и кличка Ермак была ему дана значительно позже и совсем по иному поводу, судя по другим версиям. Но об этом позже. В целом же с рассказом я согласен, считая наиболее достоверным, хотя современный историк Р.Г.Скрынников называет эти биографические сведения о Ермаке «сказанием» и выдумкой.

Описание жизни деда Ермака выглядит весьма правдоподобным: оно вполне соответствует исторической ситуации конца XV и начала XVI веков в средней полосе России. В те времена свирепствовали жесточайшие эпидемии, уносящие тысячи человеческих жизней, засухи и наводнения, неурожаи, голод. Многие люди покидали родные места, уходили на южные окраины и там группировались в казачьи станицы. Семейные же искали удачи, лучшей жизни окрест привычных краев. Одним из них и мог быть Афанасий Аленин, не желающий покинуть семью, несущий на своих плечах тяжесть кормильца. Расчеты показывают, что Афанасий умер не позднее 1525 года, когда его сыновья уже достигли совершеннолетия. Видимо, они жили с матерью и вместе с нею, «гонимые нуж-

дою, переселились из Юрьевца Повольского на реку Чусовую к Строгановым».

Но могли ли они напрямик переселиться туда? Этого прозойти не могло, и вот почему:

– во-первых, в это время вотчина Строгановых находилась в Соли Вычегодской, а Прикамские места были им пожалованы только в 1558 году, т. е. когда атаман Ермак уже «гулял» по «дикому полю», хотя Строгановы и основали значительно раньше, без ведома царя, торговый дом на реке Чусовой, но это случилось позже освоения Соли Камской, в 1530 году;

– во-вторых, путь на Чусовую в любом случае пролегал через Вологду, Тотьму на реке Сухона, впадающей в Северную Двину, и реку Вычегду, на которой, собственно, и находилась Соль Вычегодская; поэтому, если последнюю версию биографии Ермака принять за основу, то автоматически две первых вливаются в нее составными частями.

В поисках заработка братья Аленины могли побывать и в Борке, и в Тотьме, и в любом другом месте на Северной Двине, но так или иначе должны были попасть в Соль Вычегодскую. Именно там требовались работники и землепашцы в большом количестве, именно туда стекался бедный люд со всех волостей России. Путь родителя Ермака, если он не стремился в казаки, не мог быть другим.

Отсюда вытекает вывод, что Ермак мог родиться не на Чусовой, а в Вычегодской вотчине Строгановых, когда братья Аленины осели там и обзавелись семьями.

Основываясь на всей последующей хронологии деяний Ермаковых, можно с значительной степенью достоверности вычислить и время его рождения. Он не мог родиться ранее 1530 года, так как был третьим сыном Тимофея Аленина, и не мог родиться значительно позже, так как не смог бы участвовать в роли атамана в знаменательных исторических событиях, начиная с взятия Казани. Сохранившийся фольклор говорит, что в 1552 году Ермак, не связанный обязанностями службы, призывал казаков в поход на Казань:

Пойдем-ка, братцы, под Казань-город:

Под ним Грозный царь стоит,

У него ли там много силушки,

Он семь лет стоит под Казанию,

Он семь лет стоит, не возьмет ее!

Скепсис, проявляемый к фольклору, часто мешает анализу реальных. Если принять во внимание челобитные ветеранов, то 20-25 лет «полевания» их с Ермаком возвратят нас к упомянутым событиям при отсчете от 1577 года, когда Ермак увел казаков на Каму.

При всем сказанном следует обратить внимание на любопытное совпадение: Ермак и царь Иван Грозный родились примерно в одно время и умерли в один год. Когда состоялась коронация Грозного, Ермак, возможно, тоже отправился в свой первый поход в люди.

Я уже говорил о том, что до пожалования Камских земель купцы Строгановы уже имели близ Перми на Чусовой торговую контору, и их флот возил товары по Каме и Волге. Ермак, достигнув зрелого возраста, нанимается к Строгановым ходить в плаванья на стругах.

Есть версия более правдоподобная, нежели Черепановская, о кличке, приобретенной Ермаком, но которую я тоже считаю несостоятельной. Во-первых, отвергается предположение, что он ходил на стругах в качестве кашевара. Строгановым нравился смысленный, честный, обладающий недюжинной силой молодой человек, и они назначили его кормчим, доверив экспедирование грузов. Поэтому он не мог приобрести упомянутую кличку в период службы у купцов. Как трактуется некоторыми источниками, его стали называть Ермаком, когда он стал атаманом и ввел жесткое правило – чтобы никто на свою руку добра не хапал, а все шло бы на артель, в одну казну, в один котел. А по-татарски котел, или казан, будто бы называется «ермаком». Скрынников эту версию также отвергает и считает, что прозвище Ермак происходит от сокращенного имени Ермолай, которым Ермака наделили родители. Очевидно, к такому заключению Скрынников пришел на основании измененного в 1869 году Святым синодом чина обряда православия, до появления которого почти триста лет возглашалось имя Ермак. Черепановская летопись приводит отрывок из этого синодика с именами завоевателей Сибири: «Помяни, Господи, пострадавших Твоего ради имене святого и кровь свою проливших по благочестии, победивших в Сибири безбожного царя Кучума, атаманов: Ермолая, Иоана, Никиту, Иакова, Матфея и дружины их...»

Можно предположить, что незнание настоящего имени Ермака Святым синодом послужило поводом подобрать ему созвучное православное имя Ермолай. Трудно поверить, чтобы составитель Черепановской летописи, сообщавший о родословной Ермака, не обратил бы внимания на несоответствие имен и не сделал бы оговорки.

Есть веская причина не согласиться со Скрынниковым. Она заключается в следующем: никогда на Руси не давались клички на основании имени. Процветающие суеверия, боязнь сглаза заставляли людей скрывать в аналах церкви крещеное имя, давая своему ребенку имя второе – мирское, которое он носил до смертного часа, а настоящее имя становилось известным во время отпевания. Да-

вать же кличку по имени считалось святотатством. Кроме того, не стоит забывать, что имя Ермак имеет тюркскую языковую основу. Куда разумнее было бы проследить цепочку слов нерусского происхождения: котел – таган – казан – каган. Вспомним, что Великому князю Владимиру, известному также на Руси как «Владимир – Красное солнышко», тюрками было присвоено звание Хагана, т. е. Верховного Повелителя. Затем слово «хаган» трансформировалось в «каган», сохранив первоначальное значение; возник Каганат (с верховной властью Кагана), состоящий из Ханов, вассалов Повелителя.

Красивая была бы версия, если бы предположить, что главный атаман, велеречивый и разумный, под руку которого пожелали пойти многие атаманы со своими отрядами, который стал главою товарищеского сообщества, – поэтому и был прозван Ермаком. Но есть нюансы, не позволяющие остановиться на подобной версии, хотя в народе частенько говорят: «Котелок-то у него варит, калган работает».

Следует заметить, что кличка Ермак не была единственной у боевого атамана. В документах Посольского приказа (высшего ведомства России) упоминается прозвище Токмак, которым казаки наделяли Ермака. Он обладал большой физической силой, и его увесистый кулак вполне мог соответствовать увесистому песту, колотушке, что и означает – «Токмак», чисто русское прозвище, в отличие от татарского – «Ермак».

Почему-то умалчивается и никак не трактуется имя Герман, которым наделяет Ермака Н.М.Карамзин в «Истории государства Российского». Вряд ли это его настоящее имя. Оно – или мирское, или приобретенное в казачьей среде, согласно складу его характера и широте души. Столь редкое для нас сегодня имя пришло из глубокой древности, ему не менее восьми тысяч лет, а родилось оно у кельтов, означая коллективную душу, Великого Германа, спасшего белую расу от исчезновения. Учитывая, что на Руси древние предания и синонимы не были полностью утеряны памятью, Ермаку, являвшемуся душою товарищества, вполне могли присвоить нарицательное имя Герман.

Всех историков на протяжении трех веков приводит в недоумение существование, по меньшей мере, двух Ермаков, еще более заводящее в тупик, как при трактовке его имени, так и в хронологии исторических событий, приписываемых Ермаку Тимофееву. Ниже постараюсь прояснить такое явление, никак не связанное с сокращением какого-либо из русских имен.

Приведем некоторые факты «раздвоения» Ермака.

Когда Ермак, по одним сведениям, уже находился в Сибири, то по другим – он участвовал в осаде Могилева в конце июня 1581

года, имея тысячу человек войска. Одновременно в июле 1581 года Ургаметмурза, приближенный ногайского хана, направил в Москву письмо, в котором жаловался, что «наперед сего Ярмак отогнал с Волги шестьдесят лошадей моих, а летом отогнали с Волги тысячу лошадей». Он требовал от Москвы выдачи ему «Ярмака».

В этой связи небезынтересны Воеводские отписки того времени, сообщающие о расколе среди казаков: на «воровских» и тех, которые дали согласие на государеву службу. Среди последних назывались имена Матюши Мещеряка и Ермака Петрова. Не этого ли Ермака идентифицировали с Ермаком Тимофеевым? Признание такой возможности сразу ставит на место хронологию сибирских событий в летописаниях и разрешает безрезультатные вековые споры.

Теперь, прежде чем высказать свое мнение о приобретенной кличке Ермаком Тимофеевым и другими Ермаками, вернемся к рассуждениям о вероятной биографии Ермака.

Служба у Строгановых вполне могла удовлетворить молодого человека, которому оказывалось высокое доверие по перевозке на стругах ценного товара. Что же могло побудить его оставить это занятие и организовать «шайку»? Существует предположение, основанное на сказаниях и отрывочных сведениях, что причиной всему явилось некое драматическое событие, связанное с его первой влюбленностью. Будто бы честь его невесты была поругана, он убил обидчика и вынужден был скрыться. По этому случаю родственники Ермака попали в опалу у Строгановых и подверглись репрессиям. Версия о том, что сам Ермак просидел в тюремной яме чуть ли не десять лет, а затем побывал в рабстве на галерах, – полнейшая выдумка, преподнесенная в недавно вышедшем на экраны художественном фильме о Ермаке. Если бы это было в действительности, то казаки не «полевали» бы с Ермаком 25 лет, о чем писали в челобитных.

На самом деле, вызволив с соляных разработок своих братьев, собрав друзей и других молодых людей, пожелавших к нему присоединиться, Ермак укрылся на реке Белой, откуда делал набеги на Каму, где грабил купеческие суда. В конце концов Строгановы были вынуждены послать против него карательный отряд, в связи с чем Ермак ушел в низовья Волги и затерялся в южно-русских степях. Став атаманом в раннем возрасте, он продолжал им быть до последнего часа своей жизни, не признавая государеву службу, мечтая о землях для казачьей вольницы.

Ни в одной челобитной ермаковцев не упоминается о государственной службе, об участии во взятии Казани или Астрахани, а тем более противостоянии Баторию при осаде Могилева. Не может быть, чтобы казаки из станицы Ермака не подчеркнули бы в своих про-

шениях о столь важных событиях. Например, те казаки, которые участвовали во взятии Казани, находясь на службе, писали:

«В которых время царь Иван стоял под Казанью, и по его государеву указу атаманы казаки выходили с Дону и с Волги и с Яика и с Терека: атаман Сусар Федоров и многие атаманы казаки ему, государю, под Казанью служили...»

Каждое событие времен Ивана Грозного отмечено именами казацких атаманов, донесенными до нас историческими документами. По взятию Астрахани: Федец Павлов, Ляпун Филимонов, Архипко. По разгрому Крымской Орды, защите Москвы и Полоцка, по штурму Азова: Миша Черкашенин, на Днепре – черкасский атаман Михайла Еськович и т. д. Имя Ермака нигде не упоминается. Поэтому утверждения некоторых историков о том, что Ермак не был вольным атаманом, а состоял на государевой службе, не имеет веских оснований, а фольклор – свидетель тому.

По установившимся казачьим законам запрещалось атаманам целовать крест царю и поступать к нему на службу. Было только одно правило присяги или клятвы – целование окровавленной сабли в знак верности общему делу казачьего братства. Нарушение этого неписаного закона каралось смертью. Герой «астраханского взятия» атаман Ляпун Филимонов, нарушивший такой закон, был по решению казачьего круга станичников казнен.

Казаки допускали только оплачиваемый наем для выполнения конкретной задачи. Да и то такой, которая соответствовала бы их интересам и морали. Участвуя вместе с царскими войсками в битвах, вольные казаки сражались в основном со своими исконными врагами – нагайцами и татарами, которые постоянно разоряли их станицы. К таким вольным казакам и относился, скорее всего, атаман Ермак. Поэтому его имя и не значилось в Посольских приказах.

Практически казаки вели свою непрерывную войну с кочевниками. Когда это соответствовало интересам царя, они получали похвалу. Но в другие периоды за те же самые действия казаков называли «воровскими» и посылали против них ратных людей для уничтожения.

Казаки не имели возможности вести нормальную оседлую жизнь, заниматься земледелием и скотоводством. Постоянное разорение их станиц кочевниками вынуждало казаков сооружать засеки, выбирать места, труднодоступные для врагов, а вместо конных отрядов создавать мобильные плавучие отряды на стругах. При таких условиях единственным источником существования могла быть только военная добыча или добыча от грабежа купцов. Каждая казачья дружина делала то же самое, что и царское войско, только в меньшем объеме.

Поскольку казаки всю жизнь проводили в битвах, не было на Руси более искусных и мужественных воинов. Сила и удаля высоко ценились в казачьей среде. Воин-богатырь, невероятно сильный и ловкий, Ермак мог заслужить кличку, соответствующую его воинскому мастерству и силе, получив от татар прозвище Ермак, взамен русского – Токмак. Прорыв в бою через ряды врага, сокрушительный напор с искрометной саблей в руке, в результате чего образуется прорва, то есть «прорва, а не человек», то есть Ермак. Так окрестили его басурманы, так называли они и других доблестных атаманов. Вот почему были и другие Ермаки.

В подтверждение этой версии приведу веское доказательство. На притоке Енисея – Нижней Тунгуске («Угрюм-реке») существуют между деревнями Подволочной и Ербогачено малонаселенные деревушки: Непа, Преображенское, Большой Ермак и Оськино. Большой Ермак отстоит от зоны действий атамана Ермака почти на четыре тысячи километров.

Как известно, в верховьях Енисея и Лены обитали тюркско-монгольские народы, которые речки и поселения называли своими именами. Большую промоину между речками они и могли назвать Большим Ермаком – отсюда и название деревушки.

Русский атаман казаков, изгнавший из Сибири татарского хана Кучума, был назван татарами Ермаком.

СКАЗКА

МОНАХА САВВЫ

– Начну я свой сказ с самого далека – с того, что от родителя когда-то узнал, а потом уже сам изведаль. Скажу без утайки, что были у меня беседы с атаманом о его житие и откуда родом он, но держал я это в молчании до сей поры. Теперь я стар, может быть, помру случаем, а вы память сохраните и когда-то другим расскажете. Благослови, Господь, Ермака Тимофеевича за сочувствие к немощи моей, за то, что к делу полезному пристроил, когда силы в руке не стало, чтобы саблю держать. Вы, молодцы, когда в дружину попали – я уже более десяти лет с атаманом по Волге и Дону гулял. Но не думайте, как, бывает, сказывают, что он из донских казаков выходец. Он, как есть, с этих краев. А вот другой атаман Ермак Петров – тот с Дона. Но не о нем сегодня речь. Начал с одного – а вон куда свернул! А обещал-то с самого далека вести сказ. Слушайте...

Давным-давно это было. Тогда и казаков таких не было, как теперь. Это татары сперва бездомовных бродяг казаками прозвали. А когда удальцы из них в ватаги сошлись и войну с грабежами повели, тогда стали выбирать себе атаманов и есаулов. Мы, русские, потом все прозвища от татар переняли. Да и как не перенять, если беглые с Руси в их ватаги вступали. Однако вначале на окраины мало бежало людей – больше по лесам пряталось, да по Оке ходило на ладьях. Они и поместья боярские жгли, и купцов грабили – тем и жили. Награбленное добро меняли на хлеб, а в лесу и реке промышляли зверя и рыбу. Только пришло время, когда бояре против них большую силу собрали, стали ловить их и вешать без суда. Тогда-то и стали все удалые головы убегать к Дону, да на низ

Волги. Там только войною и кормились. Пашню пахать, хлеб сеять, скотину выхаживать кочевники не давали. Налетят, обшарпают, пожгут, да еще в Азов угонят людей на продажу туркам.

В те времена на Руси бездомовных тоже казаками стали кликать. Они по найму от одного хозяина к другому бегали, из одного села в другое. Гулящие нетяглые люди могли заниматься мирными промыслами, шатаясь с места на место, а тягловые и бобыли, которые за выти и дворы налоги в казну государеву вносили, должны были тянуть это ярмо и с места не сходить. А кто уходил от ярма, того старались выловить, наказать плетьюми и вернуть к тяглу. Только удавалось это редко. Бежали люди от скудости, от неурожаев, холеры и язвы, от боярской жестокости. Одним из таких был суздалец посадский, Афонасей Григорьев, сын Аленин. Приметный мужик: широк в плечах, красив лицом, черная борода, кудряв, глаз острый и силищи богатырской.

– Ты в точности нашего Ермака Тимофеевича разрисовал, – сказал Брязга.

– То его дед был, а Ермак весь в него уродился. Но ты не мешай сказу... Этот Афонасей бежал от скудости во Володимир. Искать его не бросились, так как у бояр в тот месяц большое волнение возникло – великий князь Василий Иоанович Российскую державу принял. Каждый думал о том, чтобы под опалу не попасть от новой власти и имение не потерять. А Афонасей тем временем извозом занялся. Вначале он возил купеческие клади в Москву, Вологду, Кострому, Ярославль и в Нижний Новгород, пока в дороге, в муромском лесу, на него не напали разбойники из беглых людей. Он их разбросал, как котят, по траве-мураве, но другие из засады скопом его обступили и приставили к спине и груди пищали семипядные. Подивились разбойники его мужеству и силе – и не стали убивать, а предложили в шайку войти и атаманом стать, так как не было у них подходящего человека в предводители. Но к тому времени Афонасей девицу себе приглядел из посадских и собирался жениться. Поэтому не принял он их предложения шайку возглавить, но и не отказался в споможение оказывать, и сказал им:

– Братцы, я от ярма беглый, как и многие из вас, бояр и купцов не жалею, а извозом купеческой клади занимаюсь, чтобы семьею обзавестись, хочу сыновей иметь и растить их. При моем занятии могу и вам большую пользу делать – брать по пути ваше добро и на хлеб его менять, а тот хлеб вам возить, а об остальном вы и сами позаботитесь.

На том и порешили они. Афонасей исправно свое обещание исполнял и большую выгоду от того промысла имел. Разбойники не скупались его одаривать. Бывало, привезет им хлебушка, круп да толокна, да заночует у них. А то и день-два поживет в их стане, на

медведя сходит. Он этих медведей без пули – голыми руками брал, ножом орудуя. От его силы и ловкости разбойники в восторг приходили. А Афонасей, между тем, женился и двух сыновей народил, Родиона да Тимофея. И все бы ничего, и семья жила в достатке, но случилась беда. Заночевал он как-то у разбойников, как обычно, а тут облава боярская. Одни убитыми полегли, другие разбежались, а Афонасей все кулачищами размахивает да тумачи раздает. Воевода видит дело такое и приказ отдает, чтобы живым его взяли. Потом, мол, в нагляд другим повесим его на видном месте, и пусть висит там неделю-две. Навалились на него стражники, оглоушили, повязали и увезли в тюрьму. А там на цепь посадили. Отсидит, мол, ночь, а поутру и казнь состоится. Ночью-то вспомнил он жену да сыновей, жалко ему их стало, как подумал о будущем их сиротстве – осерчал и порвал цепи железные, вырвал ограды и убежал. А убежав, забрал жену с детишками и подался в Юрьевец Повольский. Там-то Родион да Тимофей выросли во здравии и благополучии, жили в сытости, пока не похоронили мать, а потом отца.

Остались братья одни, без родительского покровительства, приняв от отца в наследство ярмо и налоги. Поначалу они разными промыслами на жизнь зарабатывали: то извозом, то наймом по поместьям, то в артельке какой. Но тут случился неурожай да голод, и болезни косить людей стали. Наступила скудость великая. Окрест многие дворы опустели. Ремесленные и крестьяне оставляли отечество свое и бежали искать воли или льгот на новых землях.

Стали Родион да Тимофей думу думать – как им-то быть? Согнули тяготы их плечи молодецкие, оскудели запасы нажитые – ненароком и помереть можно от голода. И решили они в путь-дорогу отправиться, счастье искать. Натурой они были не воистые, без соблазна воли удалецкой, чтобы на Дон податься и войною жить. А потому запрягли коней в колымаги, нагрузили их скарбом и направили стопы свои в обратную сторону, к морю холодному, к рекам северным, куда ни одному врагу, ни одному татарину пути нет.

Где только не побывали братья. До верху Руси добрались, где Двина Северная со многими речками течет, и там в Борке присохли, но ненадолго. Потом в Тотемских вотчинах промышляли и прослышали случаем о купцах вычегодских. Те купцы на Вычегде соль варили, пашни пахивали, деревнями обстроились – и с ласкою принимали охочих людей, способных к ремеслу, и крестьян. Соблазнились братья слухами такими и не думая – не гадая поехали туда, где светила сытая оседлость.

Долго ли, быстро ли ехали Родион да Тимофей по дорогам накатанным и бездорожью, но в один из дней ясных подкатили на колымагах к крыльцу хором господских.

Вышел к ним сам глава дома купеческого Аника Строганов. Оглядел он коней ухоженных, молодцов опрятных – удивился, и спрашивает:

– Откуда же вы такие пожаловали?

А братья-то перед тем, как к крыльцу завернуть, коней в реке помыли, гривы и хвосты им расчесали, да и сами помылись, штаны и рубахи рваные выбросили, а из узелков достали одежду справную. Вот в таком виде и предстали перед купцом, и на вопрос его отвечают:

– Из Юрьевца Повольского мы, господин хороший. Прослышали, что люди тебе работающие нужны – и приехали.

Снова подивился купец, что такую даль одолели, а ущерббу не видно, и говорит им:

– Догадываюсь, что молодцы вы brave, а на деле как – поживем и узнаем. Беру вас в холопы свои на долгие лета, если надежды мои оправдаете, дам землю, чтобы растили хлеб да овес, разрешу лес рубить и избу ставить одну на двоих. Но условие есть – подберете жен себе из других дворов и детишек растить будете, к труду приучая. А я на три года от поборов вас избавлю. Величать же вас буду Повольскими.

Обрадовались братья кабале такой и дали согласие семьями обзавестись. Начали они избу рубить и землю пахать, по сторонам посматривая и невест приглядывая украдом. У нас-то на Руси как повелось: хочешь жениться – сватайся, а глаза не пяль и не проси, чтобы невесту тебе показали, – не положено до венца вблизи разглядывать. Бывало, покажут издалека одним боком, а с другого – глаз косой. Поэтому неосмотрительным подсовывали в жены и кривых, и косых. Но братьев трудно было обманом наказать: без спешки они, издали гляючи, красивых да дородных приметили и сведения о них тайком собрали, а потом уже и сватов послали. Получилось так, как замыслили, – взяли жен пригожих, не хворых и старательных. За три года они пятерых сыновей народили: у Родиона – Дмитрий да Лука, а у Тимофея – Гаврило, Фрол да Василей... Этот меньшой Василей и стал нашим Ермаком Тимофеевичем. Только у меня сомнение есть, что это его крещеное имя, скорее мирское, чтобы уберечь от сглазу.

– Раз сомнение есть – значит, ты знаешь еще какое-то имя? – спросил, встрепенувшись, Брязга.

– Не знаю, не ведаю, – развел руками Савва. – Может быть, по отцу Тимофеем прозван, или Ерманом – не знаю. Такая тайна если и открывается, то при отпевании умершего, когда он всю свою жизнь на одном месте прожил и там в церковной книге его имя записано. А иначе – как узнать? Однако, чем говорить, навостри уши... Мысли мои спутал... Слушайте далее...

Как уже сказано, добавилось в доме пятеро едоков, а тут и срок льготы истек от поборов. Стали Родион да Тимофей подумывать – с какого края-боку к купцу Строганову подойти, чтобы дополнительный надел земли попросить, пока скудость не явилась. Но побаиваются, что он осерчать может. Уж больно горазд был купец наказания раздавать, в этом у него главная щедрость была. А тут еще и страху всем добавил злодеянием своим. Родная дочь слушалась его в чем-то – так он ее в реке утопил. Как же соваться под руку с просьбой? А у купца тогда свои планы созрели, и судьба братьев уже была уготована, о чем они не знали.

Купец-то Строганов в Пермской земле, на реке Чусовой, торговый дом основал, хотя это только одно название такое. На самом деле целый город соорудил и крепостною стеною его обложил, плотбище открыл и стал струги в тридцать весел делать, чтобы с бухарцами и персами, и другими ордабазарцами торговать. На такую затею много всякого люда требовалось.

В городище том кто только не жил-служил: и люди торговые, и стража, и слуги, и кузнецы да плотники, грузчики да конюхи, гребцы да кормишки и другие умельцы. И всех их кормить нужно, возить им за тридевять земель хлеб да крупы и прочую снедь. А кругом лежали земли непаханные, ничейные и пустые, черные да урожайные. Почему бы на них хлеб не растить? Вот и надумали купцы, Аника и сыновья его, крестьян туда переселить из деревень вотчины своей на реке Вычегде. Стали делать отбор, но так, чтобы и хозяйствам крестьянским не было ущерба, и замыслы свои исполнить. От соседа брали соседа, от отца – сына, от брата – брата. Когда очередь дошла до Родиона да Тимофея, то выбор пал на Тимофея, так как у него жена вдруг померла перед тем за неделю, а за детишками бабка приглядывала. Так или иначе, а ему следовало давать надел из-за тесноты и чтобы большую семью прокормить.

Распрощались братья в слезах – и отправился Тимофей в путь дальний по весне с другими семьями в одном караване. У него две телеги со скарбом, корова да бычок, веревками прицепленные, в клетях птица – куры да гуси. Старшие сыновья на тюках сидели и баловали, а бабка с меньшим Василем на руках ворчала, приструнивая их. Так и ехали. Благо, что северные пути, в отличие от южных, были уже не единожды хожены, дороги накатаны на Чердынь да Соль Камскую, от которой до реки Чусовой и рукой подать – верст двести. Потому недели через три все благополучно на место прибыли, поставили там шалаши и начали землю пахать, так как для сева срок подошел. А когда с землею управились, то стали избы рубить. Так и обжились за лето. Их городок высоким тыном обнесли, по углам башни поставили и стражу на них посадили.

Время шло – и дети росли крепкими да здоровыми от сытости. Старшие стали отцу помогать по хозяйству, а Василей, сверстниками верховодя, военные игрища устраивал. Все его слушались, почитая ловкость и силенку не по годам, да и умом он отличался, и речами складными. Ватага за ним куда угодно шла, через тын перемахивая, поскольку запрет был выпускать ребятишек за ворота. Они в лес убегут, копья да сабли деревянные поделают и сражение устраивают. В ватаге все ловкачами и отчаянными были – хилых и опасных Василей прогонял. Так развлекался он, пока ему двенадцать годков не исполнилось, а как повзрослел – новый интерес возник. Срубил он в лесу дерево, смастерил себе лодочку-калданку и стал по реке ходить, ручьи да протоки разведывать, птицу и зверя высматривать. Если на реке какой затор встретит, то выйдет на берег, забросит калданку на плечо, перейдет куда надо – и снова поплывет. Так он многое о местах окрестных узнал, о чем другие и не догадывались.

Однажды на реке среди утесов каменных Василей пещеру нашел, а в той пещере – разбойников. Смотрит он на них и видит, что будто бы много лиц знакомых, и спрашивает:

– Кто вы такие, дядьки? Вроде видел вас где-то, а не припомню.

– А ты припомни, подумав, – отвечают они, – мы-то тебя сразу признали: ты Тимофеев сын.

Догадался Василей, кто такие эти разбойники – беглые от Строгановых, холопы из Чусовского городка.

– Так и есть, – говорят дядьки, – убежали мы от жестокости купцов да приказчиков, после плетей и ямы тюремной, чтобы за себя и семьи наши порушенные мстить. Строгановы на Камне рудным промыслом занимаются – так мы их барки с чугуном переворачиваем цепью, перегородив Чусовую, золотоносцев подкарауливаем на тропах да купцов басурманских, которые сухопутьем с полуденных стран идут, и отбираем у них ношу драгоценную. Полнится наша казна серебром, чашами да кубками золотыми, камнями драгоценными. Как разбогатеет, чтобы не изнемогать от нужды, так заберем свои семьи и уйдем в города Руси, а пока живем в лишении, питаемся тем, что рыбу ловим да зверя бьем, скучаем за хлебушком да ячменем, ибо взять его негде.

Взялся Василей помогать им. Обошел двory опальные, узнал, каково в них живется, кто уже съехал, а кто остался, рассказал о нужде беглецов и своем им обещании. Все обездоленные один вопрос задавали, все хотели знать – где их родимые обитают? Но Василей тайну не открывал: вдруг проговорится кто или выдаст под пыткой. Некоторым тогда уже досталось испытать и плетей, и колодок, и прижигание огнем. Многих из тех семей на самую трудную

работу поставили, мужиков – на рудник соляной, а женщин – конюшни чистить. Поэтому Василей им отвечал:

– Чем спрашивать о недозволенном, соберите круп да толокна, а я отвезу.

Так и повелось после этого. Ночью, темною да ненастною, перетаскивал он через тын куль пуда на три, взваливал его на крепкие плечи и шел лесом к упрятанной калданке. Потом до самого утра и полдня греб без роздыха веслом к пещере. Два года были разбойники под его опекою, но постепенно пещера пустела. Одни, дав знак семьям через Василея, разошлись в разные места, другие ушли ладьями на Волгу и там примкнули к гулящим казакам. Но он продолжал туда наведываться, тайник свой проверял и кое-что в него докладывал. Разбойники ему сабельку и пищаль подарили, а он зелье и свинец привозил, сухари да толокно в бочечках, словом, делал запас на особый случай. Умен был малец...

Прошло четыре года. Много ли это, мало ли – сами рассудите: было человеку четырнадцать лет, а стало восемнадцать. Есть разница? Есть! И еще какая! Василь таким вышел, что любо посмотреть. Всякий сын с завистью глазел на него, а многие девки мечтали завлечь и оженить на себе. Однако он не обращал на них внимания, у него другая забота была – по речкам плавать. Он уже не только на Чусовой и Сылве каждую извилинку и проточку знал, но и по Каме да Белой прошелся, и по Волге до этих мест, где мы теперь зимуем.

– погоди, Савва. Выходит, что не случайно атаман привел нас сюда? – спросил Брызга. – И место это он заранее знал?

– Припомнил верно. А какая задумка у него – пока не знаю. Такой городище, как мы построили, многие лета мог бы казакам послужить. Об этом поговорим, но в другой раз...

Василь-то не только по речкам плавал, но и отцу да братьям помогал в трудной работе, пашню пахал и купеческие ладьи грузил, которые в Астрахань и к Агарянам товары возили. На одной такой погрузке и заметил его живоглот Аника Строганов, подивившись, как он с легкостью двойную ношу на плечи взбрасывал. Интерес у купца возник, стал он мужиков расспрашивать: чей, мол, сын и каким еще умением известен. Те и поведали ему, что из Повольских он и не найти другого, кто бы знал лучше пути речные. Вот так, случаем, стал Василей кормщиком.

Совпало это событие в те дни с другим: невесту себе Василь выбрал, и тоже – случаем. Та девица по соседству росла, неприметная была по малости лет, а как выросла, так красавицей стала, Аленой звали. Василь ранее и не смотрел в ее сторону, мимо проходил не глядя. А тут как-то из лесу колоду на плече нес, да на нее и наткнулся. Алена эта резвая была, не в пример другим девицам,

через тын умела перескакивать, чтобы цветочков да ягодок пособирать или погулять без родительского надзора. Во время такой ее прогулки и увидел Алену Василь, глянул в упор и обомлел. Стоит перед ним красавица, словно царица небесная, бровь черная, глаз голубой и веселый, коса толщиной с руку, уста медовые. Василь-то и обронил колоду на ногу. Потом хромал до вечера.

С того дня стали они встречи назначать в лесу. Но утехам любовным не предавались, а только бродили тропами, взявшись за руки, ходили к озеру и ручьям, где Василей острогой рыбу ловил, или на его калданке плавали по Чусовой. Так, гуляючи, сохраняя честность, сговорились они в Покров под венец стать. А Строганов, меж тем, товар подготовил – мягкую рухлядь для бухарцев – и призвал Василя в плавание. Распрощался Василь с сердешною своею голубицей и отправился в путь дальний на ладье в двадцать весел и под парусом. Не догадывался он тогда, что этот первый его поход кормщиком у Строганова будет и последним, что Господь уготовил ему другие пути-дороги.

А случилась вот такая беда... В ту пору всеми крестьянскими делами молодой приказчик заправлял, любимец купца. Строганов только наездами на Чусовой бывал, а приказчик в его отсутствие чувствовал себя полновластным господином и учинял деревенским людям всякие обиды и измышательства. Не было с его стороны справедливости к крестьянам, в страхе любил всех держать. За малую провинность плетью сек, а кто слово против него скажет, того в яму сажал. От его тиранства многие мужики бросали свои дворы и уходили в разбойники да казаки. Но хуже всего было то, что девок он портил, силою их забирая, жил в разврате и блуде. Пользуясь отлучкой Василя, решил он Аленою завладеть. Сперва хитростью хотел в соблазн ввести, уговаривал в прислуги господские пойти, обещал в шелка и бархат одеть, нитку с камешками на ее шейку надел и ласковые слова говорил. Она же в ответ ту нитку разорвала и бросила ему под ноги. Тогда, зная, что она в лес украдом ходит, подкараулил ее в дебрях и взял силою. Поначалу она как бы умом тронулась, ходила будто блаженная по дворам и говорила, что дьявол объявился и нужно в погреба прятаться. Но скоро к рассудку вернулась и задумала месть. Как-то ночью пробралась к дому приказчика, подперла дверь колом, подбросила соломы по углам и подпалила огнем. Только неудача вышла. Стражники успели пожар затушить, а Аленку в яму посадили. А потом и в яме ее не стало. А куда делась – никто не знал. Разговоры были, будто приказчик переправил ее на Вычегду под суд Строганова. Еще слух прошел, что приказано страже повязать Василя, как только он прибудет из плаванья, чтобы месть предупредить. Дошел тот слух и до братьев

Повольских и отца Василя. Стали они совет держать, и говорит Тимофей среднему сыну Фролу:

– Бери-ка, сынок, лодочку легкую да быструю и плыви вниз по реке. Расскажи Василю все как есть, а что делать – он сам решит. Нельзя позволить, чтобы он в капкан угодил.

Три дня плыл Фрол по течению без натуги, а на четвертый и вынесло его на струг с товаром заморским, которым Василь управлял. Пошептались братья, потемнел Василь лицом, хотя и так не бел, и говорит гребцам да страже:

– Прислал Строганов за мною гонца, гребите без меня осторожно, не торопясь, чтобы мель не поймать, а я поспешу на срочное и важное дело.

Взялся Василь за весла, да так загреб, что на другой день к ночи прибыли братья на Чусовую. Спрятали они лодочку в стороне да в кустах и пробрались через тын незамеченными. Двух стражников, что у приказчикова дома караулили, повязали веревками, рты набили травой, а самого супостата вынули из пуховой постели, скрутили ремнями и сунули в мешок. Помаялись с тем мешком маленько, когда через тын перетаскивали, но дело свершили, и благополучно притащили на высокий яр. Освободили там его калган, чтобы дознание учинить, а у него от страха заикание, и из мешка дерьмом несет. В таком чувстве признался он, хорек вонючий, что девицу испортил, а после того как она на поджоге была поймана, то по приказу Строганова отправил ее с обозом в Соль Вычегодскую. Но не дошел обоз до места. Уже в первый день попал он под конницу татар казанских, и одному Богу известно – где теперь Алена, если только жива осталась.

Приговорил Василь окаянного губителя к смерти. Тот и плакал, и каялся, и милосердия просил, но прощения ему не было. Нельзя, други, скажу я вам, оставлять в живых злохитростных душегубов. Отпусти такую вошь поганую, так она постарается опять тебя укусить. Потому насыпали братья злодею песку за пазуху, в мешок песочку добавили, вокруг шеи его веревочкой обвязали – и сбросили в реку.

Свершив суд, Василь да Фрол к родному дому прокрались, разбудили брата Гаврилу, отца и рассказали о содеянном. Тимофей, отец-то их, в большое волнение пришел, и сказал:

– Бегите, сынки, пока ночь на дворе, бегите все до единого, а не то сидеть вам в яме многие лета или в цепях на соляных варницах рабствовать. А я с бабкою ничего не знаю, ничего не ведаю и за вас не в ответе. Так и говорить буду. Жалко мне хозяйство нажитое бросать. Время пройдет, вода утечет, все забудется – тогда вы и вернетесь.

Подчинились сынки воле отца. Фрол да Гаврила взяли лодочку, которая в кустах была припрятана, Василь – калданку свою, и уплыли они по Чусовой к пещере. Тут-то и пригодились припасы хлебные, которые Василь натаскал. Показал он братьям саблю и пицаль, камешки и изделия драгоценные, чем ввел их в изумление.

И сказал старший брат Гаврила:

– С таким богатством в любом месте на Руси можно свое крестьянское или ремесленное дело иметь и в сытости жить. Давайте так и сделаем, а потом отца с бабкою заберем. А то и теперь уговорим отца, пока на его голову беда не свалилась.

И сказал средний брат Фрол:

– Я в согласии с тобою, Гаврила. Но первое слово за Василем. Он хоть и меньшей, а умом опередил нас. Мы спины горбатили только, а он и головою работал. Как он скажет – так тому и быть.

И сказал Василь:

– Вижу, братья, что тяга у вас к хозяйству, а не к войне. Отдаю вам богатство на устройство жизни, но сперва помогите мне собрать ватагу из удальцов, которые хотят от ярма купеческого избавиться и с обидчиками расчитаться.

И порешили братья освободить людей, цепями окованных, купленных в тюрьмах и наказанных вотчинных холопов, которые на соляных варницах рабствовали. Не стали они откладывать дело правое на время, когда приказчика в мешке найдут и стражу усилят, и в ту же ночь отплыли к промыслу. Там они изловчились, повязали охранников, забрали оружие их, отобрали охочих в ватагу тридцать человек, захватили ладьи, которые у берега стояли, и ушли к пещере. Осталось теперь отца из городка вытащить. Но вышло хуже, чем думалось. Ладья-то с товаром пришла, а кормщика на ней нет, и о бунте на варнице стало известно, и братья Василя пропали. А главное – не могут приказчика найти. Вот голова стражи и смекнул – что к чему. Тимофея сразу в тюрьму засадил, а вдоль всего тына пицальников выставил, чтобы нападение отбить, если состоится. На другой день и Аника Строганов прибыл, но не по зову, а в расчете товар встретить. Ох и осерчал он, когда узнал о всех событиях. Сразу послал сотню ратных людей искать беглых бунтовщиков и братьев Повольских, а другим приказал реку проверить нырянием и крюками с лодок. Когда нашли утопленного, стали пытаться Тимофея. Но он стоял на своем: ничего не знаю, не ведаю, не в ответе. Ну и засекли его до смерти. А бабка от волнения померла.

Наполнились ярости братья к злочестивому Анике и поклялись учинить ему великий ущерб. У ватаги было уже два струга, захваченных на варнице, так они еще и третий прибрали к рукам, который с товаром пришел, и ушли на них по Каме на реку Белую.

На той реченьке хитростной, Василем изведанной, они стан в крутизнах поставили, звериные ловушки устроили на тропах и всех подходах, ратною наукою занялись и стали делать вылазки на Каму, поджидая купеческие ладьи. Они то с Чусовой шли, то на Чусовую из стран басурманских, но ни одна так и не прошла мимо. Весь товар ватага забирала, а людей, которые остались живы, отпускали. Василь запрет установил на убийства, если нужды в том не было. В защите разрешено было, а так – нет. Он сам-то более кулаками зашибал в беспамятство, кто сопротивление оказывал ему и товарищам; подставит саблю свою под удар саблей, а другою рукой как шибанет по голове, так супротивнику час требуется, чтобы в себя прийти. Да ловко, быстро одного за другим валил, словно люди в жерновец попали. По этой способности Василя товарищи прозвали его Токмаком. Стал он – атаман Токмак.

В ватаге людей заметно прибавлялось. Многие гребцы с захваченных стругов просились в товарищи, и потому к зиме была собрана дружина в шестьдесят душ. Но на следующее лето случилось предательство: двое казаков сбежали на Чусовую и выдали стан. Строганов тут же сотню служилых послал на пяти стругах и дал наказ пробраться усторожливо и ночью перебить разбойников. Так бы и случилось, если бы не осмотрительность атамана. Обычно Василь караулы выставлял на подходах, а после побега казаков послал дальнюю разведку по Каме. Она-то и известила загодя о рати с Чусовой. Василь не испугался: ему это было только в руку. Он и так случая ждал, чтобы на Волгу уйти и дружину собрать добрую, а тут сам Строганов одаривает его враз пятью стругами. Вот и разыграл атаман шутку. Казаки-то резво освободили стан, стащили все на берег в сторонку, в место укрытое, а сами в кустах затаились. А в теснине, по пути к стану, засаду из десяти пищальников оставили. Им Василь приказ дал – расстрелять из укрытия предателей, которые должны быть жогами у рати, а в других людей без нужды не палить, сделать дело и быстро уйти. А отряд тем временем струги захватит и засадников дождется. Те же, кто с войною приплыли, пусть в наказание пешими домой добираются.

Как было задумано, так все и сделалось, еще и с прибытком. В стругах-то припасы хлебные были, и зелье для пищалей, и свинец. Чем не удача? В них и свое все загрузили, и на связку взяли к своим ладьям. Так и отплыли, возрадуясь. Ветер в помощь паруса раздул. Чайки, провожаючи, хохотали. Вот так-то, други. Бить умеет всякий, а управлять – Богом избранные. Настоящим атаманом родиться нужно...

Плыли казаки по Волге и, красотами любуясь, удивлялись миру необъятному, и спрашивали себя – отчего стороны света бывают такими разными? Глянешь на восход – дикие утесы и дуб-

равы, рощи да леса темные, голову повернешь – луга необозримые. А на лугах, между Волгою и горами, чертоги и хижины, в крутизнах и ущельях – селения чувашские. Кроме чувашей всякий народ жил тогда, как и теперь живет, по безбожному Казанскому ханству. Это и мордва, и вотяки, и лашкирцы, и черемисы. И все неверные. Все против русского человека настроенные, которому не было места там, кроме рабов. А брали невольников в набегах на Русь. Только казаки и могли им препятствия чинить, а Москва и царь были далеко.

Недолго плыли казаки по Волге в безмятежности, уже на третий день увидели татарскую конницу на лугах – и тут же затаились в кустах на острове. Время шло к ночи, и потому татары, осмотрев берег, разбили стан, шатры поставили, костры зажгли, мясо над огнем подвесили, чтобы коптилось и жарилось, а пленников кнутами согнали в кучу и положили на песок. Взял Василь в ум, что то русские люди в беде маются, и надумал освободить их, хотя татар раза в три было более, чем в отряде. Риск немалый, но не быть удачи человеку, который думает только о себе...

Преблагой Бог не простил окаянных и помог атаману.

Разделил Василь отряд на четыре ватаги. Двум из них наказал ударить по стану с разных сторон, одной ватаге – угнать коней в луга, чтобы нехристи не могли ускакать, а другой – освободить пленников и посадить их в струги. Сговорились на том и дождались ночи. Ночью-то трудно врагу разобраться, на чьей стороне сила. А сила всегда у того, кто не дремлет или за кем правда стоит. Ох и посекали той ночью басурман! Недобитые корчились как рыбы на берегу. Казаки что успели, то с собою прихватили из оружия. Драка-то была короткая, половина татар в живых осталась. Они, как в себя пришли, биться стали яростно. Но казаки в струги попрыгали и ушли. Дело-то было сделано, а зазря терять людей не было в правилах атамана.

С этого дня наступило трудное лето для казаков. Куда они ни сунутся – везде на казанских или ногайских татар натываются. Война шла чуть ли не каждый день, и многие погибали в битвах. Но отряд рос, силу набирал. Скоро в дружине собралось две сотни удалцов. Малые ватаги прослышали про удачливого атамана Токмака и с охотою шли под его руку. В то время по «дикому полю», между Волгою и Доном, много гулящих людей появилось с Руси, и все они большие обиды от татар имели и склонны были к объединению. Думали только о том, как бы силою стать против басурман. А возвращаться под ярмо никто не хотел. Тут была свобода, вольница. Обходились без домов, спали на травушке, глядя в небо, обсыпанное камнями драгоценными, в стужу у костров грелись, в зиму на островах и в дебрях прятались – и от такой жизни душев-

ную крепость обретали. А царь наш, Иван Васильевич, душою был слаб. Он два раза ходил на Казань – и все впустую. Да и как же иначе, если походы затевались поздней осенью. Войско в снегах вязло, а пушки в Волге тонули. Всякий раз царь слезами обливался и приказывал отступить. А татары, возрадуясь, еще большей наглости набирались, ходили в московские волости и грабили деревни. Одна только и была заслуга воевод царских – что на реке Свияге, в тридцати верстах от Казани, укрепленный город поставили для устрашения местных народов. Но проку большого не стало. В городе том от нечистоты мор напал на людей, мерзкие беспорядки возникли, мужи бороды сбривали и входили в грех с юношами. Тьфу, бесы!

Был тогда у царя советник Адашев, умный малый, из простых людей вышел. Он-то и решился правду навести – избавить Русь от нечестивых извергов. Собрал он воевод честных, радеющих за землю родную, и послал их на Казань не к зиме, как бывало, а в июне. Войско собрали большое и пушек взяли с собою сто пятьдесят, а воевать-то мало кто мог, кроме пушкарей. Сами посудите – главною силою считалась рать и стрельцы. А кто они такие? Что за воины? Ратники – это посошники, боярские холопы. Им сподручнее мотыгой орудовать, чем саблю в руке держать. А стрельцов набирали из свободных людей, давали им рубль на строительство дома, назначали годовое жалование в один рубль, и они целованием креста давали клятву о служении в государевом войске до конца своей жизни. Когда шли на Казань, стрельцы еще новичками были, и было их всего две тысячи душ. Столько же стрельцов охраняли царя, и прозывались они государевым полком. По-настоящему биться могли только бояре, дети боярские и дворяне, но их сходились тысяч десять. Такому войску, други мои, не взять бы Казани, если бы не казаки. Казаки с радостью пошли на вспоможение царю, дабы на века избавиться от злохитростного душегубства кочевников. Они и подкопы рыли вместе с посошниками, и туры двигали к стенам, и первыми в проломы лезли. Нет на Руси более искусных воинов, чем казаки! Вся их жизнь в войне проходит. Как же не научиться воевать с умом и мужеством удалецким? А видели – как царская рать воюет? И смех, и грех! Окружат ратники врага большим скопом, осыпят его тучей стрел, оглушат барабанами и дикими криками – и назад отступят, в кусты попрячутся, – думают, дураки, что перепугали до смерти. А татары конницу на них – те и ноги вверх, или бегут в ужасе. Казаки же после выстрелов бросаются в рукопашный бой и бьются до победы. Вот и судите сами – кто настоящие витязи Руси..

Во взятии Казани и дружина атамана Токмака участвовала. Ему тогда столько же годков было, как теперь тебе, Богдан. Не

успела дружина к городу подойти, как в сражение попала с черемисою. С ними князь Шуйский бился, окруженный со всех сторон. У него отряд малый, а тех, как мурашей, туча из леса вылетела. Видя изнеможение князя, бросился атаман с товарищами на нечестивых и мигом разбросал их по лугу, а Шуйского из круга вывел. Благодарствуя за спасение от гибели, тот князь честный на Василя свою кальчужку надел. В ней-то он и по сей день ходит, сами видели.

Подоспел Василь к Казани в самый раз. Там уже подкопы успели сделать для взрывания стен, бочки с зельем туда закатывали и ждали государя, чтобы стал в голове войска. Но царь выказывал презрение к телесным усилиям. Мне о том сказывал опальный дьяк, с которым странствовать приходилось по монастырям. Он все своими глазами видел. Царь-то, когда шла подготовка к штурму крепости, два раза подъезжал к стенам на коне. Татары, увидев его, снимали на высоте штаны, показывали голые зады и кричали:

– Смотри, царь! Вот так ты возьмешь Казань!

От их колдовства буря налетела, шатры сдула, ладьи с продовольствием перевернула. Ох и напугался государь, послал в Москву за чудотворным крестом. Как только тот крест привезли, так и погода сразу наладилась. Но теперь не хотел царь Иван к стенам выезжать, а бояре наседали на него, так как это нужно было для поднятия духа войска. Осада уже шла, а он все откладывал свое выступление. То он говорил, что ему нужно приложиться к чудотворному образу Сергия, то выпить святой воды и съесть просфоры, то получить от своего духовника благословение и испросить отпущение грехов. Когда же битва уже свершилась, он сел в седло, а бояре, схватив коня за узду, силком потащили его в город.

А в городе творилось всякое бесстыдное безобразие. Татары набросали на площадь злата и серебра – и все посошные люди, оставив битву, стали набивать свои карманы и тут же умирать от лучших выстрелов. Если бы не казаки, то неизвестно, чем бы все кончилось. Наш атаман с товарищами и с другими казаками первым ворвался в крепость и, без соблазна к богатству под ногами, бился до последнего часа. А после победы дружина Токмака не стала дожидаться торжества и ушла на стругах. Был-то уже октябрь, зима на подходе, и нужно было не пировать, а поспевать к месту зимовья. В такую пору не было более важного дела для казаков.

Поначалу всяко приходилось зимовать – в шалашах да шатрах. Выбирали места на островах, ближе к морю, к южному теплу. Татары не могли достать казаков на воде: они всегда на конях воевали, а казаки, когда надумают, побьются с ними на берегу, нанесут им урон и с добычею уходят на стругах. Однако пока у татар

Астрахань не отобрали, на Волге особую осторожность приходилось соблюдать, особенно зимою. Из-за этого казаки перетаскивали струги волоком на Дон и зимовали на речке Хопер. Там они построили городок, многие семьями обзавелись и даже землю пахивали и хлеб сеяли. Места те были глухие – ни татарам, ни царю не ведомые. Так что казаки в спокойствии и благодати могли жить. А весною отплывали на военный промысел. Свою добычу они в Азов везли, торговали с крымцами и османцами, три пушечки медные купили случаем. А вот пищалей и селитры там не было. Это только на Руси добывать приходилось. Царь Иван Васильевич запрет ввел на продажу оружия иноземным странам, а сами они в таком ремесле слабость имели. Когда же государь стал Астрахань прибирать к рукам, наш атаман и своих товарищей туда привел. В той войне Василь много пищалей взял в запас, желая собрать большое войско и каждого казака пищальником сделать.

После взятия Астрахани на Волге стало вольготнее казакам, легче воевать с Ногайской Ордою, да и крымцев прогонять с «дикого поля», которые гуляли там на конях, ловили малые ватаги и продавали пленников в рабство туркам. Для крымцев это главная добыча была, чтобы богатеть. Больше всех этим шакалам причинял неудобства наш атаман. Любил он понуждать их на рукопашный бой, будто бы для своего развлечения. Кровушка молодецкая играла – покою не давала, силушку выплеснуть требовала. Ох и ловок он был в схватке, махая искрометной сабелькой. Там, где по ворогу пройдет, за ним остается проход, прорва. Татары о нем и говорили: прорва, а не человек!

А по-ихнему прорва – это ермак. Вот и прозвали его Ермаком. По той же причине и донской казак Петров стал Ермаком. Может быть, еще были Ермаки, которые лихо рубились, но нам они не встречались...

Татары тогда очень досадовать стали, что теряют власть над «полем», и начали засылать послов к нашему государю. Жаловались нечестивые, будто бы казаки хотят поссорить Орду с Русью, что оные самовольно занимают земли по Дону и грозятся Азову, что казаки волжские всякое вспоможение им оказывают и чинят разорения. Ну, а царь-батюшка, как всегда, отрекся от нас, обозвал «беглыми ворами» и дал совет послам – ловить и вешать удальцов. Мало того, поставил царь на всех переправах по Волге и на волоке караулы, а казачьему атаману Филимонову, который за жалование продался царю, наказал других казаков с Волги на Дон не пускать.

Со временем казаки собрали круг и казнили этого атамана, хотя и считался он героем по взятию Астрахани.

Когда перегородили для нас все пути-дороги, тогда-то мы и на Яик перебрались, оставив убежища на Хопре и Медведице. А

на Яике засеку сделали. Земли те далекие, пустынные, и убежать всегда можно в море Хвалынское.

В ту пору Ермаку двадцать семь годков минуло, как и государю Грозному, а от взятия Казани уже пять лет прошло. Молод был атаман, всего на два года старше тебя, Иван, а мудростью обладал такую, что любой царский воевода мог позавидовать. Привел-то он на Яик дружину в пятьсот душ, уподобленную воинскому полку. Разделен он был на сотни с сотниками, пятидесятниками и десятниками, как и ныне, с есаулами и трубачами. Большинство повольников не одно лето гуляло с Ермаком в «поле» и привыкло порядок блюсти, не обжиралось и не опивалось, принимало все строгости атамана, от коих одна польза была. Тех же гулебщиков, которых принимали в дружину, Ермак наушал, что не потерпит бражничества, буйства и укрытия добычи. А еще говорил им, что слава казачья не только в ратном удалстве и храбрости, но и в добродетели. Без нее, мол, сердце – что тупая сабля, а братство лишено единого духа. Кому не шли впрок эти мудрые слова, тех атаман изгонял. Не позволял он зазря обижать человека, удерживал кровушку проливать без нужды.

Погодя, когда к нам всякие ватаги прибежали и объявились лиходеи, которые не жаловали законы товарищества, бражничали без удержу, смутой занимались и свары затевали, то шибко осерчал на них Ермак. Собрал он атаманов и говорит:

– Расскажу я вам, братья, сказку одну, а вы послушайте да подумайте. По малолетству повезло мне сдружиться со стаею волчьей. Я их не трогал, и они меня терпели. Волки, родством связанные, всегда уважение к человеку проявляют и ходят в стороне от него. Попади к ним грудник человеческий, так волчица вскормит его молоком. Нападают на людей только те волки, которые в шайку собрались, когда их изгнала стая за нарушения ее законов. Видел я, как охоту ведут волки, как заботливы и уважительны к собратьям своим. Место у них одно определено, где пропитание добывать. Гонят там жертву с умом и голосом знаки друг другу подают. Одни сзади и с боков бегут, а другие впереди в засаде таятся. Когда они свалят зверя, то не бросаются враз рвать его на куски, а дожидаются – пока все не сойдутся. Но и тут не забывают волчицу и волчат, несут им долю. А главное – совсем рядом с местом охоты любая живность могла без страха потомство выращивать. Туда заходить запрет был, который волки себе установили. Разумеете, други, что даже у зверя законы есть и добродетель. Неужели мы, люди, дурнее? Не пора ли положить конец буйствам и сваре, а неумных отправить гулять с шакалами? Не поймать нам удачу без ума. Умный казак крепче дубового тына, а у дурака голова сама под саблю просится. Нам бы теперь не беса радовать, а думу думать: где до-

бычу искать, как хлебушек собрать в общий котел, как зиму осилить голодную. Идите и подумайте...

На другой день сошлись опять атаманы и говорят Ермаку:

– Крепко подумали мы сами над словами твоими и с повольниками беседы провели. Все признали правду твою, все наслышаны, что не одною силою, но и умом берешь ты верх над басурманами – а потому порешили избрать тебя головою над нами. Бери власть и команду, а мы будем следовать твоим приказам во благо товариществу.

С того часа по-иному дела пошли, всем Ермак дорогу нашел. Одних отправил к Бузану-острову, на протоку Ахтубу, чтобы по Волге купеческие ладьи ловить, других – две тысячи казаков – послал ногайские улусы устрашать, коней у них отбирать, на которых они ездят Русь грабить, главный их город Сарайчик захватить и добычу там богатую взять, освободив пленников и рабов, а сам, отобрав струги большие, способные одолевать волну морскую, поплыл в море синее к Матице-острову, мимо которого ходили на кораблях персы.

Как всегда, между Русью и восточными странами шла бойкая торговля. Товары везли и сухопутьем на верблюдах, и морем, а продажу и мену вели на Астраханском базаре. Из Бухары, Хивы и Ирана доставляли пряности и диковинные фрукты, шелковые ткани, парчи и ковры, жемчуг и драгоценные камни, золотые и серебряные изделия. А с Руси шли седла и уздечки, меха разные и моржовые клыки, холсты и сукна, кожа и одежда, воск и чистый мед в липовых бочонках. Купцы Строгановы возили еще соль и хлеб. Так что было чем поживиться ребятушкам, шарпая заморских и русских купцов. Одно было досадно – не возили оружие и железо. Не желал государь, о чем я уже сказал, чтобы иные страны, получив его, повернули против Руси. Оттого-то с тех времен и по сей день нехристи орудуют только луками со стрелами. Одни турки имеют пушечки огнестрельные и пищали, но и они отказывают в них Орде. Поэтому повольники могли себя обеспечить огневым стрельбищем, участвуя в войне или отбирая оружие у стражи русских купцов. В этом всегда усердствовал наш атаман, наделив каждого казака двумя пищалями.

Собрав за лето добычу на море и на Волге, казаки, переодеваясь в купцов, входили по реке Кутум в Астрахань, к базару, платили пошлину в государеву казну и без препятствий вели торг и мену.

Скоро дошли до нас слухи, что казаки с Дона и черкасы вместе с царскими воеводами побили крымцев, ходили морем на них и много русских полонян освободили. Они погромили турок, сожгли крепость Очаков, воевали крепость Ислам-Кармен, заняли

Черкасы и Канев. Но царь отказался принять эти города под свое покровительство, отозвал ратных людей и стал звать казаков на войну с Ливонией.

Если бы государь думал с полного ума, он бы добил крымцев и турок, чтобы снять угрозу с Руси и избавить народ от бед.

Как только ратные люди ушли, крымцы и азовцы стали громить станицы, убивали всех детей и немощных, а здоровых мужиков и девок продавали в рабство. Вольных же атаманов, попавших в их руки, предавали страшным пыткам и казням: живьем сдирали кожу, закапывали в землю и сажали на кол.

Очень гневался Ермак на государя и говорил: «Недобитые враги еще покажут свою месть не только всему Дону, но и всей Руси. Пора бы разуметь станичникам, что малыми ватагами не отстоять волюшку, что следует сбегаться в большое войско и вести свою войну за родимую землю, не надеясь на царя-иуду».

Сбылись слова велеречивого атамана. Вскоре Капудан-паша двинулся из Азова по Дону к Переволоке, желая вернуть Астрахань и захватить Волгу. Поплыли по реке каторги, а в них две с половиною тысячи гребцов-полонян. Там и греки, и венгры, и албанцы с молдаванами, и казаки рязанские, мешцерские да волжские. А по суше шло султанское войско из семнадцати тысяч всадников и сорока тысяч крымских татар. Как против такой силищи устоять? Убежали казаки с Дона, оставив там пустыню для врага.

В то лето на Яике собралось казаков семь тысяч. Стали атаманы совет держать. Предложили горячие головы Ермаку Тимофеичу, старейшине своему, покинуть края излюбленные, и говорят: «Стань в голове войска и уведи нас с Волги да Яика, где Орда Ногайская сговорила с султаном турецким извести казаков до единого. Давай позовем еще донских казаков и пойдем скопом воевать Персию. Тут избежим погибели, а там, быть может, отечество найдем».

Выслушал Ермак атаманов, подивился, и отвечает: «Когда приходит беда, то раскрывает глаза, а вас слепцами сделала. Как может дерево без корней жить? Как среди чужого языка, отделенные от Руси морем широким, мы сможем войско сберечь? Не будет там вольницы, а найдем един конец без славы. Другая думка у меня есть – чинить всякие неудобства султану. Пока стоит лето – будем палить огнем степи, чтобы басурманские кони прокорму не имели, будем на его пути уводить людей из деревень и угонять скотину, засыплем все колодцы песком, а ночами темными станем наносить удары скоротечные. Или мы, братцы, разучились бердышами и саблями урон наносить? Или пищали наши ржа съела? Не жить казакам без Волги, без Астрахани, и отдавать их нельзя. Кому смерть на бою не написана – того не убьют, а в животе Бог волен. Двум

смертям не бывать, а одной не миновать. Постараемся до зимы, а тогда и побегут басурманы от холода да голода».

Как говорил Ермак, так и вышло. В сентябре Капудан-паша стал строить лагерь осадный на Волге против Астрахани, а янычары взбунтовались с отказом зимовать. А на Царицыне острове у Переволоки объявился воевода – князь Петр Серебряный с ратью и донскими казаками, которые покинули свои станицы. Тогда турки, простояв десять дней, сожгли свой лагерь и бежали к Азову. Многие из них полегли в поле от голода и без воды.

Но эта беда, пережитая от недомыслия государя, была только началом бед. Хан Давлет-Гирей, собрав войско в сорок тысяч и призвав к себе отряды из Большой и Малой Ногайских Орд, напал на Москву и пожег ее всю, взорвав пороховые погреба под башнями Кремля. Наш царь Ивашка испугался и убежал в леса северные, а оттуда написал хану, что готов поступиться Астраханью в обмен на союз с Русью. Но, благодарение Богу, супостат отказал в союзе. Он уверовал, что сможет без всяких условий прибрать и Астрахань, и Казань, и Москву – и выдал загодя своим купцам грамоту с льготою торговли по всей Волге.

Как только наступило тяжкое время, государь перестал чинить неудобства казакам, снял все караулы по Волге и зазывал гулебщиков себе в помощь за жалование. Часть волжских атаманов польстилась на обещания царя, но Ермак, как всегда, не захотел идти в услужение злохитроственному и лживому тирану. Пользуясь случаем снискать милость царя, купцы Строгановы наняли за счет своей казны тысячу казаков и отправили их на Оку для защиты Москвы. Те же атаманы, что остались с Ермаком, продолжали войну с ногаями, наказывая их за вылазки на Русь, и при случае отбирали товары у купцов и послов. Помню, как мы напали на английские корабли близ Астрахани небольшим отрядом, в сто пятьдесят душ. Сначала стрельба шла с обеих сторон, а когда баграми зацепились и в их ладьи попрыгали, то тут враз казаки взяли верх. Хотя и потеряли мы четырнадцать человек убитыми и тридцать ранеными, но англичане ради спасения своих жизней отдали нам все корабли, все товары – сукна разноцветные, посуду оловянную и другое добро.

Царь гневался, что мы многие грабежи и убытки чинили его казне, и посылал малые отряды, чтобы нас унять. Но мы их прогоняли. Теперь же, когда бунтует черемиса, государь решил разделаться разом с нею и с нами. Потому и сидим мы теперь в этом курене...

Закончив столь длинное повествование, Савва сжал ладонями голову и сказал:

– Устал я, братцы. Где моя былая сила? Эх...

Учтиво поблагодарив старика, пообещав проявлять о нем заботу, Черкас и Брызга удалились. Они долго не могли уснуть, вспоминая события из сказки.

В это время Ермак провожал в дальний и опасный путь конные отряды Якова Михайлова и Грозы Ивановича.

ИГРЕК

Детектив

Я – Игрек, и этим все сказано. Конечно, кто понимает... Но таких среди людей нет. Моего покойного отца звали Зетом, а мать – она еще жива-здоровая – зовут Бетой. Ха-ха! Задача из трех неизвестных! Если не считать четвертого – моего деда. Он именовался Иксом и жил еще до Ветхого Завета. Благодаря ему-то знают латынь.

Наши настоящие имена никто никогда не знал. Чтобы не вызывать подозрений, каждый из нашего рода присваивал себе людское имя. Поэтому для всех я просто Игорь или Игорек. Мне нравится такое уменьшительное душевное обращение, оправданное моим покладистым характером и маленьким ростом. Я ведь выгляжу этаким юным простачком, лет шестнадцати от роду, хотя мне уже перевалило за третью сотню. Когда я хожу по городу, то ничем не отличаюсь от прохожих, которые и предположить не могли бы о моей действительной сущности. За пределами моего видимого существования есть нечто, о чем знают только родственники да кое-кто из знакомых, некогда умерших, с которыми я поддерживаю приятельские отношения. А живые об этом не знают.

Предание, изложенное мне некогда отцом, говорит, что наш род появился на Земле одновременно с древним человеком по воле Вселенского Разума, а не от каких-то там обезьян. Откуда было знать чудаку Дарвину, что люди – это особая независимая ветвь живого мира, а мы тем более. О каких обезьянах вообще может идти речь, если человек уже существовал задолго до их появления и жил в эпоху динозавров. Человечество развивалось на наших глазах, а мы оставались для него тайной, лишенные права вмеша-

ваться в повседневную жизнь, что, признаюсь, дается мне с большим трудом.

Отец говорил, что добро нужно беречь как зеницу ока. Но как это осуществлять, если нельзя вмешиваться и пресекать зло? Я понимаю, что вмешательством рискуешь обнаружить свои фантастические способности, из-за чего вынужден будешь скрыться. Мы и так каждые двадцать-тридцать лет меняем местожительство, чтобы не вызывать вопросов о нашем нестарении. Не станешь же объяснять людям, что Вселенной даровано нам жить в тысячу раз дольше, чем любому смертному. Знали бы люди, как надоедает такое долгожительство! Например, мой отец прожил около четырех тысяч лет и был очень доволен, когда отходил в мир иной. Мы ведь точно знаем, что он есть, а люди лишь веруют. В нашем роду живые и мертвые постоянно общаются на эфирном уровне, а похороненный прах является святыней, служит местом общения. Поэтому его нельзя развеивать по ветру. И все же мы со временем стареем. Подтверждением тому моя мать. Она показывала мне свое наскальное изображение на Тибете, сделанное отцом две тысячи лет назад, как раз накануне рождения Христа. Какая же она была красавица! Само совершенство! А что теперь? Сморщилась, усохла, но способностей своих не потеряла, летает со мною к могиле отца.

Его прах захоронен на другом конце континента, в одиннадцати тысячах километров от нашего теперешнего дома. Но разве можно убедить кого-либо, что это не препятствие, если есть потребность бывать там каждое утро?

Вернувшись с кладбища, я усаживаю мать в ее любимое кресло-качалку и ставлю перед нею ведерко с сухариками из ржаного хлеба, которые она, покачиваясь, грызет до следующего утра. Таким образом она восстанавливает силы и накапливает энергию мысли, необходимой для очередного полета к отцу. Все-таки возраст сказывается... Мне же намного проще: мой заряд почти неистощим. Могу в любой миг сделать несколько витков вокруг нашей матушки Земли. Скорость перемещения, конечно, невероятная (в людском понимании). Людям известны фотоны, расстояния во Вселенной до далеких звезд они измеряют световыми годами и считают скорость света пределом в природе. А на самом деле это не так. Флюиды мысли в бесконечное количество раз движутся быстрее света, обладают колоссальной энергетикой, способной сдвигать горы, а не только мелкие предметы, что общеизвестно. Или, скажем, некоторые люди могут взглядом вызывать возгорание, что вызывает изумление даже ученых мужей. Подобные феномены пока никто не может разгадать и объяснить. А для нашего рода любые чудеса не являются загадками, ведь мы, по сути своей, и есть загад-

ка. Вот с помощью флюидов мысли мы и перемещаемся в пространстве, не говоря обо всем остальном...

Я об этом говорю для того, чтобы внести ясность для понимания будто бы необъяснимого. А для кого говорю? Да так – сам себе. Поговорить-то о таком не с кем, да и нельзя. Сам с собою побалагуришь – и вроде бы на душе легче. Ха-ха! Вот сказанул-то про душу! Прямо по-людски. Кто поверит, что их по крайней мере две? Могу же я быть одновременно в двух местах? Еще как могу! Но делаю это только при крайней надобности. А обычно мне нравится тереться среди людей где-нибудь, особенно там, где живу. Привыкаешь как-то, обзаводишься знакомыми.

На улицу я люблю попадать через окно, хотя оно и находится на двенадцатом этаже. Так скорее, чем сбегать по лестнице или съезжать на лифте. Конечно, никто не замечает, как я появляюсь на тротуаре. Меня видят только тогда, когда хочу.

По улицам я прогуливаюсь просто так, чтобы убить время. При этом развлечение у меня одно – читать мысли встречных. Но, признаюсь, такое занятие быстро надоедает, становится скучно. В подавляющем большинстве мысли людей заняты бытовыми неурядицами, нуждами, проблемами на работе или подсчетом денег в своем кармане. Деньги, деньги, деньги... У кого их нет – думают, как выжить или как разбогатеть, а у кого много – как приумножить. Жажда к стяжательству разъедает души, порождает ауру бездуховности, ввергающую в лоно зла. Подобного рода субъекты вызывают у меня ломоту в суставах и желание ударить по темечку, чего не имею права себе позволить. Сразу замечу, что у меня очень чувствительная, жалостливая натура. Тяжело переношу чужие душевные муки. Это опасное качество и привело к тому, что я вмешался...

Все началось с того, что некий молодой человек с короткой стрижкой, модной для показа своей «крутизны» и принадлежности к бизнесу, выскочил из заглохшего «Мерседеса» и, пнув его ногой, торопливо прокурсировал мимо меня в сторону торгового центра.

От нечего делать, от того, что подсознательно ищу хоть что-то, чем мог бы себя развлечь, я последовал за ним.

Недалеко находилось кафе «Лакомка», куда и нырнул стриженный, скользнув взглядом по сторонам, словно опасаясь слезки. В глубине зала, за столиком в нише, его дожидался человек кавказской национальности с тонкими усиками, облаченный в элегантный костюм. Несмотря на зашторенные окна, кавказец был в темных очках, что не мешало разглядеть небольшой шрам, рассекающий левую бровь. Стол, за которым он сидел, стоял впритык к стене, с тремя стульями для посетителей. Мой «клиент» сел к нему лицом, а я занял свободный стул у торца.

В ожидании встречи кавказец не терял времени даром, прихлебывая из пузатенького бокала белое сухое вино. Но в первую очередь мое внимание привлекла розетка с черной икрой – аж слюнки потекли. Пользуясь тем, что оба молодца сосредоточенно разглядывают друг друга, я влез в розетку пальцем, сунул его в рот и сладостно чмокнул. Это вызвало удивление и настороженность при сем присутствующих, так как вблизи – никого, а я, естественно, был невидим.

– Что это? – спросил стриженный.

– Похоже на щелчок подслушивающего устройства, – ответил кавказец.

Он бросил на стол деньги, дал знак рукой, и они вышли из кафе, прихватив с собою начатую бутылку вина. Я мигом схватил розетку с икрой, слизнул языком все содержимое и последовал за ними.

Я очень люблю бульвары. Они словно оазисы в сутолоке городских дорог, дающие тень и прохладу в знойные дни, оснащенные удобными скамейками. На одну из них мы и уселись. Теперь, чтобы их не спугнуть, я старался не чмокать, продолжая облизывать губы, и не ерзать подошвами по асфальту, побалтывая ногами. Дурацкая привычка. Это оттого, что я больше люблю левитировать, чем ходить.

Кавказец, оглядевшись, отхлебнул из бутылки, протянул ее собеседнику и спросил:

– Чем могу быть полезен?

Стриженный заерзал ягодицами по скамейке, скривил лицо жалкой улыбкой и выдавил из себя:

– Вы же сами знаете чем.

– Тогда к делу: кого и за сколько?

– Двух тысяч баксов хватит?

– Меньше чем за пять я вообще не берусь за работу. Все зависит от того, кем является объект, и от сложности предстоящей операции.

– Сложности никакой не будет. Я сам укажу вам место и время.

– Этого недостаточно. Я профессионал и не могу допустить, чтобы из-за вас вляпаться в дерьмо. Или вы выкладываете все обстоятельства дела, или на этом прекращаем переговоры и разбегаемся.

– Хорошо, – согласился стриженный, обливаясь потом, – будь по-вашему... Нужно убрать Гришку Мещерского, тренера по восточным дракам...

– Искусствам, – поправил кавказец.

– Точно. Так вот... Я задолжал ему солидную сумму баксов, которую отдать не могу.

– Почему?

– Мне нужно рассчитаться с тамбовской группировкой, под контролем которой я нахожусь.

Кавказец присвистнул.

– Тогда следует обратиться к ним, – заключил он. – Чего доброго – ты еще столкнешь меня с ними, и начнутся разборки.

– Им такое дело поручать опасно, могут облажаться. Да и менты давно их вычисляют.

Помолчав, поразмышляв, кавказец спросил:

– Кто знает о твоём долге Мещерскому? И, кстати, как тебя зовут?

– Зови Толиком. А тебя как величать?

– Асланом.

– Очень приятно...

Я аж сплюнул в сердцах, чем чуть не обнаружил себя: так на меня подействовала вежливость иуды. А Толик продолжал:

– Кроме жены Гришки, никто ничего не знает. А в городе ее сейчас нет, отдыхает у родни в деревне. Так что самый удобный момент...

– Не скажи... Менты сразу ее разыщут, и ты окажешься на подозрении. Так рисковать я не могу. Нужно убирать и ее. Такой контракт тебе обойдется в десять тысяч баксов.

– Ладушки, – скиснув, согласился Толик и вытащил из кармана конверт. – Тут их пять, а остальное после результата. Что-нибудь еще?

– Адресочки.

– Ах, да... – Толик достал записную книжку, вырвал листочек и застрочил по нему подрагивающей авторучкой.

Я запомнил адреса, которые он написал, и нарочно громко скрипнул зубами за их спинами. Поторопился, конечно, но страсть как захотелось чем-нибудь насолить этим ублюдкам.

Они нервно завертели головами. Стриженный Толик соскочил с лавки, словно ему в задницу вонзился гвоздь, заглянул за ближайšie кусты, недоуменно развел руками и сказал:

– Никого нет.

– А у меня такое ощущение, что кто-то нас пасет, – злобно произнес кавказец, – и в кафе, и здесь... Видимо, пора разбежаться. Если можешь, узнай о планах объекта на ближайшие пару дней и позвони на мой сотовый.

Они покинули скамейку и разошлись в разные стороны.

Я, не медля, крутанулся волчком, создав вихрь из тротуарного мусора, и, разделив свою сущность на два тела, поспешил за каждым заговорщиком в отдельности.

Возле машины Толик потоптался в раздумье и решил, что есть удобный повод встретиться с Мещерским теперь же, не откладывая на потом. Он позвонил ему и попросил о помощи.

Мещерский подъехал минут через пятнадцать, облапил приятеля-иуду, быстро нашел и устранил неисправность автомобиля. Перешагнув через низкую чугунную оградку, похожую на кладбищенскую, они расположились на лавочке, чтобы поболтать. Везет же мне сегодня на лавочки! Лучше бы они в кафе пошли и заказали черную икру.

Понравился мне Мещерский, этакий здоровяк-добряк, искренне рад встрече, широко улыбается. А его друг-змееныш льстит:

– Вижу, Гриня, что ты, как всегда, в форме. Все так же по графику живешь?

– Неизменно! Но с завтрашнего дня график на время отменяется. Собираюсь махнуть в деревню к жене и дочурке. Соскучился. Да и тестю надо помочь подшаманить хибару. Вот только нужными деньгами не располагаю для покупки строительных материалов. Но на подарки должно хватить.

Эх, давно я не сталкивался с подобной скромностью и тактичностью! Стыдится свое попросить.

Толику, видимо, и нужно было, чтобы разговор зашел о деньгах. Уголки его губ скривились книзу, выразив удивление.

– Какие проблемы?! – воскликнул он артистически правдиво. – Через пару дней я могу вернуть тебе добрую половину долга, а к отъезду твоему не поспеть.

– О, тогда я подожду! – обрадовался Мещерский.

– Вот и ладненько, – удовлетворенно заключил Толик. – Давай назначим время и место встречи. Скажем, в среду, в десять вечера у твоего подъезда. Зайти к тебе время не позволит. Ха! У меня тоже график! Так я мимоходом. Годится?

– Вполне.

– Тогда до встречи. Рад был повидаться. Спасибо за ремонт тачки, и, извини, отваливаю. Запарка в делах.

Толик дождался отъезда Мещерского, затем водрузил свое полноватое тело в автомобиль и стал названивать по сотовому телефону.

Ну, а я, естественно, уже успел юркнуть вовнутрь «мерса» и расположиться на заднем сидении.

Между тем, я одновременно тащился по улице за кавказцем, который шел не спеша, наслаждаясь собственным достоинством. Когда затринькал его сотовый, он, не меняя шага, выслушал информацию Толика и посоветовал, чтобы тот весь вечер в среду был на людях для алиби, если вдруг таковое потребуется.

Вскоре мы вошли в подъезд старинного дома, поднялись до четвертого этажа на лифте, таком же допотопном, как теперь – паровоз, и очутились в шикарном хороме. Тот, кто завладел бывшей обшарпанной коммуналкой, славно постарался, произведя в ней евроремонт. Огромная гостиная с высокими потолками была обставлена первоклассной мебелью с удобными диванами и креслами, в которых восседали черноволосые господа. Один из них, постарше и поважнее, смахивал на главаря. Когда мы вошли, он стряхнул с сигареты пепел в позолоченную пепельницу и спросил:

– Ну и как, Князь?

– Контракт на десять тысяч баксов.

Важняк презрительно усмехнулся и сказал:

– С паршивого русского барана – хоть шерсти клок.

Признаюсь, меня это даже обидело. Успел-таки я обрусеть, хотя не имею какой-либо национальности. Так... так... Значит, я попал прямехонько в логово банды. Аслан – он же и Князь. А тем двоим, которые сидят на диване, можно не раздумывая свои клички приклеить. У одного мордочка узенькая, хищненькая – это лис. У другого до неприличия скулы выпирают – настоящий мордovorot. Так и буду их звать.

– Хи-хи-хи, – захихикал Лис на реплику Важняка. – А кто тот барашек, из которого сделаем шашлык?

– Это не барашек, а боец! – отрезал Князь. – Его не взять голыми руками. У него черный пояс.

– Хотелось бы посмотреть на этот пояс, – осклабился Мордovorot. – Авось мне достанется. Бери меня на дело, Князь. Вдруг пригожусь.

– И меня с глазочком без промаха. Для подстраховки.

– Бери, бери их, – поддержал Важняк, – не скупись в дележе зелененьких. Нам не нужна осечка.

– Осечки не будет, – заверил Князь, – не в первый раз – в первый класс. А помощь мне нужна, так как следует убрать и жену объекта, чтобы концы в воду.

Мордovorot снова осклабился. Ну и противная у него улыбка-чивая рожа!

– А смогу я перед этим с ней побаловаться в мужнином пояске? – спросил он и осекся...

Осекся он неспроста. Из-под его усов, похожих на половую швабру, торчала дымящаяся сигарета, которую я выбил классическим щелчком. Сигарета взлетела к потолку и, описав дугу, угодила на шевелюру Важняка.

Важняк разъярился, стряхнул сигарету на пол, выхватил пистолет из тумбочки и крикнул:

– Застрелю как шакала!

– Успокойся, – осадил его Князь, – он тут ни при чем.

– Как это? Не сама же сигарета полетела?

– Сама, сама, – растерянно пробормотал Мордоворот, взмокнув.

– Кто-то нас пасет, – пояснил Князь. – Но не менты. Это уже третий загадочный случай с утра. Не могу объяснить происходящего, но, думаю, это вмешиваются тамбовцы, под контролем которых находится заказчик. Возможно, у них имеется какая-то техническая новинка с дистанционным управлением.

Важняк сунул пистолет обратно в тумбочку и сказал:

– Может быть, стоит отказаться от контракта? Пусть тамбовцы сами разбираются со своим подопечным.

– Не могу согласиться, – возразил Князь. – Я не хочу терять частного заработка. А если возникнут претензии тамбовцев, то переадресуем их к заказчику.

Важняк подумал и согласился:

– Аллах с тобой, действуй. Постарайся разузнать, кто нас пасет. Нужно исключить загадочные случаи...

После этой фразы у него от изумления отвисла челюсть, так как я ему прямо в ухо шепнул:

– Будут еще случаи, будут.

Полюбовавшись произведенным эффектом, я развлек бандитскую компашку небольшой сценкой полтергейста с летанием предметов, после чего с грохотом распахнул окно и вылетел на улицу. Хотелось мне так их припугнуть, чтобы они отказались от своей затеи. Но ничего из этого не вышло.

Расставшись с кавказцами и Толиком, которого проводил до квартиры, я соединил свои тела, сделался видимым и отправился в спортивный клуб к Мещерскому. Нашел я его в раздевалке, где он облачался в синий спортивный костюм. На меня он посмотрел с удивлением, что вполне объяснимо. Я никак не походил на человека его среды. Я был на голову ниже ростом, щупловат и бледнолиц, словно меня только что извлекли из могилы. Единственное, что скрашивало мои натурные недостатки, – это вполне приличный костюмчик, белоснежные манжеты рубашки, торчащие из рукавов пиджака, и старомодные янтарные запонки. На моей голове была надета ажурная летняя кепочка, сквозь дырочки которой торчал ежик волос. Видимо, именно это вызвало улыбку на его губах, и он с сомнением спросил:

– Вы ко мне?

– К вам.

– Вам нужна моя помощь?

– Напротив. Это вы нуждаетесь в помощи.

Мещерский добродушно улыбнулся.

– Ну, хватит меня разыгрывать. Выкладывайте, зачем пришли. Мне показалось, что он излишне самонадеян, и захотелось его немножечко проучить. Для его же пользы. Поэтому я сказал:

– Вы привыкли, наверное, что в городе не имеете достойного противника, а это приводит к потере бдительности. Вы считаете, что и врагов у вас нет? Так ведь?

Смутившись, Мещерский признался:

– Похоже. Но не затем же вы здесь, чтобы стать моим наставником?

– В какой-то мере и для того. Например, хотите убедиться, что внешность бывает обманчива, а жизнь полна сюрпризов?

– Вы меня заинтриговали!

– Тогда дайте мне правую руку.

Мещерский недоверчиво рассмеялся, но руку все-таки протянул. В одно мгновение я приклеился ладонью к его ладонище и крутанул чемпиона над своей головой так, что довел его до состояния невесомости, после чего сбавил обороты и водрузил на то же место.

Пошатываясь, Мещерский с трудом произнес:

– Что это было? Это вы меня так?

– Разве тут еще кто-то есть?

– Поразительно! Вы демон?

– Нет. Но кое-что умею.

Мещерский был в недоумении. Теперь он смотрел на меня без улыбки и уважительно. Его взгляд выражал неподдельный интерес и вопрос. Словом, я добился, чтобы он отнесся серьезно к тому, что скажу.

– Я здесь затем, чтобы предостеречь. На вас готовится покушение.

Мещерский задумался и пожал плечами.

– Не вижу мотива.

– А вы поразмыслите. Мотив весьма распространенный в наши дни. Я бы сказал: даже банальный. Главное – будьте осмотрительны при входе в подъезд своего дома.

Мещерский нахмурил брови и на мгновение прикрыл глаза, проведя рукою по лбу. Я воспользовался этим и исчез. Я был уверен, что теперь мой подопечный позаботится о своей безопасности. А что касается его жены, то тут сам попрепятствую убийству.

Теперь, предупредив Мещерского, зная место и время преступления, имея в запасе целых три дня, я решил слетать в деревню. Нужно было не только изучить местность, куда могут нагрянуть непрошенные «гости», но и поглазеть на ее обитателей.

Вспомнив, что Мещерский говорил о подарках, я прихватил с собой летнюю соломенную шляпку с большими полями для его

жены, а для девочки – мягкую игрушку, зайца с огромными ушами. Почему-то у меня особое пристрастие к этим безобидным ушастикам. Когда наступает весенний паводок, я бросаю все дела и занимаюсь их спасением.

Перед родственниками Мещерского я появился в том же обличьи, что и в спортклубе, вызвав безобидные улыбки.

– Это от Григория, – соврал я, протягивая подарки.

Подаркам они обрадовались. Девочка прижала к груди зайца и пролепетала:

– Какой он мягкий, приятный. Я буду с ним спать.

Глядя на это невинное пятилетнее создание, я сразу нарек ее Ангелочком. Хрупкая, сероглазенькая, с золотистыми кудряшками, она вызывала невольное восхищение и умиление. У меня даже скатилась по щеке слеза, когда я подумал, что она может стать сиротой.

– Вы чем-то расстроены? – участливо спросила жена Мещерского. – Быть может, что-то с Гришенькой случилось?

Ее добрые глаза выразили тревогу, чуткое сердце почувствовало неладное. Но я не мог сказать всей правды и поспешил ее успокоить:

– Нет-нет, через три дня ваш супруг будет здесь. Толик пообещал вернуть долг, и поэтому Григорий задерживается.

– Этот Толик – скользкий тип. Не верю я ему. А деньги нам очень нужны для ремонта дома.

– Я это знаю и постараюсь помочь Григорию получить их.

– Дай Бог, дай Бог... Я вашего имени не знаю.

– Все Игорьком зовут.

– А я Анна, а дочурка – Яночка. Вот и познакомились. Вы, наверное, добрый человек и хороший друг. Почему я раньше о вас ничего не слышала от мужа?

– Мы недавно с ним встретились.

– Тогда тем более трогает ваше участие в наших житейских делах. Но...

Она взглянула на ручные часики и добавила:

– Однако, одними соловьиными песнями сыт не будешь. Сейчас время обеда, и мы дружно отправимся есть вареники с клубникой.

Это было как нельзя кстати, так как в моем желудке назревал голодный бунт. Вареники, да еще с подливкой из той же клубники – несказанная вкуснятина! Я съел их до неприличия много, дюжины две, глотая и похваливая, на что матушка Анны поощрительно приговаривала:

– Ешьте, ешьте, не стесняйтесь. В вашем возрасте все любят сладкое! Вообще вас не мешало бы недельки две попить парным

молоком и подкормить. Вы такой худенький, совсем ребенок. Поживите у нас.

Ее предложение растрогало меня. Хорошие люди, дружная семья. Если бы не городские дела, в их же интересах, то и раздумывать было бы нечего. Я отказался от лестного приглашения и согласился только на короткую прогулку с тестем Мещерского за деревенскую околицу, что входило в мои планы. По пути он показал мне свое картофельное поле, подвел к большой каменюке, которая, очевидно, покоилась тут со времен ледникового периода, и пожаловался на неудобства при обработке земли техникой.

– Лежать бы ей в лесополосе – никому не мешала бы, – сказал он. – Тяжела эта штука. Ничем не взять. Разве взорвать?

Я ничего не ответил, а когда он повернулся спиной, попробовал толкнуть каменюку – и сдвинул с места. Плевое дело. Не так уж она тяжела.

Вернувшись домой, мы попили душистого чая из трав, после чего я распрощался с приветливым семейством, пообещав их навещать.

Но прежде чем вернуться в город, я слетал на поле и перенес в лесок злополучный камешек. То-то удивятся его исчезновению!

После чистого деревенского воздуха город пахнул мне в лицо гаревой духотой, испортив хорошее настроение. Захотелось не только поглазеть, какие сети плетет Князь, но и чем-нибудь напакостить ему. К моменту моего прибытия он освежался под душем, напевая какую-то песенку на своем языке. По ней я и вычислил его место пребывания. Жил он в гостинице среднего пошиба, но в люксе. Я сразу обратил внимание на два конверта, лежащих на письменном столе. В каждом из них было по тысяче баксов, доля сообщникам. Проверка карманов пиджака Князя выявила остальные три тысячи. Естественно, я все денежки тут же экспроприировал в пользу семьи Мещерского, а в карман и конвертики всунул чистые листы бумаги с надписями крупными буквами: «Привет из Тамбова!»

Минуту спустя, бодрый и веселый, Князь вышел из ванны, перепоясанный махровым полотенцем. Не успел он натянуть штаны, как в дверь постучали. Стукнули три раза с интервалами. Наверняка условный знак о приходе своих, так как Князь без раздумий открыл замок и впустил посетителей. Это были уже знакомые мне Мордovorот и Лис.

Лис сразу же прошел к круглому столу, который стоял в центре комнаты под хрустальной люстрой, открыл дипломат и достал две бутылки сухого вина. Свою речь он начал с хихиканья:

– Хи-хи-хи, будем обмывать авансик. Не возражаешь, Князь?

– Дело привычное, – ответил Князь, надевая майку с изображением горного пика. – Я приготовил конверты. В каждом по тысяче баксов.

Лис просеменил по паркету и, хихикая, преподнес один из них Мордовороту, предварительно артистически обнюхав оба конверта. Затем произошло то, что я с нетерпением ожидал: лица подручников Князя изменились так, что Лис стал больше походить на муравьеда, которого хватил шок, а Мордоворот побагровел и угрожающе спросил:

– Это что – шутка?

Князь метнулся к своему пиджаку, обнаружил вместо баксов аналогичное приветствие – и, со злостью скомкав листик, швырнул его под ноги.

– Поехали к Хозяину, – сказал он, – нужно разрубить этот тамбовский узел!

Удовлетворенный смятением бандитов и желая преподнести им что-нибудь «на сладкое», я подлетел к люстре и подзинькал хрусталиками. Права, наверное, матушка Анны, назвав меня ребенком. Так и хочется пошалить. И это в мои-то триста лет!

В апартаментах Хозяина, нареченного мною Важняком, царила атмосфера мрачных раздумий и догадок. Сам он был крайне раздражен и бросал упреки:

– Я же говорил, что контракт мизерный и не стоит того риска, на который пошли. Из-за каких-то десяти тысяч можем вляпаться, если дело дойдет до разборки и зашустрят менты. Зря ты втянул нас в это, Князь. Скоро прибудет товар, его предстоит реализовать и затем закупить оружие, пока не сгорел наш человек на оружейном заводе. Вот чем следует заниматься и к чему готовиться.

– Нужно срочно организовать встречу с тамбовцами, – настаивал Князь.

– Я и сам знаю, что нужно. Ты влип, а расхлебывать мне.

Важняк позвонил по известному ему одному телефону и договорился о контакте.

– Через час в парке, у аттракционов, – буркнул он недовольно.

Наконец я почувствовал себя человеком, купив билет на колесо обозрения. Покатаюсь, поболтаю с кем-нибудь, а свое не упущу. Я и с верхотуры услышу их переговоры. Вначале у аттракционов появились кавказцы: Важняк, Князь и Мордоворот. Пришли они раньше назначенного времени, желая, видимо, осмотреться и подстраховаться. Недаром же Лис притаился за ближайшими кустами. Лис – хиляк, но стрелок отменный, если не хвастанул тогда в апартаментах Важняка. Потому и послали его в засаду со стволом. Он там дергается, нервничает, крутит головой, высматри-

вая тамбовцев. А вот и их тройка пожаловала. Идут треугольником, как тевтонские громилы-рыцари, хотя по разболтанной походочке видно сразу, что это братья-славяне.

К моему разочарованию, встреча враждующих сторон протекала вполне интеллигентно. Важняк, без всяких обиняков, протянул мои листочки с приветствиями, на что получил вразумительный ответ:

– Мы в детские игры не играем. Если вас кто-то и пасет, то это шутники, пацаны какие-нибудь.

– Возможно, – согласился Важняк, – но нам эти бумажки подсунули взамен пяти штук зелененьких. Кто-то хочет столкнуть нас лбами. Кто бы это мог быть?

– Сразу не сообразишь. Подумать надо.

Тут Важняк решился на откровенность.

– Для прояснения дела скажу все без утайки. Мои джигиты заключили контракт на ликвидацию, а потом выяснилось, что заказчик под вашим контролем. Не он ли сам затеял игру?

Главарь тамбовцев насторожился.

– Как его зовут? – спросил он, недовольно скривив рот.

– Какой-то Толик.

– Ага, знаю гаденыша. Хитер, но против меня не попрет. Наверное, он сделал заказ ради каких-то больших бабок, чтобы со мною рассчитаться. Срок подходит. Я с ним разберусь, а вы выполняйте заказ. Мы вмешиваться не будем, но поищем провокатора. Свое с Толика берите сполна, пусть компенсирует украденное.

К сожалению, мои надежды не оправдались, так как заказ остался в силе. И все же Толику предстоит пройти не очень приятное дознание. Это немного утешало.

Вдруг от внутренней неудовлетворенности я почувствовал усталость, захотелось домой к маме, и я слетел с колесика.

Дома было все по-прежнему: мама покачивалась в кресле-качалке и грызла сухарики. Я чмокнул ее в щечку и юркнул в постель. Перед тем как уснуть, я люблю пофилософствовать. Последнее время мне не дает покоя цифра 7. Сама по себе она означает тайну, как и единица. Почему как единица? Объяснение простое. Возьмем ряд из первых четырех цифр: 1, 2, 3, 4. Их сумма равна 10, но так как нуля в природе не существует, то этот ряд равен 1. А что по своему содержанию представляет ряд? Конечно, не что иное, как координаты четырехмерного пространства, то есть Вселенной. Вывод один – всем миром управляет единица. В этом ее тайна, суть сути, наивысший порядок, неподвластный объяснению, духовное начало всех начал. Собственно говоря, семерка – это тоже единица. Например, звуковая октава есть единица, содержащая в себе семь нот, луч света – тоже единица, но

семицветная, один виток Луны вокруг Земли имеет четыре цикла по семь земных суток, и так далее. Семерка всегда была в поле видимости, лежала как бы на поверхности, олицетворяя природные явления, и потому стала священной цифрой, основой религиозных верований, библейской аксиомой – типа «семь смертных грехов», определением семи чудес света, родительницей пословиц и поговорок: «семь бед – один ответ», «один с сошкой, а семеро с ложкой», и так далее. Нет сомнения, что без этой цифры люди не смогли бы познать многие законы природы.

Однако когда я говорю, что цифра 7 не дает мне покоя, то имею в виду нечто индивидуальное. Я считаю, что семерка – это основа к познанию самого себя. Удивительно, что люди, достигшие многих высот познания мира, остаются зацикленными на мнении о существовании только пяти органов чувств, когда их обязательно должно быть семь, как и основных органов в оболочке человека. Зная о способности мозга управлять восприятиями зрения, слуха, вкуса, обоняния и осязания, люди, доктора наук, не могут приблизиться к догадке о том, что в их собственной голове ютятся еще два процессора восприятия и воспроизводства, которые на порядок выше известных пяти. А я вот догадался, но могу поделиться этим только сам с собою. Ха-ха!

Эта невидимая двоечка, в отличие от ушей и носа, наверняка упряталась где-то в подкорковом веществе и вызывает изумление честного люда в виде так называемых феноменов. Всевидящие, телепаты, вызывающие взглядом возгорание, разгоняющие ладонью облака или лечащие ею, в глазах толпы идентифицируются с колдунами и чародеями. На самом деле они обыкновенные люди, в которых невидимая двоечка получила развитие, а в подавляющем большинстве она пребывает в состоянии зародыша. Почему такая несоразмерность возможностей? А потому, по самой простой причине, что человечество, за исключением отдельных личностей, предпочитает быть рабом страстей, удовлетворяющим физиологические потребности. Ущербность общества целиком зависит от уровня духовности. Только воля, направленная на укрощение низменных желаний, и духовное совершенство могут наделить индивидуума всеми семью возможностями, то есть еще двумя.

Умение читать мысли, что мне свойственно, – это и есть элемент телепатии. Мозг любого человека, независимо от его желания, работает как радиопередатчик, а быть приемником его волн не каждому дано. Последнее относится и к телевидению, которое люди нарекли ясновидением. Ясновидение – это свойство видеть с закрытыми глазами, при помощи так называемого третьего глаза, обладающего неограниченными возможностями: видеть случайные образы во время обычного сна, видеть вполне определенные обра-

зы во время гипнотического сна и видеть желаемое по самопринуждению. Это третье свойство принято считать феноменом, хотя в нем нет ничего необычного, и оно является для меня средством обычного пользования или неожиданного Откровения, приводящего извне.

Вроде сам себе все растолковал, разложил по полочкам, а вот не могу успокоиться: моя суть явно выскакивает за пределы семейной. Видимо, еще какую-то циферку не раскусил.

Для меня, например, не составляет труда переход в состояние невидимости. Это очень просто, если умеешь влиять на свою ауру. Всякому школьнику известно, что видимость и невидимость предмета зависит от того, насколько он поглощает или отражает световые волны. Я в своей ауре, словно в коконе, энергетику которого изменяю по собственному усмотрению. Любой предмет или живое существо, попавшие в сферу моей автономии, тоже становятся невидимыми. Но пользуюсь я этим спонтанно, еще не разгадав цифрового значения.

Такая же загвоздка у меня и с разгадкой летательной способности, хотя точно знаю ее первоисточник. Я использую применительно к себе физическую сущность, присущую всей Вселенной. Все ее безграничное пространство насыщено волнами вибрации звездных систем и галактик, превращающими эфир в некую купель с плавающими объектами, которые, несмотря на свои огромные массы, уподобляются пушинкам, несущимся в вихрях по заданным направлениям. Вселенная как бы постоянно пребывает сама в себе и вне себя самой, обеспечивая тем собственное существование. Если бы не было никакого препятствия внутри и воздействия извне, то все небесные тела, в силу своего взаимного притяжения, упали бы друг на друга. Примером тому служит известное всем «яблоко Ньютона», упавшее на землю с дерева. А вот если бы это яблочко было окутано антигравитационным облачком, то оно бы не упало, а просто-напросто парило бы в воздухе.

Уразумев подобную возможность, переняв опыт родителей и сделав некоторые коррективы, я быстро научился в раннем возрасте приводить в состояние высокочастотной вибрации свою ауру, ограждающую меня от любых внешних воздействий, сделав тем самым мой «кокон» непроницаемым, а себя невесомым. А что касается быстроты перемещения и его направленности – так это дело элементарной техники. Тут-то я и использую флюиды мысли, концентрируя их в мощный телекинетический поток, подобный двигателю ракеты. Как принято говорить в народе: «все проще пареной репы». Кстати, репу я люблю.

Но до циферки я и тут не могу докопаться. Быть может, это единичка – Божья частичка? Сама в себе и вне себя самой? Нужно думать и думать...

Тут я уснул, и передо мною вдруг, без всякого повода, открылся астральный план. Недремлющий третий глаз преподнес пренеприятнейшее видение: мертвого Мещерского. Я сразу проснулся и с нетерпением стал дожидаться утра, прикидывая варианты возможной беды. Настроение было отвратительным, но традиционный полет к праху отца оказал благотворное влияние. Я успокоился и решил проверить – принял ли Мещерский меры предосторожности?

Мой подопечный оказался не простачком. Сделав преднамеренный крюк по проходным дворам, он легко выявил слежку, которую осуществлял Лис. Убедившись таким образом в правоте моего предостережения, Мещерский стал вести наблюдение из окна своей квартиры за внутренним двориком – и снова обнаружил тщедушную фигуру, которая следовала за ним по улицам.

Я ни на минуту не покидал Мещерского, восхищаясь его дальнейшей тактикой, приводящей Лиса в недоумение и заставляющей его без толку маяться под сводом арки в то время, пока его наблюдаемый проводил занятия в зале для тренировок. А трюк был очень прост. Мещерский покидал квартиру и возвращался в нее через подъезд, который находился в соседнем дворике, переходя по чердаку. У меня появилась уверенность, что в час предполагаемой встречи с Толиком Мещерский обнаружит засаду и сумеет за себя постоять. Эта излишняя уверенность притупила мою бдительность, я допустил роковую ошибку, не разузнав планы Князя, я не додумался до того, что Мещерский будет взят под двойной прицел...

В назначенный день и час Мещерскому предстояло выйти из квартиры и спуститься к выходу, что он и сделал, проявляя необходимую осторожность. Заметив в затемненных углах одного из этажей две притаившиеся фигуры, он побежал вверх, зная, что против огнестрельного оружия бессилён даже черный пояс.

Проявив необычную прыть, один из убийц стал настигать жертву. Я узнал в нем Мордоворота, хотя его лицо скрывала маска. Он собирался уже выстрелить, как вдруг Мещерский развернулся и прыгнул ему навстречу, произведя двойной классический удар правой ногой. Первым ударом он выбил пистолет из руки, готовой уже нажать на спусковой крючок, а вторым – угодил бандиту в ухо. Мордоворот кубарем скатился по ступенькам и сбил с ног Князя, который, однако, из лежачего положения умудрился опустошить всю обойму своего оружия. Не знаю – попал бы он в Мещерского? Тот ведь дергался из стороны в сторону, чтобы уберечься от пуль.

Наверное, умел это делать. Но я не был уверен и потому поймал все пульки и положил себе в карман.

Мещерский, не торопясь, подошел к Мордовороту, который был еще в отрубке, подобрал пистолет и направился к Князю. Тот, словно парализованный, не пытаясь даже встать, с мистическим ужасом смотрел на неуязвимого человека, а когда тот приблизился, бросил свой ствол ему под ноги.

Держа в каждой руке по пистолету, Мещерский вышел во дворик, осмотрелся, видимо, выискивая Толика, но, не обнаружив его, направился в сторону арки, ведущей на улицу. И тут, метрах в двадцати от него, в темноте арки вспыхнул огонек, и раздался негромкий хлопок. Мещерский, как бы удивившись, приостановился, отступил на шаг назад и грохнулся спиной наземь.

Чувство отчаянья захлестнуло меня. Не уберег я, не уберег хорошего человека! С какими глазами после этого я появлюсь перед его женою и дочуркой?

Пока я горевал, сидя на асфальте рядом с мертвым Мещерским, мимо пробежали Мордоворот и Князь, мельком взглянув на труп и похвалив Лиса. Я слышал, как хлопнули дверки автомашины, которая тут же унеслась в лабиринты городских улиц. Пусть покатаются... Теперь они мои враги – и им не уйти от возмездия.

Не прошло и десяти минут, как во двор влетела «Скорая помощь» и милицейская машина. Врач осмотрел потерпевшего и констатировал смерть. Еще бы! Уже астральное тело покинуло Мещерского, зависнув над местом происшествия, и наблюдало за происходящим. Я окликнул его и посоветовал не забираться слишком высоко, так как в ближайшее время прибуду в гости для делового разговора. В ответ Мещерский грустно улыбнулся и мгновенно вознесся в поднебесье.

Между тем, у трупа шла обычная милицейская суета. Работали криминалисты и фотограф, следователь вел по горячим следам опрос жильцов дома, которые высыпали во дворик. Кроме любопытствующих, смачно ругающих силовые структуры и правительство за беспредел, нашлось и несколько свидетелей. Одни слышали стрельбу на лестнице, другие видели из окон главное – сцену убийства. Лысоватый мужчина средних лет, расталкивая толпу зрителей, говорил:

– Это я вызвал милицию, это я... Пропустите.

В результате следователь собрал немало ценных сведений для поиска преступников. Но сумеет ли он их найти? В это мне не верилось, а потому возник вопрос – как предотвратить второе убийство?

Я понимал, что теперь безопасность жены Мещерского целиком зависит от моей сообразительности и полноты информации о

планах кавказцев. Но начинать нужно с Толика, без которого они не обойдутся. Поэтому я не стал терять драгоценное время и полетел к нему.

Толик, нервничая, ходил по комнате из угла в угол с бутылкой водки в руке. Временами, отхлебывая из горлышка, он бросал взгляд на телефон и скверно ругался. Мысли его были сумбурны, прыгали в голове, как блохи. Он уже знал о похищении денег из конвертиков и подложенных листках вместо баксов, вспоминал угрозы Князя и обещание довести дело до конца. Судя по позднему времени, событие уже должно было состояться, но телефон почему-то молчал.

Когда, наконец, раздался звонок и Толик услышал голос Князя, он тут же попросил его перезвонить на сотовый, который имел у него защиту от подслушивания.

Князь сказал:

– Ну и хлопот доставил твой объект, прежде чем превратиться в клиента морга. Но это половина дела. Теперь слушай внимательно и запоминай. Придумай заранее какую-нибудь вескую причину для посещения объекта и раненько утром отправляйся на его хату. Громко потарабань в дверь, чтобы привлечь внимание соседей, а когда они высунутся из своих щелей и сообщат о случившемся, то сделай вид, что потрясен потерей друга, и постарайся разузнать, какой они владеют информацией. Главное – есть ли свидетели и что известно ментам? После этого телеграфируй в деревню о гибели объекта. Остальное – уже мое дело. Еще советую: как можно скорее рассчитайся с тамбовцами, иначе тебе крышка. Когда надо будет встретиться, я позвоню, а всю информацию передашь мне по телефону.

Подслушав указания Князя Толику, имея горький опыт, я дал себе слово: не допускать больше ошибок, держать ухо востро и быть всегда на несколько шагов впереди кавказцев. Прежде всего нельзя было допустить приезда в город Анны, жены Мещерского.

План у меня созрел мгновенно, и я полетел в милицию, где в цокольном этаже находился морг. Несмотря на то, что близилась полночь, кое-какие окна здания были освещены, и я позаглядывал в них, просто так, из любопытства. В одном из помещений, видимо, очень добросовестный работник просматривал какие-то дела, в другом – трое парней в штатской одежде «сообразили на троих» и покатывались от хохота, рассказывая анекдоты, в третьем я увидел знакомую мне фигуру следователя и, наверное, его начальника, с которым шло обсуждение убийства Мещерского. Такого счастливого случая я, конечно, не мог пропустить и проник в комнату.

Следователь излагал свои соображения следующим образом:

– Пока определенной версии у меня нет, так как неясен мотив преступления. Если это всего-навсего месть кавказцев, то тогда он им где-то здорово насолил. Но где и как? Ответ нужно искать. Если это заказное убийство, то за что? Опрос жильцов дома в плане этих версий ничего не дал. Возможно, что-нибудь выяснится из беседы с родственниками.

Начальник прервал его:

– А ну-ка, Саня, пробежимся еще раз по фактам, согласно последовательности событий, которые ты установил.

– Можно и в последовательности... Где-то около двадцати двух часов двое жильцов из разных квартир слышали шум на лестнице: топот и признаки борьбы, а затем – непрерывную серию приглушенных выстрелов. Осмотр места этого происшествия показал, что один из преступников получил серьезную травму, оставив следы крови на ступеньках и стене. Пистолет с глушителем, в котором сохранилась полная обойма, наверняка принадлежал ему. Значит, все выстрелы произвел второй бандит, что и подтверждается найденными гильзами. Однако ни одной пули, ни следов от пуль не обнаружено. Вывод как бы напрашивается один – киллер стрелял холостыми патронами. Его пистолет также перешел в руки Мещерского, как и другой, с полной обоймой. С ними он, цел и невредим, вышел из подъезда и направился в сторону арки, но, не доходя до нее двадцати метров, был убит одним выстрелом в сердце, предположительно из снайперской винтовки. Вслед за этим те двое выскочили из подъезда, пробежали мимо жертвы и скрылись на автомашине. Марка ее неизвестна, так как она находилась вне видимости жильцов. И еще такой нюанс: несколько жильцов утверждают, что убийство – дело рук кавказцев, поскольку последние два-три дня натыкались в районе своего дома на одного и того же человека, называя его чеченцем. Пока все, – подытожил следователь.

Слушая как бы рассеянно, начальник рассматривал пистолеты и гильзы, разложенные по пакетам, а когда следователь умолк, сказал:

– Не думаю я, что пушечка без пуль была. Узнать бы только, куда они подевались, не сразив Мещерского?

Следователь изменился в лице, словно получил пощечину.

– Что вы этим хотите сказать, товарищ полковник? – спросил он с обидой в голосе.

– Это замечание не на твой счет, успокойся. Я одного не могу понять – зачем было пугать Мещерского, смертельно рискуя при этом, а потом убивать? К чему такая сложность? Выстрел во дворе, я уверен, страховочный вариант. Кто-то помешал киллеру осуществить убийство на лестнице. Быть может, пульки в окно вылетели? Или что-то в этом роде.

Я был в восторге. Молодец полковник! Так и подмывало достать из кармана пули, выложить на столе и сказать: да вот же они! Еле удержался – еще не ко времени.

– Если вы правы, – сказал следователь, – то это какая-то мистика. Я там осмотрел и обнюхал каждый сантиметр. Надеюсь, что в ходе расследования сниму вопросы. Утром я отправлюсь в деревню, поставлю в известность родственников Мещерского о происшедшем, задам кое-какие вопросы и привезу вдову на опознание трупа.

Услышав последнее, я вторично убедился в правильности принятого мною решения: немедленно выкрасть Мещерского из морга и транспортировать в деревню. С этим никаких проблем я не испытывал. Просто-напросто вытащил усопшего из ячейки и прибрал под покров своей ауры, сделав невидимым и невесомым, после чего взял его под мышку, как куклу, и полетел.

Вполне естественно, что я оказался в деревне задолго до поступления телеграммы от Толика и приезда следователя. Еще и рассвет не наступил, а я уже подготовил Мещерского к трагической встрече с родными: уложил на лавку, разгладил складки на костюме, подложил под голову соломки и причесал. Что мог, то и сделал. Потом решил подождать восхода солнышка: не так уж мрачно будет выглядеть покойник. Не думал я, что так трудно быть источником плохой вести. Тянул, тянул время – и наконец решился, постучал в дверь.

Позевывая, вышла мать Анны. Она не удивилась и коротко сказала:

– А, это ты? Проходи, сынок.

Мы вошли в гостиную, где уже горел свет. Из спальни появилась Анна, протирая платочком глаза.

– Опять послание от Гриши? – спросила она.

– Что-то вроде этого, – промямлил я и положил на стол пачку долларов, изъятых у Князя.

– Деньги – хорошая штука, но мы ждем Гришу, – сказала Анна.

– Гриша уже здесь, – произнес я почти шепотом.

– Здесь?! – она от радости всплеснула руками. – Он захотел меня разыграть?

– Его убили кавказцы, – с трудом выдохнул я.

– Что значит – убили? Вы же сказали, что он здесь!

– Да, да... Я уложил его на лавочку у ограды.

Анна и мать выбежали во двор и разразились воплями скорби. Мне нужно было исчезнуть, и я исчез, оставаясь неподалеку.

Эх, как горестно было смотреть на происходящее! Но чем я мог помочь? Даже при сверхъестественных возможностях творить чудеса я не обладал способностью оживления мертвых. Оставалось

одно – вернуть на время бесплотного Мещерского на землю, чтобы он защитил родных и покарал убийц. И делать это нужно как можно скорее, до того, как астральное тело начнет преобразовываться в эфирную субстанцию.

Опасение опоздать подхлестнуло меня, и я взвился в поднебесье.

Откровенно говоря, околоземное пространство вызывает тошноту. Там настоящий вертеп всякого сброда, которому закрыт доступ в верхние уровни космоса, куда могут вознестись только души, не обремененные тяжкими грехами. Я надеялся, что Мещерский не забыл моего обещания навестить его и не стал забираться слишком высоко, ожидая встречи как бы у самых ворот в сферу преобразования.

Попав на самый низкий уровень, я, на всякий случай, осмотрелся. Мещерского здесь не было, да и сомнительно, чтобы тут он захотел задержаться. Меня окутывало подобие тумана, состоящего из болотно-оранжевой слизи и пены, заполненной бесчисленной толпой мерзких тварей, похожих на трепещущие лоскутья тряпичного рванья и лопающиеся гнойные пузыри. Во всей этой массе происходило непонятное копошение, похожее на конвульсии, раздавалось жуткое хихиканье, стоны и истеричные взвизгивания, металась сгустки зеленоватых теней, которые превращались в облака плесени и тут же рассеивались в черноте.

В этом плотном надземном слое с характерными признаками ада пребывали души убийц и насильников, сексуальных маньяков и наркоманов и прочей нечисти, желающих перевести самих себя в осуществленное земное бытие, завладев для этого телами безобидных растяп.

Над ними витали световые смерчи, сверкающие серебристыми нитями, стремящиеся оторгнуть от себя нижнее пространство, из которого им вслед раздавалось угрожающее клецанье и протягивались змеевидные конечности, похожие на щупальца осьминогов. Промежутки между ними занимали обнаженные нервные потоки, рождающие цветные видения и светящиеся спирали, внутри которых я узнавал многие картины земной жизни, словно воспроизводимые киноплёнкой на экране эфира.

Попав на следующий уровень, я оказался среди разобренных серебристых эфирных тел, блистающих ослепительным светом, затмевающим мерцание звезд, которые пребывали в постоянном стремительном движении, словно радуясь окружающей прозрачности и чистоте. По едва уловимым признакам здесь обнаруживались и слабые энергетические формы убитых животных, неспособных сопротивляться магнетизму черных дыр, втягивающих их в свои мощные сопла, предназначение которых остается загадкой. Возможно,

они являются космическими агрегатами по утилизации энергетических отходов, а быть может, это всего-навсего транспортные средства, уносящие слабых и незащищенных во вселенские питомники благоденствия. Но души людские, способные сопротивляться силам космических воронок неизвестности и стремящиеся попасть в радужные и блистающие высоты известного мира вечного бытия, носились словно косяки чешуйчатых зеркальных рыбок, ожидая, когда над ними взломается панцирь небосвода.

Здесь мне и следовало искать Мещерского. В разных местах этой сферы виднелись астральные тела, не успевшие еще преобразиться в эфирную форму и сохранившие контуры своего земного существования. Обшарив довольно обширную область космического пространства, почти потеряв надежду на удачу в поиске, я вдруг заметил одинокую печальную фигуру небесного странника, угадав в ней Мещерского. Он сразу узнал меня, метнулся навстречу и стал расспрашивать о последующих событиях после его смерти.

Я обрисовал картину в самых мрачных тонах и сказал, что кавказцы собираются убить Анну. Поэтому, если в радужных небесах ему не стала безразлична судьба близких, то следует немедленно вернуться на землю и принять необходимые меры их защиты.

Мещерский задумался. Он явно колебался под влиянием одухотворенности внеземного бытия. Утратив ощущения телесных связей с живым миром, он, как и большинство раскрепощенных душ, был более склонен принять родных в обитель блаженства, начиная считать смерть началом безмятежного счастья.

Необходимо было слегка надавить на него, и я сказал:

– Ты никогда не обретешь покоя, растворившись в вечности, если откажешься от земной миссии, предначертанной Богом. Ты обязан стать карающим мечом в его руках.

Мои слова возымели действие: Мещерский признал необходимость противостояния злу. Научить же его тонкостям общения с живыми и умению материализоваться не составляло труда, так как энергетика его астрала была достаточно высока.

Когда на землю опустились сумерки, небо прочертили две падающие звезды – я и Мещерский. Мы упали прямо на деревенский дворик, недалеко от известной лавочки, на которой сидели заплаканная Анна и уже знакомый мне следователь. Мы застали только часть их беседы. В этот момент Анна рассказывала:

– Первый раз человек в кепочке появился три дня назад, привез подарки от Гриши. Он совсем молоденький, смешной и никак не похож на убийцу. Я даже сказала бы, что от него веет добротой. А сегодня на рассвете он появился вторично, привез мертвого Гришу и отдал мне его деньги.

– Гм-м... а он не говорил, как доставил его сюда?

– А я не спрашивала, сразу выбежала во двор. Потом же Игорька уже не было.

– Я понимаю ваше состояние, Анна, – сочувственно сказал следователь, – но, чтобы найти убийц, важна всякая деталь. Этот Игорек может оказаться или соучастником преступления, или свидетелем. Его нужно обязательно найти. Дело в том, что ночью, часа через два-три после убийства, тело вашего мужа было каким-то таинственным образом похищено из морга и в невероятно короткий срок доставлено к вам. Практически сделать это было невозможно без вертолета. Но вы и все деревенские жители утверждаете, что вертолета не видели. Так?

– Так. Я вам уже рассказала все, что знаю, и убеждена относительно порядочности Игорька. Он даже деньги не присвоил, а вы его подозреваете.

Мне было очень приятно, что Анна не сомневается в моем дружеском участии. Мещерский тоже выказал свою благодарность пожатием руки.

Между тем, следователь дотошно стремился выудить как можно больше информации.

– Опишите мне поподробнее вашего загадочного посетителя, – попросил он.

– Пожалуйста. Вид у него очень примечательный, даже старомодный. Юноши его возраста одеваются совсем по-другому. Ростика он небольшого, мне по плечо, худенький, лет шестнадцати-семнадцати, а одет как одевались взрослые пятьдесят лет назад. На нем серый двубортный, элегантный костюмчик, белоснежная рубашка с длинными рукавами и манжетами, которые скреплены янтарными запонками. Носит он ажурную летнюю кепочку, сквозь дырочки которой ежиком торчат волосы, что делает его немного смешным. Глаза у него добрые, и не просто голубые, а как бы излучающие небесную синеву. В них есть что-то магическое, завораживающее. Вроде бы все...

– Да-а, личность неординарная, судя по вашему описанию, – сказал следователь, – попробуем разыскать его.

Эх, этого мне только не хватало! Вот и вмешался! Но отступить теперь нельзя, пусть ищут невидимое.

– А могли быть враги у вашего мужа? – спросил следователь.

– Враги? – удивилась Анна. – Не думаю, чтобы они были. Зла он никому не причинял, а на добро был даже излишне горазд. Как говорят, последнюю рубашку мог снять и отдать.

– Может быть, у него была крупная сумма денег?

Анна изменилась в лице, вспомнив причину задержки Мещерского в городе.

– Возможно, возможно, – произнесла она с дрожью в голосе. – Неужели убили из-за денег?

Следователь встrepенулся.

– Так-так! Расскажите об этом. Что за деньги?

– Наверное, вчера ему вернул долг Толик, его приятель еще со школьной скамьи. Сумма значительная, так как мы продали двухкомнатную квартиру. Это было год назад, когда плата за коммунальные услуги подскочила чуть ли не вдвое. После женитьбы мы поселились в моей квартире, а его пустовала. Тут Толик стал наседать на Гришу: продай да продай, а деньги вложи в дело, в мою фирму, а через год получишь уже хорошие дивиденды. Гриша его послушался, продал квартиру, а деньги отдал Толику. Видимо, часть этих денег, пять тысяч долларов, Игорек и привез, так как других денег у Гриши не могло быть. Теперь я вообще ничего не понимаю... Хотя, быть может, передав пять тысяч, он собирался положить на счет в банке остальную сумму. Так ведь?

– Возможно, – сказал следователь. – У вас есть координаты Толика?

– Нет, но есть телеграмма от него. По ней можно его найти?

– Можно. Где телеграмма?

Анна вытащила из кармана халатика телеграмму и отдала следователю.

На этом дознание завершилось. Следователь вдруг заторопился, почуяв след, поблагодарил Анну за полезные сведения, пожелал крепиться, пообещал побывать на похоронах и укатил в город на уазике, который дожидался его за воротами.

Я вспомнил, что начальник называл его Саней, и сказал вслед: – Действуй, Саня! Ты на верном пути.

Анна покинула скамеечку, тихо рыдая, и пошла к дому. Мещерский рванулся в ее сторону, желая утешить, но я удержал его. Зачем травмировать психику родных, усугубляя травму душевную?

Как бы и мне ни хотелось остаться рядом с горемыками, но неотложность дел призывала нас в город. В то же время возникал вопрос: а не едут ли уже сюда кавказцы? Анна ведь не прореагировала на телеграмму, а им концы надо прятать в воду. Пришлось мне пустить в работу третий глаз, хотя это отнимает больше энергии, чем полет к могиле отца. Но раз надо – так надо.

Я ввел себя в транс – и тут же успокоился, вернулся в обычное состояние. Я увидел всех кавказцев в креслах у Важняка. Теперь-то нельзя было терять времени, и я, схватив за руку Мещерского, мигом пронзил пространство от деревни до знакомых апартаментов.

Мы явились к завершающему этапу обсуждения ситуации по интересующему нас вопросу. Важняк подводил итоги.

– Раз она не приехала – значит, что-то не сработало, – рассуждал он. – То ли заказчик оплошал, то ли на почте запозднились с отправкой телеграммы, то ли нас опередили менты. Хуже всего – последнее. Выход один: берите мой джип и дуйте в деревню. Сейчас нашим союзником является ночь. Воспользуйтесь этим, чтобы еще раз не засветиться. Достаточно того, что ваша работа привлекла свидетелей, которые опознали людей кавказской национальности.

Князь почувствовал себя уязвленным и, скривив губы, сказал:

– Показания свидетелей предположительны, а не утвердительны. Это дает шанс отвести подозрения от нас. Мой план таков: мы похищаем мадам и замуровываем ее в таком месте, в котором никто и никогда не найдет, а в деревне подбрасываем бумажку с приветом от тамбовцев.

У Важняка от удивления челюсть отвисла.

– Не понял, – сказал он, – зачем нам война с тамбовцами?

– Никакой войны не будет, – ухмыльнулся Князь. – Тамбовцы уже согласились, что кто-то вбивает между нами клинья, и не станут предъявлять претензий. Ну, а менты ухватятся за новую версию. Таким способом мы отведем следствие в другое русло, уберем со своей дорожки конкурентов и завершим исполнение по контракту, вынудив затем заказчика на компенсацию потери и дополнительную выплату за физический и моральный ущерб.

Важняк расхохотался и, смахивая со щеки слезу, сказал:

– Ну ты и завернул, Князь! Ну и хитер! Аллах с тобой, действуй. Только опять не проколись.

– Хи-хи-хи, – прохихикал Лис.

Мещерский крепко сжал мое плечо и шепнул:

– Какая гнида этот червяк! Сегодня же рассчитаюсь с ним.

Пока джип ехал, я и Мещерский парили над ним, а когда прибыли на место, то опустили на грешную землю. Местечко было превосходное: лесок, полянка, поросшая цветами, широкая прогалина, ведущая к полю, над которым сияла полная луна. А до деревушки – рукой подать.

Бандиты посовещались и решили, что Лис остается у машины, а Князь и Мордovorот осуществляют похищение.

Когда они подошли к концу прогалины, их силуэты четко обозначились на фоне лунного небосвода, словно движущиеся фигурки в стрелковом тире. Мещерский удовлетворенно хмыкнул и материализовался во всей своей могучей красе перед хлюпким Лисом.

– Ну что, убивец, не хочешь ли стрельнуть? – вкрадчиво спросил Мещерский.

Лис онемел от страха и стал заглатывать воздух, как рыба на берегу. Казалось, вот-вот он упадет в обморок. Но громовой голос заставил его встряхнуться и устоять на ногах:

– Бери свою винтовку, гаденыш, и сшиби одну из фигурок! А если промахнешься, то сверну шею. Понял?

– Понял. Какую сшибать?

– Любую. Ну!

Лис прицелился. Винтовка прыгала в его дрожащих руках, но выстрел оказался метким. Та фигурка, которая была покрупнее, упала. Другая фигурка наклонилась над ней, потом выпрямилась и зигзагами побежала обратно к машине. Мещерский тут же растворился в воздухе.

С перекошенным от злости лицом Князь подскочил к Лису.

– Ты стрелял?

– Я... я... меня заставил покойник.

– У тебя что – крыша поехала?! – удивился Князь.

Он водил дулом пистолета у носа Лиса, раздумывая, как поступить. Если пристрелить, то кто потом поверит необычной истории с покойником? К тому же на него повесят убийство двух подельников. Здравый рассудок взял верх, и Князь приказал:

– Сядешь за руль и поедем к Хозяину. Пусть он решает твою судьбу. Но сначала спрячем труп.

Продолжая держать оружие наготове, Князь пропустил вперед Лиса, опасаясь подставлять спину, и они пошли по прогалине к месту, где лежал убитый.

Меня вдруг осенила заманчивая идея... Увлекая за собою Мещерского, я опередил бандитов и завладел трупом Мордоворота. Некоторое время мы висели над лесочком, наблюдая, как Лис и Князь обшаривают просеку и кусты, удивляясь исчезновению приятеля.

– Наверное, он убежал, – высказал предположение Лис. – Слава Аллаху, что я промахнулся.

– Может быть, и Мещерского ты только слегка ранил? Иначе как бы он здесь появился? Что-то зачастились у нас промахи. До сего времени не могу понять: как я умудрился промазать на лестнице? А ты проверь свою винтовку – не сбит ли прицел?

Упоминание о винтовке было кстати. Я сразу же подумал, что ее следует забрать, и послал за нею Мещерского, а Князь продолжал рассуждать:

– Каким-то образом наш план стал известен покойничку, и он подстерег нас здесь. Возможно, что и Магомета он уволок и наблюдает сейчас за нами. Лучше всего нам смыться, а разбираться будем утром. Все равно в темноте ничего не найдем. Если Магомет жив, то и сам заявится.

Прекратив безуспешные поиски, Лис и Князь укатили в город. Мы тоже отправились туда. По пути я поделился с Мещерским своей задумкой, чем очень его развеселил.

Во двореике, куда мы опустились, еще сохранился меловой контур лежащего тут накануне Мещерского. Моя идея заключалась в том, чтобы в этом контуре теперь побывал Мордоворот. Тогда все поймут, что возмездие неизбежно.

Положив соответствующим образом убиенного и водрузив ему на грудь винтовку – орудие убийства, мы позаботились и о том, чтобы привлечь внимание жильцов к нашей выходке. Для этого Мещерский на несколько секунд материализовался и зычно крикнул:

– Э-ге-гей!

Вполне естественно, что любознательных оказалось немало, и в милицию понеслись тревожные телефонные звонки, после чего нам осталось только наблюдать за развитием событий.

Как и в прошлую ночь, из подъезда высыпало человек тридцать, а затем, одна за другой, подкатили три милицейские автомашины. Среди приехавших был и известный нам следователь Саня. Видок у него усталый, но резвости не поубавилось, дотошно стал опрашивать свидетелей, которые показали, что видели убитого вчера Мещерского и с ним какого-то пацана в кепочке.

Вот тебе и на! Как же это я опростоволосился? Увлёкся, значит, потерял бдительность и в какой-то миг проявился. Да ладно, что случилось – того уже не исправить. Слетаю потом и послушаю, как Саня преподнесет новую загадочку начальству. Не добрались бы они только до моей квартиры и матушку не расстроили бы.

Когда закончились все дела во двореике, Мордоворота увезли в морг, а Саня, как я и предполагал, поехал в милицию. Мы последовали за ним, отодвинув кавказцев на второй план, так как они еще в дороге.

Полковник сочувственно посмотрел на усталого и взволнованного следователя, который нервными движениями перебирал листки своей записной книжки.

– Что, Саня, запутанная история? – спросил он.

– Хуже, чем запутанная, – удрученно произнес следователь. – Я даже сказал бы: сплошная мистика. Ничего не понимаю и потерял способность соображать.

– Это от переутомления, – сказал полковник. – Давай разложим все факты по полочкам.

– Хотелось бы, но не знаю, как их разложить. Во-первых, во всей этой истории фигурирует какой-то подросток в кепочке. Судя по показаниям жены Мещерского, это он доставил труп в деревню. На похищение из морга и доставку ушло не более трех часов.

Невероятно, но факт! А самое поразительное, что час назад жильцы дома видели этого пацана в компании с самим Мещерским, то есть с живым покойником, у трупа кавказца, положенного на то же место, где вчера лежал убитый Мещерский. Абракадабра какая-то! Какая-то массовая галлюцинация. Но ведь кто-то притащил во дворик кавказца и положил ему на грудь винтовку?

Полковник был озадачен. Он прикрыл глаза ладонью и после минутного молчания сказал:

– Жди, Саня, еще два трупа. Это минимум.

Мещерский шепнул мне на ухо:

– Скоро мы доставим им это удовольствие.

– Может быть, и три трупа, – сказал следователь. – Я установил, что у Мещерского был должник. Сумма денег довольно крупная.

– Эге! Обнаружился мотив?

– Надеюсь. Собираюсь утром допросить должника.

Полковник вышел из-за стола и зашагал по кабинету.

– Так-так, – потирая руки, сказал он, – ситуация такова, что нельзя терять и минуты, нельзя допустить, чтобы остыл след, то есть не откладывая на завтра то, что нужно сделать сегодня. Ты, Саня, понял меня?

– Даже очень. Но если моя жена выставит за дверь чемоданы с моими вещами, то прошу найти местечко в общежитии для вашего непутевого работника.

– Не волнуйся, коечку устрою. А если серьезно, то я готов сейчас же позвонить твоей супруге. Вот что, Саня, собирай в управление всех, кто нам нужен. Пусть проверят винтовку и прогонят по компьютеру пальцы кавказца. За должником Мещерского немедленно отправь наряд. Будем допрашивать его вместе. Да, и не забудь дать ориентировку на розыск загадочной фигуры в кепочке.

Теперь можно было отлучиться на время, навестить кавказцев, а потом уже поприсутствовать на допросе.

К Важняку мы попали на самый конец разборки. Он страшно ругался, предрекал крах их организации, если не принять экстренные меры. Главной из них он называл ликвидацию заказчика. Лис был похож на побитого щенка, а Князь пытался еще хорохориться.

– С ликвидацией нужно подождать день-два, – сказал он. – Сначала я припугну его, получу деньги и заставлю все разузнать о Мещерском. Пусть сам пойдет в милицию на опознание трупа, разыграет там горькие переживания от потери друга и прочее. Раз Мещерский остался живым, так и Толику нечего бояться. Все равно ментам должно быть уже известно о его утреннем визите. В результате у нас появится план действий.

– Ты уверен, что он не расколется? – спросил Важняк.

– Уверен. У ментов нет никаких доказательств о его причастности к покушению.

– Это обнадеживает. Утром повстречайся с Толиком и запрограммируй его как следует. И найдите-ка мне Магомета, живым или мертвым.

Делать тут больше было нечего, и мы вернулись в милицию.

В кабинет полковника ввели Толика. Он держался уверенно, и только капельки пота на лбу выдавали его волнение.

– Присаживайтесь, – сказал следователь, указав на стул с торца стола-приставки. – Мы побеспокоили вас, чтобы задать несколько вопросов по поводу убийства Мещерского. Есть ли у вас какое-либо объяснение случившегося?

Толик пожал плечами, вытащил из кармана носовой платок и промокнул лоб.

– Лично для меня – это загадка. Не могу сказать, чтобы у него были враги. Я был потрясен известием о его смерти.

– Когда и каким образом вы узнали об этом?

– Утром я заехал к нему домой, и соседи мне все рассказали.

– Зачем вы к нему приезжали?

– Я ему должен деньги и хотел отдать часть долга, так как он собрался поехать в деревню к родным и попросил меня об этом. Узнав, что он погиб, я дал телеграмму его жене.

Полковник и следователь переглянулись. Их взгляды говорили, что все сходится и что подозреваемый, возможно, чист. Или он слишком хитер? Интуиция им подсказывала последнее.

– Добре, – сказал полковник, – спустимся на минутку в морг. Толика всего передернуло от этих слов.

– Что, боитесь покойников? – спросил следователь.

– Очень, – сознался Толик.

В морге их ожидал патологоанатом. Он подвел пришедших к одному из столов и откинул покрывало. Толик в страхе отшатнулся.

– Кто это? – спросил он.

– Вам незнаком этот человек? Посмотрите внимательнее.

– И смотреть нечего: в первый раз вижу. Я думал, что покажете Мещерского, а тут какой-то кавказец.

– Нет Мещерского. Исчез. А два часа назад его будто бы видели у трупа этого кавказца. Вам ни о чем это не говорит?

Толик безумным взглядом обводил окружающих его людей.

– Вы шутите? Да? Или Мещерский жив?

– А вы будто не рады этому?

– Я совсем сбит с толку и не понимаю, что происходит. Если мой друг жив, то слава Богу, а если вы меня обманываете – то это кощунство.

Какой подлец-молодец! И тут выкрутился. Но это до поры до времени. Обречен Толик, обречен...

– Ну, ладно, – сказал полковник, – на сегодня все. Можете отправляться домой. А из города никуда не уезжайте, еще понадобится.

Когда Толик ушел, полковник спросил:

– Что скажешь, Саня? Попали мы в точку или нет?

– Это предстоит выяснить. Приставлю я к нему человечка, на всякий случай, а потом и выводы сделаем.

Я был уверен, что Толик не замедлит позвонить Князю, и не ошибся. Пройдя пару кварталов, он свернул к безлюдному скверу и стал названивать по сотовому.

– Прокололся ты, Аслан, – зло сказал Толик, когда абонент ответил. – Мещерского в морге нет, а есть кавказец. Не твой ли человек? Менты говорят, что только два часа назад подобрали его в известном тебе дворике, где жильцы видели рядом с ним живого Мещерского. Что скажешь?

– Скажу, что не верю в оживление покойников, а человек в морге, может быть, мой. Тебя допрашивали?

– Допрашивали, но я выкрутился. Против меня у них ничего нет. Что будем делать теперь?

– Нужно собрать побольше информации, а это сможешь сделать только ты. Возьми какую-то сумму денег и отвези ее в деревню. Там разведешь обстановку, после чего и решим наши проблемы. Во всяком случае, поездкой с деньгами ты снимешь с себя любые подозрения, а значит – не расколешься. Иначе, Толик, не жить тебе. Так что раскошеливайся и делай так, как я тебе говорю.

– Ты прокололся, а я виноват?

– Ты у меня всегда будешь виноват. Из-за тебя мой друг погиб.

– Иди ты к дьяволу! Вернись из деревни и позвоню. Пока!

Толик уже жалел, что связался с кавказцами. Он стал обдумывать варианты избавления от них. Самым надежным ему представлялся вариант искать защиты у тамбовцев. Для этого нужно досрочно с ними расплатиться и покаяться, что обратился к кавказцам. Успокоив себя этой мыслью, он все же решил сначала съездить в деревню. Ему самому теперь очень были нужны достоверные сведения.

Вернувшись домой, Толик опустил на окна шторы, взял из кладовки отвертку и прошел на кухню. Там, откатив в сторонку холодильник, он отвернул четыре бронзовых шурупа, снял одну из пластиковых стеновых панелей, за которой прятался сейф, и взял из него пять тысяч российских рублей.

Было уже поздно, около полуночи, но перед тем как отправиться домой, я решил еще раз заглянуть в милицию. Там уже завершилась экстренная работа, и люди покидали кабинеты, в окнах гасли огни. Но в кабинете начальства свет продолжал гореть. Полковник и следователь подводили итоги по данным экспертов.

– Теперь нам известно, – говорил полковник, – что убитый кавказец – это Магомет Эльмурзаев, бандит из бывшей группировки Радуева, за которым числится много преступлений. На него был объявлен розыск еще четыре года назад. Его появление в нашем городе дает основание предполагать присутствие тут и соответствующей компании. То, что это один из убийц Мещерского, у меня не вызывает сомнений, и потому двое других, участвующих в покушении, наверняка его старинные дружки. Согласен?

– Думаю, что это наиболее реальная версия, и я даже готов назвать его подельников, – заявил следователь.

– Ну-ну, и кто же?

– Снайпер Аласханов, отпечатки пальцев которого обнаружены на подброшенной нам винтовке, а также Наурбиев Аслан, профессиональный киллер. Скорее всего, именно он возглавлял операцию. Одного не могу понять: почему эта парочка убрала Эльмурзаева? Ведь убит он из винтовки Аслаханова, как и Мещерский.

– Странно... довольно странно, – согласился полковник. – Очередная загадка. Интересно, кто следующий кандидат в покойники?

– Вы считаете, что это произойдет?

– Интуиция, Саня, интуиция. Все не так просто. Ситуация складывается неординарная. Кто-то начал мстить за Мещерского. Не тот ли человек в кепочке? А быть может, сам Мещерский?

Следователь от изумления даже рот открыл.

– Вы верите в сверхъестественное, товарищ полковник?

– Не знаю, не знаю... Однако, как говорят, утро вечера мудренее. А теперь пора топтать до хаты.

Я согласился с высказыванием относительно мудрости утра, и пригласил Мещерского в гости на ночевку. Маменька встретила его приветливо, выразила сочувствие и предложила провести ночь на диване, на котором он и просидел до восхода солнца.

Самым важным делом нового дня было для нас сопровождение Толика в деревню и наблюдение там за всем происходящим. Отправился он не на автомобиле, а на пригородном поезде, прихватив пару бутылок коньяка и всякую деликатесную снедь.

Время в пути занимало более двух часов, которые казались Толику нескончаемыми. Он томился, нервничал, начинал читать газету и тут же бросал ее, направляя взгляд в окно. Целый ворох вопросов не давал ему покоя. Почему Анна не отреагировала на

его телеграмму? Быть может, Мещерский жив и находится там, в кругу семьи? Или он еще в городе? Ведь видели его накануне вечером у трупа кавказца. Какую игру затеяли менты, говоря об исчезновении Мещерского из морга? Измучившись, он вдруг пришел к спасительной мысли – снять напряжение, расслабиться. Для этого он раскупорил одну из бутылок и сделал несколько глотков из горлышка.

Был уже полдень, когда поезд прибыл в назначенный пункт. Толик, как оказалось, хорошо ориентировался в выборе тропинок и улочек, ведущих к дому Мещерских. Но двери дома были на замке, и подслеповатый старичок из соседнего двора объяснил, что хоронят Григория. А спешка такая потому, что стоит жара и появился дурной запах от покойника.

На кладбище Толик поспел к тому моменту, когда гроб уже находился в могиле и его забрасывали землей. Рядом, словно окаменелое изваяние, стояла Анна, глядя на проворное мелькание лопат.

После похорон весь люд отправился на поминки. На полпути Анна заметила Толика, и в ее глазах промелькнуло выражение неприязни. Однако она подозвала его и, выслушав слова соболезнования, сказала:

– Я не верю ни одному твоему слову, так называемый друг детства. Где ты был, когда убивали Гришу? Ведь это из-за тебя он остался в городе.

Толик был обескуражен, но тревогу свою скрыл и как бы с обидою спросил:

– Почему из-за меня?

– А потому, что ты задержал его отъезд, пообещав вернуть долг. Ну и что – успел вернуть? Тут побывал следователь, который очень заинтересовался твоей персоной. Я ему и телеграммку твою отдала.

Толик побледнел, но вслед за тем его бросило в жар. Откуда Анне стало известно о его разговоре с Мещерским? И вообще: что она наплела тут следователю?

– Так это следователь привез Григория? – спросил он.

– Нет, не он. Нашелся настоящий друг, который сделал это.

– Что за друг? Я его знаю?

– Да вот же он! – воскликнула Анна, увидев меня.

Я специально сделался видимым и постарался попасть ей на глаза. Хотелось показать, что мне небезразлично происшедшее, да и подмывало вывести из равновесия Толика, хотя он и так был на грани.

Он с интересом, оценивающе разглядывал меня, не понимая, каким образом я мог оказаться в друзьях у Мещерских.

Это правда, что вы привезли сюда Григория? – недоверчиво спросил он.

– Ох, как нехорошо, – сказал я, погрозив ему пальчиком.

– Что именно?

– Не верить Анне, горем убитой. Я его и выкрал, и привез.

– Выкрали?!

– Угу! Не мог же я допустить, чтобы ваша телеграммка свою роль сыграла.

– О какой роли вы говорите?

– А вы и сами знаете, – сказал я и подмигнул.

Толик растерялся. Его напугала моя осведомленность. Чтобы не дать ему опомниться, я небрежно бросил:

– Зря вы послали к черту Асланчика. Кавказцы такого не прощают.

Это был низвергающий удар. Толик отшатнулся, глядя на меня со страхом.

– Да кто вы такой, чтобы шантажировать своими выдумками? – выпалил он со злостью.

– Я – ангел-хранитель Анны, – сказал я вполне серьезно.

Анна слушала наш диалог, не понимая сути фраз, но поняв главное: Толик враг, а я ее защитник. Поэтому она вдруг решительно сказала:

– Не хочу видеть тебя, Толик. Немедленно уезжай. Не усугубляй мое горе.

Тут я обратил внимание на молодого человека в джинсах и спортивной рубашке, под которою был спрятан пистолет. Я сразу догадался, что это посланец следователя Сани. Он чуть ли не дышал в спину, прислушиваясь к разговору, а это означало, что Толик теперь надежно сел на крючок. Досадно только, что он рассмотрел меня вблизи.

Прежде чем исчезнуть, я намеренно громко сказал:

– Что-то маловато денег ты прихватил для Анны. Надеюсь, не забудешь вручить?

Толик с ненавистью взглянул на меня и протянул Анне конверт, буркнув:

– Остальные потом верну.

По прибытии поезда в город Толик вышел на перрон и осмотрелся, но не заметил, что за ним наблюдают две пары глаз. Одним из наблюдателей был Лис, а другим – парень в джинсах, опередивший поезд на мотоцикле. Я увидел, как к нему подошел мужчина в летней кепочке, очень похожей на мою, и попросил прикурить. Прикуривая, он скосил глаза в сторону Толика, что-то сказал и отошел в сторону, после чего мотоциклист уехал.

Соблюдая небольшую дистанцию, мужчина последовал за Толиком, а вслед за ними мелкими шажками засеменял Лис. Ему не составило труда сразу же обнаружить параллельную слежку, что подтверждало предположение, высказанное накануне Князем, пославшим Лиса на вокзал. Следуя указаниям, Лису необходимо было немедленно поставить об этом в известность своего поделщика-шефа, но его опередил Толик, зайдя в ближайшую телефонную будку, так как сотовый из предосторожности он оставил дома.

О результатах своей поездки Толик говорил торопливо, словно опасался не успеть доложить обо всем увиденном и услышанном. Он требовал немедленно убрать Анну и заняться парнем в кепочке.

– Он мне твоё имя назвал. Ты понимаешь это?! Мне показалось, что он знает о нас все. Все! Понимаешь?!

Князь скверно выругался и спросил:

– Где он сейчас? В деревне?

– Не знаю. Быть может, там, на поминках.

– Хорошо, мы его поищем... Так ты говоришь, что не видел мертвеца?

– Я же сказал, что он был уже в могиле.

– Да-да, говорил. Но не думаешь ли ты, что это ментовский сценарий?

– Исключено. Его жена была убита горем.

– Ладно, скоро мы её успокоим.

Повесив трубку, Толик вышел на край тротуара, поймал такси и поехал домой, а его место в телефонной будке занял Лис.

– За нашим другом, хи-хи, хвост, – доложил он Князю. – Не пора ли его убирать?

– Пора. У нас, кажется, прибавилось забот. Приезжай на совет.

Мы с Мещерским тоже устроили совет и впервые решили разделить наши усилия. Я вызвался «опекать» Толика, а моему напарнику достались кавказцы, чему он был очень рад. У меня не было сомнений, что он не подпустит убийц к Анне.

Когда я проник в квартиру Толика, тот, вооружившись отверткой, снова отворачивал шурупы стеновой панели за холодильником. На этот раз он достал из сейфа десять тысяч зелененьких и положил их в кейс. В эти болезненные для него минуты его мысли были сосредоточены на предстоящей встрече с представителем тамбовцев. Он досрочно собирался отдать им сумму годового побора и тем самым заслужить прощение за связь с кавказцами и выклянчить обещание защиты от них, если таковая понадобится.

Нравится мне прокатиться на «Мерседесе». Пока Толик рулил, я блаженствовал, развалившись на заднем сиденье и поглядыва-

вая сквозь заднее стекло. На небольшой дистанции за нами следовал старенький «Москвич». Но мой водитель-олух не обращал на это внимания.

На одной из оживленных улиц мы подъехали к перекрестку, на углу которого было открытое кафе «Эдем», оборудованное разноцветными зонтиками для защиты от полуденного солнца и на случай дождя. На противоположном углу размещалась стоянка для автомобилей, где и припарковался сначала Толик, а затем и «Москвич».

В кафе Толик выбрал местечко у тротуара, по которому сновало множество прохожих, и, положив кейс на колени, заказал мороженое. Сыщики из «Москвича» – их было двое – расположились в тылу, через один столик, обеспечив себе необходимый обзор.

Ожидание длилось минут десять, и Толику пришлось заказать еще одну порцию мороженого. Наконец к нему подсел мускулистый парень в разрисованной майке.

– Сколько принес? – спросил он сместа в карьер.

Толик заискивающе улыбнулся и, постукивая пальцами по кейсу, сказал:

– Здесь годовая норма, так как я не уверен в завтрашнем дне.

– Не уверен? Что так?

– Могут кавказцы помешать. Угрожают.

– Сам виноват, что обратился к ним.

– Знаю. Но мне не хотелось в опасное мероприятие втягивать вашу группу.

– Зря. Это наша обычная работа.

– Понимаю. Теперь я каюсь, так как кавказцы здорово наследили, а вину в своих неудачах перекалдывают на меня. Нужна ваша помощь.

– В чем?

– В защите. Переговорите с их главным, чтобы меня не трогали. Я думаю, что курица, несущая золотые яйца, не должна попасть в суп. Не так ли? – сказал Толик и снова постукал пальцами по кейсу.

– Возможно. Я передам твою просьбу хозяину. Все? Тогда мне пора.

Толик поставил кейс под ноги и слегка подтолкнул его в сторону сборщика. Естественно, я не упустил такого удобного случая и, взглянув по-своему на чемоданчик, придал ему скорость ракеты, которая, чиркнув по ладони рэкетерской руки, взмыла ввысь и исчезла в синеве ясного неба. Еще рты ошарашенных зрителей не успели закрыться, как я, описав в пространстве дугу

и поймав кейс, вернулся на прежнее место. Там, как при моментальном фото, я разглядел интересные картинки:

1. Большинство посетителей кафе продолжали смотреть вверх.

2. Толик и сборщик изумленно смотрели друг на друга, а сыщики заламывали им руки.

3. Какой-то лысоватый мужчина, образец бывалого человека, обращаясь ко всем присутствующим, говорил: «Граждане, ничего удивительного не произошло! Это рядовое явление полтергейста, которых в наше время – пруд пруди. Это фокусы-мокусы электромагнетизма, которым люди сами себя окружили!»

Весь инцидент закончился тем, что граждане поспешили покинуть кафе, а сыщики отпустили Толика и бандюгу, так как вещественное доказательство бесследно исчезло.

Толик был растерян и зол. Он заверил тамбовца, что возместит потерю в ближайшие дни, и попросил не забывать его просьбы. На этом они расстались будто бы по-хорошему, но я был убежден, что Толику предстоит теперь вертеться между двух огней. Не простят ему тамбовцы того, что он на встречу привел за собою хвост.

Завладев кейсом, я решил немедленно доставить его Анне.

По пути в деревню я наткнулся на Мещерского, сопровождающего машину кавказцев, возвращающихся в город.

– Я их попугал, а они в меня постреляли, – весело доложил он. – Пришлось им развернуться, не доехав до места.

Коротко рассказав Мещерскому о своих наблюдениях и о фокусе с чемоданчиком, я продолжил полет к Анне, пообещав там не задерживаться.

В этот час солнце уже склонялось к закату, бросая длинные тени во дворе Мещерских, где за длинными, наспех сколоченными из досок столами еще пили и ели несколько запоздалых посетителей поминок.

Я приземлился метрах в ста под прикрытием соседних домов и направился к знакомой калитке.

Поникшая, усталая, безучастно вззирающая куда-то вдаль, Анна сидела рядом с родителями. Когда она заметила меня, то оживилась и сказала:

– А я искала вас. Куда же вы подевались?

Я попросил ее отойти в сторонку. Зайдя за сарайчик, я отдал кейс и сказал:

– В нем частичное погашение долга. Десять тысяч долларов.

– О-о? – удивилась она. – И как вам это удалось?

– Считайте, что почти вырвал из рук.

Выпустив эту фразу, я сам удивился ее правдивости.

Анна пристально посмотрела мне в глаза и спросила:

– Почему вы опекаете меня?

– Вы сами назвали меня другом – вот я и стараюсь. Кроме того, я исполняю свой долг перед вашим мужем.

– Долг? Какой же?

– Я не сумел уберечь его.

Она задумалась и потом тихо произнесла:

– Значит, вы знаете убийц...

– Знаю.

– Тогда почему не поможете следствию?

– Я уже очень помог следователю, который вас навещал, хотя он об этом не догадывается. У милиции теперь есть весомые зацепки и улики. Только... только им не удастся арестовать преступников.

– Не удастся? Они сбежали?

– Нет. Просто скоро все они будут мертвы. Одного из них уже достала рука возмездия. В живых еще трое. Сегодня два бандита собирались убить вас, но Григорий преградил им путь и заставил вернуться в город.

У Анны расширились зрачки и промелькнула мысль, что перед нею сумасшедший.

– Зря вы так подумали обо мне, – сказал я. – Перед вами вполне здравомыслящий субъект. Просто-напросто я вернул вашего мужа на землю для мщения. На время, конечно, в виде духа, способного воплощаться в земное бытие.

– Вы пугаете меня, – сказала Анна, – сейчас такая шутка совсем неуместна.

– Это не шутка. Хотите убедиться?

Я мгновенно растаял в воздухе и спросил:

– Ну и как?

– Где вы? – растерянно воскликнула она.

– На том же месте, – сказал я и снова стал видимым.

– Это гипноз? Вы гипнотизер?

Она никак не могла принять необычную для нее реальность, а я испытывал неодолимое желание приоткрыть перед нею завесу сокровенной тайны, заручившись обетом молчания.

– Нам не раз придется еще встречаться, – сказал я, – и мне хотелось бы, чтобы между нами установились доверительные отношения, основанные на правде. Поклянитесь, что никогда и никому вы не расскажете то, о чем узнаете. Клянитесь!

– Клянусь!

– Тогда давайте руку. Сейчас вы поговорите с мужем.

Подхватив Анну под локоть, я плавно, чтобы не напугать ее, взлетел над деревней и сделал небольшой круг.

– Господи, я совсем не чувствую тяжести своего тела, – сказала Анна. – Необычное ощущение легкости. Скажите, Игорек, кто же вы такой? Демон?

– На этот вопрос трудно ответить. Я и сам толком не знаю, какое мне подходит определение. Наверное, что-то среднее между демоном и человеком.

Между тем, мы уже летели над лесной дорогой, нагоняя машину кавказцев и Мещерского.

Встреча Анны и Григория была настолько трогательна, что я прослезился. Последний раз подобное со мною произошло лет двести назад, когда умер отец. Отойдя в сторонку, чтобы им не мешать и не вникать в суть разговора, я стал прикидывать возможности своей будущей женитьбы на девушке из параллельного рода. Не могу сказать, что она мне очень нравится, но таков мой крест. Жаль, что из очаровательных женщин рода людского я не имею права иметь избранницу, похожую на Анну.

На обратном пути в деревню Анна умиротворенно говорила:

– Гришенька живой, ну совсем живой. Только руки холодные и щекочет будто бы током. А сила в нем прежняя и мысли ясные. Он сказал, чтобы я целиком вам доверяла. Возможно, он бы и не мстил, если бы не было угрозы для меня и Яночки. Гришенька такой добрый! Скажите, Игорек, а нельзя, чтобы он насовсем остался на земле?

– Нельзя. Бог этого не допустит.

– По-вашему, Бог – не выдумка?

– Конечно. Он всеобъемлющ. Он везде и конкретно нигде. Он – Вселенский Разум. Умершие люди с чистой душой становятся его частицей и проливают свет. А тьма – область Сатаны, где идут непрерывные астральные войны, подвергающие вечным мукам души грешников, которые стремятся вырваться из тьмы и вернуться на землю для преображения. Теперь, Анна, вы единственная из людей, кто посвящен в тайну. Храните ее ради своего блага и блага дочери.

– Не сомневайтесь, Игорек. Да и кто мне поверил бы? Сочтут за сумасшедшую и упекут в психушку.

Мы приземлились на прежнее место за сарайчиком. Анна чмокнула меня в щечку и ушла с чемоданчиком, который за все время нашей экспедиции не выпускала из рук.

Вернувшись к парящему Мещерскому, я предложил прокатиться в автомобиле кавказцев и послушать их разговор.

Лис убеждал Князя:

– Я говорю тебе, Аслан, что вся наша затея не должна иметь продолжения. Воевать против призрака бессмысленно. Он так же

разделяется с нами, как с Магометом. Давай прикончим Толика и заляжем на дно.

– Хорошо, – согласился Князь, – но сначала заберем у него свои баксы.

– Разумно, – сказал Лис, – у меня сразу вырисовывается план. Я залягу с винтовочкой где-нибудь на крыше дома, а ты заберешь деньги, после чего я выстрелю. Годится?

– Можно и так, но нужно его избавить от ментовского хвоста.

– Это само собой. Придумаем что-нибудь.

Мещерский сжал мою руку и поделился своими мыслями:

– Мне нравится такой план.

– Мне тоже, – ответил я. – Беру на себя сыщиков, помешаю слежке. Для этого не мешает узнать и о планах в милиции. Я туда немедленно отбываю, а ты не покидай кавказцев.

Был тот самый час, когда в кабинете полковника обсуждались текущие результаты следствия.

– Что новенького? – спросил полковник.

– Кое-что есть интересненькое, – самодовольно заявил Саня. – Нам удалось увидеть и сфотографировать паренька в кепочке. Это главное.

Ну почему это главное?! Я был возмущен и в порыве негодования высыпал на стол пульки из пистолета Князя, которые таскал в кармане. Однако полковник заметил их не сразу. Он сосредоточенно разглядывал на фотографии мое изображение.

– Симпатичный парнишка, – сказал он, – но почему так старомодно одет? Выяснил, кто он?

– Повезло. Прошелся по улицам с фотографией – ребятишки его и опознали. Говорят, что он часто прогуливается, но дружбу ни с кем не водит. Опасаются его, называют экстрасенсом.

– Наверное, не без причины?

– Был, рассказывают, случай, когда хотели проучить его за гордость, а он выставил вперед ладонь – они и покатались как горох.

– Занимательно.

– Еще занимательнее то, что будто бы он на самом деле выкрал из морга тело Мещерского. Об этом он так и сказал Толику на похоронах.

– Думаю, что это шутка. Сделать такое могли взрослые, а мальцу поручить поставить в известность семью. Что о нем еще узнали?

– Парнишка несовершеннолетний, нигде не работает, живет с матерью на ее пенсию. Из старухи слова не вытянешь. Сидит в кресле-качалке и грызет сухарики из ржаного хлеба. Знаете, такие – нарезанные мелкими кубиками. Видно, что бедствуют. Мебе-

ли почти нет. Две кровати, стол с двумя табуретами, шкаф – вот и все, не считая качалки, но чистота идеальная.

– Надо обязательно переговорить с парнем, чтобы прояснить недостающие звенья следствия. Ему, должно быть, кое-что известно.

В знак согласия следователь кивнул головой и продолжил свой доклад:

– Сегодня мои ребята были свидетелями очень странного и загадочного явления. Они было уже задержали Толика и рэкетера, которому передавался кейс, видимо, с деньгами, как вдруг произошло непостижимое...

– Что именно? – спросил полковник, машинально расставляя на столе пульки, подброшенные мною.

– Кейс улетел в небеса и исчез.

– Те-ле-ки-нез... – после минутного раздумья тихо проговорил полковник.

– Вы что-то сказали? – спросил Саня. – Я не расслышал.

– Так-так... Ты говоришь, что ребяташки покатались как горох?

– Абсолютно точно.

– Ребяташки покатались, а чемоданчик улетел... Ты не находишь, Саня, некое сходство?

– Вы считаете, что это его проделка?

– Другого объяснения у меня нет. Пусть кто-нибудь из твоих ребят съездит в деревню и проверит – не там ли уже этот кейс?

– Фантастика!

– А это что за пульки у меня на столе?

– Тот же вопрос я хотел задать вам.

– Занятно. Откуда же они взялись?

– Понятия не имею.

Полковник усмехнулся и стал рассуждать:

– Пульки имеют следы пороха, но не имеют никаких вмятин. О чем это говорит? А о том, что они, не встретив препятствия, вылетели из пистолетика, собрались в стайку и прилетели ко мне на стол в качестве вещественного доказательства. Какого? И с чьей помощью? Замечаешь, Саня, звенья одной и той же цепи загадок?

– Опять он?

– Не сомневаюсь. Он всеми возможными средствами и намеками оказывает нам помощь в раскрытии преступления. Этот паренек – исключительное создание.

Следователь почесал в затылке и спросил:

– Как только его выловим, так к вам на допрос?

– Думаю, что не стоит этого делать. Только делу навредим. Отобьем у него охоту помогать. Ведь он во многом уже помог? Как ты считаешь?

– Без его шуточек мы так не продвинулись бы. Но вы сами только что сказали, что с ним следует поговорить.

– Сказал, но теперь передумал. После этих пулек. Отдай-ка их на экспертизу.

Я ликовал. Полковник – умница. Он развязал мне руки и снял тревогу за покой матушки. С легким сердцем я покинул милицию, разыскал Мещерского и отправился с ним домой.

Матушка слегка пожурила меня за промахи, которые навели сыщиков на нашу квартиру, но быстро успокоилась после моего сообщения о решении полковника. В свою очередь, она постаралась успокоить и меня, рассказав, что прикинулась глуховатой и беспамятливой перед парнями из милиции.

Утром мы с Мещерским разлетелись в разные стороны: я к Толику, а он к кавказцам.

Толик нервничал, как и все последнее время. На этот раз он засунул пачку денег в целлофановый пакет и прикрепил его к поясу. Судя по всему, он уже был предупрежден о слежке, так как проявил особую осторожность, выйдя из дома. Не приближаясь к своей машине, которая стояла на улице, он юркнул в проходной подъезд, выскочил на соседнюю магистраль и поймал такси. Проехав к окраине города, где располагалась зона промышленных объектов, он вышел из машины и пошел пешком. Приблизившись к высокому железобетонному забору, за которым возвышалось недостроенное здание, он заглянул в щель, увидел машину Князя и облегченно вздохнул. Вокруг не было ни души. Убедившись в отсутствии сыщиков, Толик достиг проема, оставленного для ворот, и быстро зашагал навстречу Князю.

– Здесь вся сумма, учитывая компенсацию, – сказал Толик, передавая пакет из рук в руки. – Я надеюсь, что ты выполнишь свое обязательство.

– Даже сверх того, – заверил Князь, ухмыльнувшись и скосив глаза на крышу здания, где залег с винтовкой Лис.

Однако выстрела не последовало. Вместо этого на краю парапета возникла грозная фигура Мещерского. В его поднятых крепких руках над головой извивался и дергал ногами Лис, захлебываясь в истеричном визгливом крике.

– Эй, Князь, принимай своего дружка! – возвестил Мещерский и швырнул Лиса, как бы отторгая от себя нечто гадкое.

Лис шмякнулся о груды кирпичного боя и повис на ней как тряпка. После секундного оцепенения Князь бросился к машине, а

Толик побежал к проему в заборе. На ходу Князь выстрелил в него, но промазал. Пуля только слегка задела плечо.

– Что будем делать с этой падалью? – спросил я Мещерского.

– Уложим его на то самое местечко.

– А почему ты не дал ему выстрелить в Толика?

– Пожалел. Пусть лучше в тюрьме помается. Быть может, человеком станет. Все-таки он был моим другом детства.

Мне осталось только согласиться: он потерпевший, ему и решать.

На этот раз к трупам Лиса приехал и полковник.

– Точь-в-точь как и Магомет, с винтовкой на груди, – сказал следователь Саня.

– Я это предвидел. Не так ли? – спросил полковник.

– К сожалению, так. Меня постоянно кто-то опережает. Раз это не Игорек – то кто же? А, быть может, Игорек все-таки?

– Исключено.

Полковник наклонился к уху следователя и шепнул:

– Это Мещерский.

Саня встревоженно взглянул на него и спросил:

– С вами все в порядке, товарищ полковник?

– Вполне. Я в связи с этим делом прочитал несколько книг по оккультным наукам. Дам и тебе почитать, чтобы усвоил сложившуюся ситуацию.

Когда Лиса увезли в морг, Мещерский сказал:

– Теперь подошла очередь Князя. Посетим-ка их вертеп.

Впервые Князь был в таком плачевном состоянии, в каком еще не приходилось его видеть. Куда только девались нагловатая уверенность и пижонский шик? Шрам, рассекающий левую бровь, побагровел от прилива крови, в усиках застряла какая-то соломинка, тонкогубый рот был перекошен, а щека подергивалась от нервного тика. Важняк смотрел на него с отвращением и страхом, так как в руке у Князя был пистолет, дулом которого он водил из стороны в сторону и приговаривал:

– Ты здесь, сука? А ну-ка, покажись! Я знаю, что ты уже здесь.

– У тебя крыша поехала, Князь. Убери ствол, – сказал Важняк.

– Вот-вот! Он сбросил Аслаханчика с крыши! Дай мне тройку боевиков – и я...

– Спрячь пушку! – рявкнул Важняк. – Ты ведешь себя как псих. Никого больше не дам. С меня хватит и двух трупов!

Окрик подействовал на Князя. Он сунул за пояс пистолет, плюхнулся в кресло и спросил:

– Что прикажешь теперь делать?

– Смываться! Раненный тобою заказчик не станет молчать на допросе в ментовке. Нужно было не мазать. Так что, чем скорее смоешься, тем лучше.

– Хорошо, я согласен. Сегодня же ночью уеду на своей машине. Постараюсь пробраться в Грозный под видом вернувшегося беженца.

Получив от Важняка устные инструкции по поводу скорой отправки на Кавказ партии оружия для боевиков под прикрытием гуманитарной помощи, Князь поехал в гостиницу собирать вещи, а я и Мещерский вместе с ним на нашем излюбленном месте – на заднем сиденьи автомобиля. По пути Князь позвонил Толику домой и сказал:

– Ну что, шакал, зализал рану? Благодарю моего Аллаха, что я промахнулся. В следующий раз этого не случится. Если ты заложешь меня, то я тебя из-под земли достану. Понял?

– Понял, что ты сам шакал. Кто теперь такому киллеру поверит? А если меня тронешь, то породешь войну с тамбовцами. Их поддержкой я заручился. Лучше, пока не поздно, убери хотя бы одного Мещерского, а то он и тебя кокнет. Скажи, нужна твоим собратьям война вдали от родины?

– Ты мою родину не трогай! Скоро вернусь и рассчитаюсь с тобой, – проговорился Князь.

Когда он поднялся в свой номер, чтобы забрать вещицы, Мещерский сказал:

– Я задумал эффектный финал. Для этого возьму машину Толика, а ты пока присмотри за ним и узнай о планах наших друзей из милиции.

Ключами от машины я завладел без затруднений, так как балконная дверь в квартире Толика была настежь открыта. Несмотря на неудачи последних дней, он не потерял оптимизма, а разговор с Князем не вывел его из равновесия: он считал, что сравнительно с небольшими потерями порвал отношения с кавказцами, и теперь целиком возлагал свои надежды на тамбовцев. Обронил же тот парень при встрече в «Эдеме» фразу: «Это наша обычная работа» – вот и переложу, мол, всю ношу на их плечи, а деньги – дело наживное. Главное – покончить с Мещерским раз и навсегда.

Взяв свой рабочий блокнот, он откинул крышку бара, превратив ее в столик, налил полстакана коньяка, залпом выпил и принялся делать расчет своих расходов. На листе появились следующие строчки:

Потери:

1. Аванс К. – 5 тыс. дол.
2. Возмещение похищенного – 5 тыс. дол.

3. Предварительный расчет за X и Y – 5 тыс. дол.

4. Годовой взнос Т. (похищен) – 20 тыс. дол.

Итого потери – 35 тыс. дол.

Дополнительные расходы:

1. Возмещение Т. похищенного – 20 тыс. дол.

2. Контракт с Т. на X и Y – 10 тыс. дол.

3. Телохранитель – 5 тыс. дол.

Итого доп. расх. – 35 тыс. дол.

Всего расходы – 70 тыс. дол.

Итоговая цифра ввергла Толика в тоску, так как она совпадала с суммой долга Мещерскому. Вся затея с заказным убийством оказалась бессмысленной. Проще и безопаснее было бы отдать долг, сохранить друга и доброе имя. Но сделанного не вернешь. Теперь же сложившиеся обстоятельства вынуждают идти до конца, надеясь избежать возмездия. Пока ему везет: убит не он, а кавказец, и Аслан промахнулся. А улик у милиции против него нет, иначе не отпустили бы его и тамбовца при задержании в «Эдеме».

Так рассуждал Толик, не подозревая, что его судьба уже предопределена, поскольку улики появились, в том числе листочек с расчетом.

Я собирался было изъять у Толика блокнотик, но меня опередила милиция.

Звонок застал Толика врасплох. Он метнулся к входной двери и приложил к ней ухо, опасаясь взглянуть в глазок.

– Откройте! Милиция! – потребовал из-за двери голос, уже знакомый хозяину квартиры.

Толик на цыпочках вернулся к бару, вырвал из блокнота листок, скомкал его и, не найдя куда деть, сунул в рот.

– Мы знаем, что вы дома, гражданин Сальников! – сказал следователь Саня, так как это был его голос. – Не вынуждайте нас ломать дверь.

– Я сейчас, открою сейчас! – крикнул Толик, проглотив бумажный комок и запив его несколькими глотками коньяка из горлышка бутылки.

В квартиру вошли трое: следователь с двумя оперативниками. Толику был предъявлен ордер на обыск и арест. Саня сказал:

– Вы обвиняетесь в организации заказного убийства вашего друга детства Мещерского. Раскаяние и чистосердечное признание своей вины может стать смягчающим обстоятельством при вынесении приговора суда.

Наивный Саня! О каком чистосердечии можно говорить с таким негодяем, как Толик? Кроме досады от провала своего замысла он ничего не чувствует, и не такой дурак, чтобы сразу сесть на крючок. Ему еще надо взвесить все «за» и «против», узнать о

том, какими уликами располагает милиция. Не так-то просто будет следователю справиться с ним.

Прокрутив такие мысли, Толик сказал:

– Делайте, что хотите, а разговаривать с вами я буду только через адвоката.

– Хозяин – барин, но ненадолго, – заметил Саня и, пригласив понятых, приступил к обыску.

Толик бочком попытался протиснуться к бару, но следователь осадил его, заставив сесть у противоположной стены.

– Коньячка захотелось? – спросил он. – Так с вас, вижу, уже хватит. Быть может, блокнотик не на месте лежит?

Саня внимательно осмотрел столик бара, не нарушая положения предметов, сфотографировал их «кодаком», и спросил:

– Вы что-то писали перед нашим приходом?

– Собирался.

– Сомневаюсь... Тут вырван листочек. Где он?

– Почему я должен об этом помнить? Может быть, записку кому-нибудь писал или вырвал и в урну бросил.

– Не скажите... Вот и карандашик лежит, которым писали, и оттиски проглядываются на следующем чистом листе. Не могли вы писать раньше.

Ну и молодец, Саня! Еще бы о жене своей что-нибудь приплел и – вылитый Коломбо!

Ничего другого интересного не обнаружив, не догадавшись о имеющемся потайном сейфе, хотя отверточка лежала на холодильнике, милиционеры опечатали квартиру, надели на Толика наручники и повезли его в камеру предварительного заключения.

По дороге, ухмыляясь, он спросил:

– А где сейчас Мещерский? Он ведь сбежал от вас из морга?

– Ты лучше об этом знаешь, чем мы, – ответил Саня. – Не мы его убивали.

Возвратившись в свой кабинет, следователь вызвал эксперта и попросил безотлагательно восстановить запись, сделанную в блокноте. В ожидании результата прошло не более часа. Получив текст расчета, Саня пробежал по нему глазами, удовлетворенно хмыкнул и распорядился привести к нему Толика.

– Что скажете? – спросил следователь, показав бумагу.

– А ничего не скажу без моего адвоката!

– Может быть, просветите хотя бы: что означает буква К?

– Клиент.

– Во-во! Под кличку Князь? Так ведь?

– Я отказываюсь отвечать.

– А зря, – укоризненно произнес Саня. – Тогда давайте послушаем вашу последнюю беседу с «Клиентом», – и он нажал кнопку магнитофона.

Толик побледнел и крикнул:

– Вы не имели права!..

– Имели, имели... А что – болит рука? Давайте-ка взглянем на рану.

Деваться Толику было некуда, и он вынужден был во всем признаться.

– Князя мы сегодня же выловим, – заверил Саня, – не доедет он до своей Ичкерии.

В том, что Князь не попадет в Ичкерия, Саня был абсолютно прав.

Раздался звонок от начальника безопасности дорожного движения, который сообщил, что на шоссе южного направления, в десяти километрах от города, произошла авария – лоб в лоб столкнулись два автомобиля. В одном из них, судя по ориентировке, погиб разыскиваемый особо опасный преступник. Машины, задействованные для его перехвата, уже там, но, к сожалению, опоздали...

Саня прервал допрос, доложил о случившемся полковнику, и вместе с ним помчался к месту происшествия.

Тело Князя сумели извлечь, вырезая куски искореженного металла, а во второй машине не обнаружили даже следов водителя. Гаишники и милиционеры, сбитые с толку, таращили глаза и делали всякие предположения, не находя объяснения.

Полковник многозначительно подмигнул Сане и сказал:

– Надеюсь, что этот труп и загадка – последние. Оставим при себе свои догадки. Согласен?

– Конечно. Нам никто и не поверил бы.

За всем происходящим я наблюдал со стороны, расположившись на травке у дороги, и не заметил, как за моею спиною появился Мещерский. Он дернул меня за воротник пиджака и сказал прямо в ухо:

– Я же обещал красивый финал – вот он!

Не испытывая особого наслаждения от картины катастрофы, я предложил Мещерскому покинуть это отвратительное место и заняться неотложными завершающими делами.

В первую очередь мы посетили квартиру Толика и полностью опорожнили его потайной сейф. Сумма денег в разных купюрах, долларах и рублях, оказалась весьма внушительной и могла обеспечить овдовевшей Анне и ее дочурке Яночке безбедное существование без любимого мужа и отца.

Выполнив свою миссию на Земле, вручив деньги Анне и распрощавшись с нею на время земной жизни, Мещерский отбыл в свою новую обитель за облаками.

Суд над Толиком состоялся скоро, но ему присудили только двенадцать лет заключения в тюрьме строгого режима. Маловато. Я бы упрятал его пожизненно.

Дотошный следователь Саня все же добился встречи со мной. Он сказал, что не сомневается в моем непосредственном участии в деле разоблачения и уничтожения преступников, но обещал все сохранить в тайне, попросив разъяснить известные загадки, а также попытался привлечь меня к сотрудничеству. Однако я никаких секретов ему не открыл, а от работы в милиции отказался.

Мне ведь нельзя вмешиваться!

АГОНИЯ ХОЛОСТЯКА

– Кто это придумал, что характер человека можно сформировать воспитанием? Что за чушь?! Каким образом могла возникнуть сумасбродная идея о создании «всесторонне развитой, гармонической личности»? Вспомните слова Маркса о том, что величие личности, ее спасение каждодневное – в ее вечной незавершенности...

Адвокат Рубан, видной внешности пожилой мужчина лет шестидесяти пяти, сделал паузу, окинул взглядом полупустой бар, отпил глоток фруктового коктейля и, обращаясь вновь к собеседнику, продолжал:

– Было бы понятнее, если бы ставилась цель не о создании сказочноподобного стереотипа, а о привитии ребенку гуманитарной, альтруистической психологии как основы борьбы против своего духовного разрушения. Заметьте, что в недалеком прошлом пропагандировалось, будто бы наше общество не имело почвы для произрастания подлости, а на самом деле мы постоянно сталкивались с фактами этого произрастания. Отсюда напрашивается вывод, что существует психическая предрасположенность и субъективное миротворчество, которые, овладевая сознанием, становятся нормой поведения. И уж поверьте, собственное сотворение мира во многом зависит от врожденных черт характера, от степени животных инстинктов...

Рубан снова сделал глоток коктейля и, усмехнувшись, сказал:

– Быть может, это выглядит несколько банально и утилитарно, но возьмите, к примеру, для наблюдения двух трех-четырехлетних детей от одной матери, воспитываемых в одной семейной атмосфере. Стоит внимательно понаблюдать за ними, записать для

памяти черты характеров, а потом, лет через двадцать, взять эти записи и сверить с натурой, то, клянусь своей трехмесячной зарплатой, вы обнаружите абсолютное тождество. Если, скажем, один ребенок, набив карман конфетами, раздает их на улице, а другой ест сам и тайком, то, поверьте, это уже на всю жизнь. Первый всегда будет щедрым, а второй – скрягой. Не верите? Тогда могу привести конкретный пример...

На минуту задумавшись, Рубан вдруг спросил:

– Скажите, коллега, у вас не возникала мысль, что некоторые аспекты защиты, коими мы пользуемся, идут во вред нравственности общества? Я имею в виду те случаи, когда мы призываем судей учитывать стрессовые состояния и прочие эмоции. Разве это не способствует снижению уровня понятия моральной ответственности? А наша снисходительность к проступкам близких и знакомых, если они происходят за пределами Уголовного кодекса, не служит ли катализатором реакций, ускоряющим разложение? В этом плане я хочу обратить ваше внимание на одного из известных нам субъектов. Разговор пойдет о Пташкине, которого вы знаете уже лет десять, а я с тех пор, как сидели с ним рядом в детском саду на соседних горшках. Дело в том, что вам неведомы многие нюансы его характера и поведения. А поведение может быть понятно только как история поведения...

Рубан побарабанил пальцами по столу.

– Представьте, как только произношу это слово, так сразу вспоминаю школьную парту и учителя истории, ломающего в гневе указку. Да... Конгломерат характеров и казарменная педагогика... Вот вам и психологическая система, в коей раннее начало ищет самостоятельный выход своим страстям на общественную арену... Однако о Пташкине. Вы ведь знаете, что недавно его хватил паралич и ухаживает за ним небезызвестная вам Элеонора.

Рубан повел взглядом по потолку и спросил:

– Помните «Смерть чиновника» у Чехова?

Дождавшись утвердительного кивка, он удовлетворенно сказал:

– Значит, помните. А теперь подумайте – что явилось причиной столь печального финала? Помер, видите ли... А от чего? А от того, что характер слабый, умишко ограниченный, сердце ранимое. Другой на его месте чихнул-с бы, да и ладно. Не стал бы надоедать с извинениями, так как «чихать никому не возбраняется». А иной, если бы на него вдруг гаркнули, и сдачи мог дать. Но этот, видите ли, помер. Так и тут... Вроде бы ничего трагического не произошло, а в результате – паралич. Но только не от слабого характера, а от бешенства, что кто-то вторгся в его владения. И хотя он теперь не двигается, и язык отнялся, по глазам видно, как негодование

продолжает в нем бушевать. Не может он смириться, что Элеонора стала полновластной хозяйкой положения и распоряжается всем его барахлом, хотя и ему во благо. Его характер – его и палач...

Коллега Рубана воспользовался паузой и сказал:

– Я навещал больного. Его состояние весьма плачевно.

– Хуже, чем плачевно. Оно напоминает предсмертную агонию от сознания, что жизнь прожита впустую, в одиночестве, без близких людей и наследников... А ведь росли мы и воспитывались примерно в одинаковых условиях: одна и та же школа, похожая семейная атмосфера и прочее, но в итоге – разные судьбы и моральные ценности. Недаром говорят, что человек – хозяин своей судьбы. На примере Пташкина можно предположить, что воспитание ребенка вообще есть пустое занятие. Но я сразу оговорюсь, что так не считаю. Мой опус о двух ребятах от одной матери мог бы оказаться несостоятельным, если бы родители, начиная со дня рождения детей, оказывали влияние на их миротворчество и формировали психологию в альтруистическом плане, а не пускали все на самотек. Характер – это всего лишь признак природной индивидуальности, а поведение – результат миротворчества и психической предрасположенности. Воспитание, прежде всего, создает личность, и главное влияние на этот процесс оказывает только наглядный пример поведения взрослых. Именно поэтому даже необразованный человек может быть предельно порядочным и внутренне высокоинтеллигентным, а ученый – подлецом. В случае с Пташкиным налицо отсутствие направленного влияния родителей, а следовательно – субъективное миротворчество и психология поведения, основанная на отрицательных чертах характера и стрессах. Ведь что такое стресс? Это тревога, ожидание, надежда, страх или гнев. Приспособление к стрессу может защитить как от многих болезней, так и от нравственного разложения. Я категорически отвергаю мнение, что преждевременная смерть труднообъяснима. Тут не должно быть вопроса. Основная причина печального исхода – это неисправность тормозов стресса. Было бы весьма полезно для оздоровления общества направить в систему образования опытных психологов и ввести специальный курс обучения противостоянию стрессовым ситуациям.

Рубан потер пальцем переносицу, как бы вспоминая что-то, и принялся рассказывать:

– Запомнился мне один случай во время войны. В Астрахани это было. Мы тогда с Пташкиным в третий класс пошли. А попали в Астрахань вместе случайно, как беженцы. До войны наши семьи в одном доме и в одном подъезде жили, а как началась эвакуация, так погрузили нас всех из этого дома в один товарный поезд и увезли туда. А в Астрахани в то время голод свирепствовал, многие

люди на улицах умирали от истощения, очистки картофельные с помоек подбирали, если кто-то такую роскошь имел, что картошку мог чистить и очистки выбрасывать. Помню, как мать разложит скудные запасы, поделит их на порции по дням, чтобы до следующего пайка хватило, – так и перебивались впроголодь. Запомнилось мне это непроходящее чувство голода на вечные времена... И все же мы жили еще сносно по сравнению с другими, так как мой отец, как и отец Пташкина, занимался особыми оборонными делами на линии фронта и иногда к нам навещался и привозил продукты. И вот в этих условиях, несмотря на голод, большинство детей посещало школу. Родители себе отказывали, а детей старались поддержать...

Рубан вдруг вздохнул.

– А теперь о главном, что произошло. Сидела со мною за одной партой девочка, Симою звали. Худенькая такая, хрупкая, голосок тоненький, и вся от недоедания как пушинка. Дунь, казалось, на нее – и она полетит. И вот как-то услышал я, что она плачет. Беззвучно плачет, одними тихими вздохами...

– Что случилось, Сима? – спрашиваю.

– Мамочка моя от истощения умирает, – отвечает она.

– Откуда ты знаешь? – говорю. – Вдруг тебе показалось?

Хотелось мне ее успокоить.

– Нет, не показалось, – говорит, – о том между собой соседки судачили.

Всполошился я, нужно было что-то срочно делать. Отец у Симы на фронте погиб, а если еще и мама умрет, то что же с нею будет?

С нетерпением дождался я звонка на перемену и побежал домой. Стал я уговаривать свою мать, чтобы полбулки хлеба отдала, а, мол, до пайка как-нибудь потерпим. Заплакала она, но хлеб все же дала. Сунул я его за пазуху и понесся в школу, к Симе. Как обрадовалась она! Это надо увидеть, чтобы понять. Глазенки засияли, засветились надеждой, вся дрожит от небывалого счастья, положила она хлеб в свою половину парты и сидит мучается, так как впереди еще два урока было. А когда во время перемены я пошел прогуляться по школьному двору, чтобы самому успокоиться, так она выбежала следом, догнала и сказала:

– Димочка, я всегда буду помнить тебя, всегда...

Рубан перевел дыхание, преодолевая волнение, поднял бокал на уровень глаз, посмотрел сквозь него на свет и вдруг, поставив его резким движением на стол, отчего часть коктейля выплеснулась, сказал:

– Гнусный конец имела эта история! И трагический... Спер Пташкин те полбулки хлеба, когда Сима за мною во двор выбегала.

Трудно передать, что было с Симой. Глубокий обморок. «Скорая» увезла...

Я тогда сразу о Пташкине подумал, когда хлеб пропал. Обшарил его парту и обнаружил хлебные крошки. Ярость моя была беспредельна, душил я его мертвой хваткой, и задушил бы, если бы меня не оттащили. А он клялся, что свой хлеб ел. Но я и теперь уверен, что это он взял. Съесть он его за раз не мог, да и ребята увидели бы. Значит, положил сначала в парту, отщипнул, быть может, пару раз и тут же перепрятал, так как знал, что все кинутся пропажу искать.

А Сима так больше и не появилась в школе. Квартиру, где она жила, я разыскал. Соседи сказали, что у нее умерла мать, и Симу определили в детдом. Вот такая история...

А что, если тот кусок хлеба был решающим в вопросе жизни и смерти?

– Страшная история, – сказал собеседник Рубана. – Каков негодяй!

– Вы правы, коллега, в такой характеристике. Но страшна не только сама история, а страшно и явление как психологический факт. Произошло ведь непредсказуемое событие, указывающее на неведомую стихийность, более свойственную биологическому типу, нежели личности. Желательно, чтобы вы обратили внимание на эту сторону инцидента, поскольку мой рассказ о Пташкине еще не окончен, и мне хотелось бы подвести вас к верному выводу. Как ни прискорбно, а бездуховность, проявленная в случае кражи хлеба, оказалась не разовым, а основополагающим явлением на протяжении всей его жизни.

А теперь, коллега, давайте зададим себе вопросы по фактам, характеризующим некую стабильность в поведении Пташкина, и попробуем на них ответить. Во-первых, ради каких целей он препогаными способами старался продвинуться по службе? И во-вторых, почему всю жизнь проходил в холостяках? Начнем по порядку...

Вспомним о его исключительном послушании, высоко ценимом начальством, которое не подозревало, что за театрализованной рабской смиренностью скрываются стиснутые зубы потенциального самодержца. Его покорность была дьявольской уловкой перед теми, кто стоит выше, кто склонен уверовать в его личную преданность. А вы сами знаете, какое было негласное правило в совковые времена по выдвигению кадров. Социальная система нашего недавнего прошлого прочно обосновала образ человека-марионетки, и поэтому смиренность Пташкина не вызывала подозрений. Однако постоянная подобная игра не могла не иметь разрушительных последствий...

Рубан бросил взгляд на пустой бокал, подозвал официанта и попросил принести чего-нибудь покрепче, после чего продолжил:

– Игра-игрой, но, привыкнув слушаться, Пташкин полностью разучился слышать, особенно непосредственных подчиненных, которых нещадно притеснял. Таким образом он все больше и больше приобретал врагов, что, впрочем, его мало беспокоило в стремлении сделать карьеру. Потребность повышения своего благосостояния материализовывалась в нем действиями подлости, а результат породил безнаказанную привилегию есть чужой хлеб. Почему чужой? Да потому, что звезд он с неба не хватал и не соответствовал тому месту, которое сумел занять.

Сделав глоток крепкого коктейля, Рубан удовлетворенно гмыкнул и, усмехнувшись, сказал:

– Доброе питье. Нарушил я сегодня обет, данный моему доктору. Однако вернемся к нашему герою... Да-а... Меня всегда удивляли его хитроумные уловки для обмана окружающих, способность сокрытия истинных целей. В этом он достиг совершенства, превратившись в профессионала по изобретательству средств, помогающих убирать с дороги людей, чтобы занять их место, и тем самым подняться вверх хоть на одну маленькую ступеньку. Но, поднявшись на некоторую высоту, он не стал личностью, а представлял собою только тип безнравственного чиновника. Да и на определенном этапе для него обозначился потолок, пробить который уже не хватало ума. Возможно, что это лишний раз подстегнуло его жажду к стяжательству...

Помолчав с минуту, Рубан сказал:

– Не могу утверждать, что он брал взятки, но уверен, что какой-то источник дополнительных средств у него был. Такая уверенность появилась у меня недавно... Оказывается, на протяжении долгого времени Пташкин занимался накопительством, храня это в величайшей тайне. Этим, наверное, можно и объяснить его приверженность к холостяцкой жизни – нежеланием делиться с кем-либо нажитым добром. В то же время он был не прочь потешиться с женщинами, часто их менял и никогда не впускал в свою квартиру. Теперь-то мне известна причина возникновения этой «запретной зоны». Она была хранилищем его сокровищ. Там скопилось значительное количество ценностей: колечек, перстеньков с драгоценными камешками, золотых цепочек, старинных монет, редкостных антикварных вещичек, меховых шкурок и шапок, которые доставляли ему немало хлопот. Он часто их осматривал, перетряхивал, проветривал, пересыпал нафталином, укладывая в полиэтиленовые мешочки. Он словно предчувствовал грядущие перемены, и создавал основу для предпринимательства. Не учел он только одного – возраст никого не щадит...

Внимательно взглянув на коллегу, Рубан сказал:

– Пташкин и мы с вами – люди примерно одного возраста, уходящее поколение, так сказать, сохранившее отпечаток советской эпохи, носители ее достоинств и недостатков. Объективно говоря, социальное влияние на формирование гуманитарной психологии было тогда весьма значительным, чего нельзя сказать о времени нынешнем. В нас есть много общих черт альтруистического направления, которые в какой-то мере позволяют подавлять скверные черты характера. К сожалению, этого не произошло с Пташкиным. Напротив, с приходом демократии у него легализовались негативные стороны состояния души. В первую очередь обнажилась жажда обогащения, не пренебрегающая никакими мерзкими средствами. В принципе – это общая болезнь, а не одного Пташкина. В идеале демократический стиль, как правило, итог больших усилий в преодолении негатива, а масса всегда усредненно инертна, и требуется немало времени, чтобы она расшевелилась и установила жесткие правила игры. В первобытной демократии берет верх крепкое здоровье, физическая сила, наглость, выносливость в борьбе за жизнь, незаурядный ум, молодость. Естественно, что Пташкину невозможно было выстоять на стезе подобной конкуренции. Возраст не тот уже, сердце пошаливает, и страхов много. Куда ему было угнаться за молодежью с «комсомольским задором»?

Рубан лукаво улыбнулся и спросил:

– Скажите, дружище, сразу ли вам удалось вписаться в новую стихию?

– Не сразу.

– Так же и я. Но работать стало интереснее. Главное, что мы не свернули с избранного пути. А вот Пташкин, обремененный привычками прошлого, создавший когда-то вокруг себя некую область автономного поведения, переступил черту и попал в непривычный для него мир, потерпев полное фиаско. Для него существование потеряло всякий смысл. Стресс, дружище, стресс... Вот и инсульт. Последнее время он все хлопотал, опутывая проводами охранной сигнализации свою крепость, поставил двойные металлические двери с шестью замками. Так-то...

Прочертив пальцем на столе черту, Рубан продолжал:

– Могу, дорогой коллега, поведать вам и о том, когда вышла на арену Элеонора. Собственно говоря, в поле зрения Пташкина она появилась давно, лет пятнадцать назад. Тогда ей было лет тридцать пять. Привлекательная, элегантная женщина. Рано овдовев, она почти год пребывала в трауре, а потом вдруг положила глаз на нашего героя. Не могу понять – что ее привлекло в Пташкине? Хотя, честно говоря, он недурен собой. Конечно, сыграло роль еще стечение обстоятельств: оба одиноки и живут рядом. Их разделял

только пол-потолок, она жила этажом выше. Вполне естественно, что они часто сталкивались в подъезде и любезно раскланивались. Сама судьба посылала этому стервецу истинное сокровище, а он в испуге шарахался от нее. Олух царя небесного! Его пугало, что она работает на телевидении, что вдруг возьмет над ним верх, что начнет пользоваться его золотыми вещами, и другая всячина. Ему жениться бы на ней, не задумываясь, и, кто знает, может быть, семейная жизнь изменила бы его в лучшую сторону и оберегла от такого бесславного финала. Но ему мерещилось, что она представляет для него угрозу. Он даже наводил справки – не является ли она агентом какой-нибудь секретной службы и не следит ли за ним? Представляю, как этот параноик прислушивается к ее шагам над головой, заклеивает вентиляционные отдушины и ходит на цыпочках. Ох и дурак! Но дуракам, как просвещают нас только русские сказки, везет...

Рубан презрительно усмехнулся и разом допил остаток коктейля.

– Везение Пташкина состояло в том, – сказал он, – что когда этот недоумок потерял сознание у дверей собственной квартиры, то в этот момент Элеонора как раз спускалась по лестнице. Она бросилась на помощь, втащила его в квартиру, уложила на кровать и вызвала «Скорую». Эта удивительная женщина добровольно превратила себя в заботливую сиделку. Вначале Пташкин мог еще говорить, бушевал, запрещая ей что-либо трогать, но она повела себя так, будто бы была полновластной хозяйкой, обещая поставить его на ноги. По всему видно, что свой крест она теперь будет нести до конца. Такой уж она человек...

Рубан замолчал, ожидая, что скажет его коллега, но тот пребывал в состоянии глубокой задумчивости. Тогда Рубан подвел итог:

– Вот видите, как ложно мнение, что характер зависит от воспитания.

В ГЛУШИ

С утра дул южный порывистый ветер, который обещал метель, днем ветер усилился и погнал по сухому насту белые змейки поземки, к вечеру посыпал мелкий снег, косо падающий на землю, и разыгрался настоящий буран.

Гадасин, учитель сельской школы, сидя возле маленького окошечка, тер его запотевшее стекло кулаком и вглядывался в белесую мглу. Его лицо, с тонкими очертаниями губ и носа, с выдающимся вперед подбородком и черными нависшими бровями, выражало беспокойство и страдание.

Некоторое время он пытался сосредоточить внимание на задворках, где дочь хозяйки Любаша занималась дурной работой, сгребая с дорожки снег. Это его не успокоило, а вызвало раздражение. К тому же действовал на нервы и скрип веретена, доносящийся из-за двери. Там сидела хозяйка и с утра до ночи сучила пряжу. И вся деревенская жизнь казалась Гадасину такой же монотонной и однообразной, как этот нудный скрип.

Весь день Гадасин просидел дома, не выходя на улицу. Утром его разбудил посыльный от директора школы и сказал, что занятия отменены из-за большого мороза. Это было кстати, так как все надоело и ничего не хотелось делать. Какой толк лезть вон из кожи, если зимою дети часто пропускают занятия, учатся плохо, без рвения.

Несмотря на поздний час Гадасин сидел нерасчесан, в смятой рубашке. На кушетке лежала подушка и одеяло, под которое он нырял уже несколько раз за этот день. Возле окна на столе валялась груда исписанных листков – его неоконченная диссертация, к которой он не притрагивался с неделю. Он понимал, что это депрессия, и что она пройдет. Только скоро ли?

Гадасин с завистью вспомнил о том беспечном времени, когда он простился с университетом и был полон радужных планов и надежд. Ему хотелось участвовать в чем-то значительном, огромном, требующем самоотвержения. Он неустанно повторял себе и другим: «Высочайшее человеческое достоинство состоит в том, чтобы делать больше, чем нужно для себя, улучшая тем жизнь и осветляя само существование на земле». И вот, ему казалось, он избрал самый верный путь: поехал учителем в самую глушь, в одно из южно-сибирских сел. Он гордился своим поступком и, прощаясь с друзьями, говорил: «Там и только там есть условия и простор для плодотворной деятельности. Простые нравы, бесхитростные натуры – не та ли это почва благодатная, на которой можно взрастить новое поколение людей, всколыхнуть дремлющие души и направить их по стезе плодотворного труда и интеллектуального обогащения?»

Теперь же, сидя в убогой избенке у окна, он горестно проклинал себя за то, что оказался здесь. Как он был наивен! Черт бы побрал те простые нравы, на которые возлагалось столько надежд! Повальные пьянки, словно разрушительные волны, прокатываются по селу и сметают все его мечты. И нет никаких сил, чтобы хоть что-то исправить в установившемся годами, десятилетиями, а может, и столетиями, порядке течения жизни в забытом Богом захолустье. Не далее как вчера он был свидетелем отвратительного события... Вопли и крики из соседнего дома всполошили сельчан. Многие любопытствующие выскочили на улицу, но, самое главное, никто не бросился защитить несчастную Ульку, которая босиком и в нижней рубашке выскочила из окна и побежала по дороге, утопая по колено в снегу. Ее ошалевший мужик бросился в одних подштанниках за нею, догнал, оглушил кулаком по голове, схватил за волосы и волоком потащил обратно в избу.

Чего он только не насмотрелся за полгода!

Он тяжело переживал крушение своих замыслов и нашел некоторое успокоение только тогда, когда занялся научной работой, отыскивая рычаги преодоления окружающей рутины. Однако и на этом поприще он попадал в тупики, неразрешимые вопросы ввергали в отчаяние, и в конце концов он пришел к выводу, что изменить жизнь на селе можно лишь с помощью глобальной реформы.

Будучи человеком увлекающимся, Гадасин стал разрабатывать положения такой реформы и много дней проработал вдохновенно, пока сам себе не задал вопрос: «А что будет дальше, когда я поставлю последнюю точку? Кому на вершине власти станут по вкусу постулаты сельского учителя?» Да и каким образом он сумеет взобраться на самый пик бюрократической чиновничьей пирамиды, чтобы сказать: «Нате, вот вам рецепт от деревенских бед!»

С этого момента озарения Гадасина стали одолевать приступы депрессии. И вдруг случилось неожиданное – он влюбился в восемнадцатилетнюю девушку, работающую в лесопитомнике, расположенном за рекою в пяти километрах. Знакомство состоялось во время экскурсии со школьниками.

– Меня Катей зовут, – представилась девушка. – Я ухаживаю за саженцами деревьев, которые весной высаживаются в степные лесополосы. Они задерживают влагу и повышают урожаи зерновых культур. Наш враг – это засухи.

Катя очень была похожа на школьницу в фартучке и рассказывала о своей работе как о заученном уроке. Она с первого взгляда очаровала Гадасина своей непосредственностью и ослепительной красотой. «Мамочка родная, вот само совершенство, созданное природой!» – восторгался он.

Теперь его неодолимо влекло к лесопитомнику. Он то и дело в течение дня поглядывал на часы, подносил их к уху, потряхивал, словно подгонял движение стрелок, а когда наступал ожидаемый час, запрягал в сани резвого хозяйского жеребца и ехал по заснеженной пустыне к Кате. Для нее же ожидание вечерних сумерек сопровождалось трепетным нетерпением; она то выглядывала в окно, то прислушивалась к внешним звукам, прижимая руки к груди, из которой, казалось, вот-вот выпрыгнет сердце. Ко времени его приезда был накрыт стол, застеленный всякий раз свежей скатертью, на заварном чайнике восседала расцвеченная шелковыми лоскутами матрешка, а на керамическом блюде лежала или стопка блинов, или возвышалась горка оладий.

– Умница, – одобрительно говорила ей соседка, занимающая вторую половину избы, – мужика прикармливать надо – тогда он ручным становится.

– Что вы, тетя Маша! – оправдывалась Катя. – У меня и мыслей таких нет, чтобы приваживать. Холодно-то как на дворе! С дороги-то горячий чай – в самый раз. А Саша, сами знаете, хлипкий и простуде податлив. Жалею я его.

– Ладно, ладно, жалостливая, делай как знаешь. Втюрилась ты в своего хлипкого без памяти – вот что тебе скажу. Добром бы все...

У Кати делались испуганными глаза, и она, затаив дыхание, спрашивала:

– Что вы знаете, тетя Маша, чего я не знаю?

– Может, знаю, а может, и нет. Только голубки вы разного полета – это точно...

Обычно, въехав на территорию питомника, Гадасин выскакивал из саней и заводил жеребца под навес, где он мог пожевать сена. После этого он не спеша шел к крыльцу избышки, тщательно

обметал веничком тулуп и валенки, а затем переступал порог уже открытой для него двери, за которой с шалью на плечах ожидала Катя.

Вместо того, чтобы сразу заключить в объятия любимую, распахнув тулуп, что ему очень хотелось, Гадасин старался вести себя сдержанно, солидно, раздевался не торопясь, сразу шел к столу и выкладывал из карманов какие-нибудь гостинцы: банки консервов или кульки с печеньем и конфетами. А Катя всякий раз всплескивала руками и говорила:

– Ну зачем тратиться, Саша? Я и так радехонька!

– Для уверенности, – бесхитростно отвечал Гадасин. – Так я без смущения лопаю твои вкусные блины.

Катя начинала суетиться, наливала чай ему и себе в большие фаянсовые кружки, которые принято называть семейными, и приговаривала:

– Чайник только что закипел, заварка свежая, как ты любишь. Заварной чайник я кипятком ополоснула и накалила на плите, как ты меня учил. А блинчики еще теплые – кушай на здоровьице!

Гадасин одним махом, наголодавшись за день, съедал с дюжины блинов, выпивал чай и начинал что-нибудь рассказывать. Говорил он много, в основном о себе, о студенческой жизни, о планах и стремлениях, о крушении надежд, о спасительной встрече с ней, Катей.

Слушая, слушая и слушая, Катя кивала головой, выражая согласие, хотя не понимала и половины из того, что говорил Саша. Но это было и неважно. Широко открытыми, восторженными глазами она смотрела на предмет своего обожания, внимая более его голосу, чем смыслу слов.

«Ах, как она понимает меня! – думал Гадасин. – Терпеливо выслушивает, не подсмеивается над моим идеализмом, не вступает в спор. Умна... Умна...» И вдруг ему сделалось как-то не по себе, когда подумал, что и рта не дает ей раскрыть, что, собственно говоря, он о ней ничего толком и не знает, а сам успел выплеснуть все, чем был переполнен. Ему стало совестно, и он впал в другую крайность – забросал ее вопросами. Он хотел все-все знать о ее прежней жизни с родителями, об интересах, увлечениях, мечтах, привязанностях и прочее-прочее. Он внимательно выслушивал простодушные ответы и сделал вывод, что она человек искренний, очень добрый, трудолюбивый и аккуратный, не говоря уже о том, что отличная стряпуха. Но наряду с этим его бросало в жар от ее лексикона, от незнания элементарных вещей.

«Она же совсем не образована!» – запаниковал Гадасин и однажды, прервав Катю, потребовал строго:

– А ну-ка повтори то, что ты сейчас сказала!

Растерявшись, покраснев, Катя повторила:

– Мой папа весь дом шикатуркой покрыл.

От этой «шикатурки» у Гадасина заломило зубы, как бывает, когда по дну кастрюли скребут ножом. Катя смотрела на него со страхом и сочувствием.

– Что-то не так? – спросила она.

– Еще как – не так! Шту-ка-тур-ка! Учиться тебе надо.

– Надо, – покорно согласилась Катя. – Только все у нас привыкли говорить по-своему.

– Отвыкай. Иначе засмеют тебя в городе.

– А я не собираюсь в городские, – нахмутив брови, с неожиданной твердостью ответила Катя. – Мне и тут хорошо.

– Да пойми ты, – смягчив тон, стал разъяснять Гадасин, – грамота всегда и всюду необходима человеку. Бывает, что от нее даже жизнь зависит. Приведу тебе банальный пример... Один из вассалов царя был приговорен к смерти. Положили его головою на плаху, палач поднял топор, но тут гонец приносит цареву грамоту, в которой написано... Я напишу сейчас его указание.

Гадасин вытаскивает из кармана блокнот и пишет: «Казнить нельзя помиловать».

– Теперь скажи, как бы ты поступила на месте палача?

– Господь с тобой, Саша! Да я и курице вреда не причиню!

– Я не об этом, Катя, – досадливо произнес Гадасин, – я тебя спрашиваю: какое распоряжение дал царь? Казнить или помиловать?

Катя изучала злополучную фразу, морщила лоб, хрустела пальцами и, наконец, беспомощно вздохнула и сказала:

– Я не знаю, Сашенька... Извини.

– Вот-вот! – торжествующе воскликнул Гадасин. – Палач тоже не знал. Все дело в том, что царь не поставил запятую. Помести ее за первым словом, и читается: «нельзя помиловать», а если за вторым, то – «казнить нельзя».

– Ой, и правда! – удивилась Катя. – Что же палач? Отрубил?

– Не отрубил, – успокоил Гадасин, обмякнув от досады.

– Хорошо-то как! – вздохнула Катя.

У Гадасина вдруг пропала охота вести дальнейшую беседу, он молча допил чай и, сославшись на какое-то срочное дело, уехал. По пути он нервно подергивался, как от озноба, и повторял вслух: «Ох и глупа она! Ох и глупа!»

Теперь же, сидя возле окошка и наблюдая за Любашей, он думал: «До чего все скверно, тоска...»

Незаметно для себя, склонив голову на руки, Гадасин задремал, и сразу перед ним возникла знакомая сельская улица в сугробах. Он старается пробраться в ее конец, где взывает о помощи

Катя, но увязает в снегу, барахтается, а улица каким-то странным образом разворачивается, становится поперек, и он натывается на стены домов. Он выбивается из сил, задыхается и, обессилив, падает. Он лежит и знает, что если встанет на ноги, то улица уже не будет чинить препятствий, но смысла идти уже нет, так как Катя мертвая. Он воспринимает это спокойно и радуется, что не нужно спешить, напрягать силы... Тут сон обрывается, он вздрагивает, вскинув голову, и думает: «Надо же, чтоб такая чертовщина при-снилась! Поеду-ка к Кате. Пора поговорить с нею, объясниться...»

Подойдя к сараю, Гадасин вспомнил, что жеребчик накануне охромел, потеряв подкову. Постояв, подумав, он развернулся и пошел к ветеринарному врачу Следкову, у которого была лошадь, грузная и медлительная, но за неимением другой могла сгодиться.

Жена Следкова, такая же грузная, как их лошадь, встретила Гадасина враждебно и сказала:

– Ваш дружок на работе. Скажите ему, что если в сей час не явится, то пусть там и ночует со своей лаборанткой.

– При чем тут лаборантка? – удивился Гадасин. – У нее муж есть – и не урод.

– Не урод, да чахоточный. А вы, мужики, – петухи, чужих кур любите. А вас заранее предупреждаю: если лошадь попросите, то не дам! Хватит, что одну уже околечили. И не стыдно вам, учителю, девушек молодых соблазнять? Чему же вы можете детей научить?

Гадасин стоял перед захлопнувшейся дверью, окутанный снежными вихрями, и думал: «Гром-баба! Несладко живется Следкову. Теперь непременно к нему пойду».

До ветеринарной лечебницы было с полкилометра, и, добираясь до нее, увязая в снегу, он невольно вспоминал свой недавний сон.

В лечебнице Следков был один, без лаборантки. Заглядывая в микроскоп, он цокал языком, хотя ничего особенного не обнаружил, а просто имел привычку нацокивать какую-нибудь песенку. Гадасину он обрадовался, тут же оторвался от дел и стал помогать стаскивать с плеч громоздкий тулуп. Выслушав рассказ гостя о недавнем приеме и о словах, которые было поручено передать, Следков рассмеялся и сказал:

– Выбрось из головы ее балаболство. Я не прочь и тут переночевать, если составишь компанию. Это лучше, чем выслушивать проповеди. Давай-ка для начала, с морозца, спиртика пять капель. А?

– Можно и выпить, – согласился Гадасин, – но по чуть-чуть. Хочу все-таки, с твоей помощью, добраться до лесопитомника.

– Это запросто. Возьмем заготскотовскую лошадку. Только стоит ли в такую «славную» погоду?

– Пора прояснить отношения. Поэтому стоит.

Следков внимательно взглянул на приятеля, покачал головой и предостерег:

– Боюсь, что оженит тебя девчонка. Эх, не повторяй мою глупость! Ведь и моя-то не всегда была такой, какую ты ее узрел. Она вроде твоей Кати была: и стройненькая, и наивненькая, и блинчиками покармливала, и чушь безграмотную несла. А что теперь? Видел, какая матерая баба? Она мне теперь: «Эй, антилегент, пойди-ка дров наруби да в хлеву прибери!» Для нее слово «интеллигент» – вроде как оскорбительная насмешка. Так что, «думай, Федя, думай!» Мы с тобою, Саша, как инопланетяне в этой чертовой дыре, и нет тут подруг нашего роду-племени. Убегай в город, пока не поздно, а то затянет и тебя трясина.

Гадасин промолчал. Но после того как выпили и закусили солеными огурчиками, припасенными Следковым, он ткнул пальцем в левую половину груди и спросил:

– А как же с этим быть?

– Э-э, дружище, не стоит полностью доверяться чувствам, чтобы не остаться в дураках. Сегодня у тебя одно в душе, а завтра все может быть по-другому.

– Право, не знаю... не знаю... Я ведь каждый вечер ездил, а тут вдруг захандрил и уже неделю у нее не был. А ехать надо, иначе прослышу не дураком, а трусом и соблазнителем, как определила твоя жена. То, что Катя не богата грамотенкой – это не ее вина. Знаешь, мне даже стыдно, что я замучил ее своими придирками и вопросами, на которые она не способна была ответить. Подленько это... Не могу и не хочу продолжать в том же духе. Я обязан руку ей протянуть.

– Дело твое. Только потом будешь всю жизнь мучиться.

– Почему мучиться? Мы любим друг друга, а это главное. Устрою домашний лекторий, научу грамоте, вложу знания.

– Ну-ну, идеалист, вкладывай... Если хочешь, приложись еще к пузырьку, а я пошел запрягать лошадь.

Через полчаса Следков пригнал санную повозку, набросал в нее сена, чтобы теплее было в пути, и посоветовал:

– Больше доверяй лошадке, особенно на обратном пути. В этой круговерти она сама притащит тебя к родной конюшне.

Гадасин плюхнулся в мягкое сено и тронул поводья. Кобылка была молодая и пошла резво, разбрасывая рыхлый снег. Мимо замелькали низкие дома, похожие на сугробы, затем ветлы возле реки и щетинистые лозняки. Далее ничего не было видно. Вьюга бесновалась и выла на разные голоса.

По мере приближения к лесопитомнику Гадасина с новой силой захлестнули угрызения совести за проявленное малодушие в течение последней недели. Он убеждал себя в том, что Следков из-за неудачно сложившейся личной жизни сгущает краски и не способен предположить возможность иного развития взаимоотношений, отличающихся от его печального опыта. Зачем отказываться от любви из-за страха перед непредсказуемым будущим? Почему нельзя сделать его предсказуемым, приложив для этого необходимые усилия? Неужели нельзя, несмотря на различие в образовании и уровне мышления, построить семейную жизнь на взаимном уважении, сделать ее чистой, нравственной, чуждой болезненной тоске по идеалу? Нужно только поставить перед собою цель и набраться терпения. Хватит ли только терпения у него? Должно хватить, так как отступить уже поздно, он слишком далеко зашел, дав волю своей неумной страсти... А что будет, когда страсть иссякнет? Тогда основой должна стать душевность отношений, тепло, забота...

Так думал Гадасин, терзая себя вопросами и ответами на них, страшась подсознательно предстоящей женитьбы.

Между тем, лошадка хорошо знала дорогу и уверенно бежала вперед, чуя близость жилья, которое вдруг неожиданно вынырнуло из мглы всего в каких-то двух десятках метров.

По сельским меркам время было уже позднее, около девяти часов вечера, но из окон избышки струился слабый свет, скрадываемый плотными занавесками. Наверное, Катя задернула их, потеряв надежду.

Гадасин подъехал вплотную к крыльцу и привязал повод к столбу. Некоторое время он стоял как замороженный, облокотясь на перила, словно чего-то выжидая, потом медленно стянул с руки перчатку. Он оттягивал миг свидания и, затаив дыхание, прислушивался. Но в доме царил тишина, не было слышно хлопанья внутренней двери и торопливых шагов.

Со странным чувством неуютности Гадасин постучал костяшками пальцев в заледеневшую дверь и замер в ожидании. Выждав минуту, он постучал вновь. Наконец до него донеслись чьи-то охивздохи, тяжелая поступь и настороженный голос:

– Это вы, Александр Петрович?

– Я, тетя Маша.

Они прошли в комнату. У тети Маши было заспанное лицо, и она, зевнув, сказала в оправдание:

– Задремала я, вас дожидаетесь. Третью ночь жду и свет боюсь потушить, чтобы вы не развернулись от темных окон. Письмо вам от Кати.

– Что за письмо? – растерянно спросил Гадасин. – А сама-то она где?

– Может, из письма и узнаете, а я не ведаю, – отчужденно ответила тетя Маша и нехотя предложила: – Если хотите, то я чайник на огонь поставлю.

Отказавшись от чая, наследив на полу, Гадасин прошел к светильнику, развернул письмо, сложенное треугольничком, и прочитал: «Здравствуй, любимый, и прощай! Сердце у меня разрывается, но я уезжаю. Не пара я тебе. Не поминай лихом свою Катю. Напоследок целую тебя». За этими словами следовал отпечаток губ, хотя Гадасин знал, что она никогда не красилась. Далее следовала приписка: «А я научилась ставить запятые. Заметил?»

Снова бежала лошадка по заснеженной дороге, бежала резво и уверенно, всхрапывая и втягивая ноздрями воздух, чуя приближение родной конюшни. Опустив вожжи, вобрав голову в высокий воротник из овчины, Гадасин полулежал в санях и старался забыть-ся. Он не испытывал радости от освобождения. А вокруг бесновалась и выла вьюга, словно хоронила кого-то.

ХОЛОСТЯК

Пустыльников проснулся рано. Беспокойная жизнь строителя и болезнь, возникшая год назад, выработали в нем привычку просыпаться в один и тот же час и даже в одну и ту же минуту. Неприятный внутренний толчок прерывает его тяжелый сон, и он, приподняв голову с подушки, морщится от горечи во рту и начинает кашлять. Кашляет он долго, утомительно, надрывая грудь. Его желтое лицо делается пунцово-красным, и он садится на кровать, опустив ноги в валенки.

Обычно к утру в железной печурке прогорает уголь и в вагончике становится холодно. Можно было бы встать ночью и подбросить угольку, но нет желания вылезать из-под толстого ватного одеяла, перебить и так хрупкий сон, и потом мучиться до самого рассвета. Нужно экономить силы для напряженного рабочего дня.

Вот уже шесть лет, как Пустыльников начальствует в пустоши сибирских земель, строя железную дорогу. Он живет без семьи, похлостяцки неряшливо, не желая лучшего, не жалуясь на настоящее. Да и зачем? Он уже отвык от бывшего уюта ленинградской квартиры, похоронил надежду на возврат прошлого.

Откашлявшись, отдышавшись, Пустыльников накидывает на плечи полушубок и идет к окну. Он смотрит, как метет по улице поземка и замечает вчерашние следы от саней, как с восточной стороны надвигается на село туман и дым из труб прижимается к земле.

«Будет буран», – думает он равнодушно и вдруг вспоминает, что ему необходимо сегодня ехать в районный центр на почту.

Пустыльников зябко ежится и идет к печке. В ней еще тлеют угольки, и поэтому несколько сухих поленьев быстро занялись огнем.

Стараясь прогнать беспокойные мысли, Пустыльников принимается готовить себе завтрак. Вскоре закипает вода в чайнике и в кастрюле, в которую он высыпает из кулька замороженные, похожие на белые камешки, пельмени. Хлопоча у плиты, ожидая, когда пельмени всплывут, помешивая их ложкой, он с удовольствием вдыхает аппетитный запах и думает о том, как хорошо, что сегодня выходной и можно никуда не спешить. Он любит такие дни, любит эти мелкие заботы о самом себе. Завтракает он неторопливо, медленно двигая челюстями, глотает большими глотками чай, закрывая при этом глаза.

Позавтракав, Пустыльников сваливает грязную посуду в раковину. Днем сюда придет тетка Елизавета, перемоев кастрюли и тарелки, сделает уборку и уйдет, оставив кулек с очередной порцией пельменей. Напоследок она, возможно, опять скажет: «Помирились бы с женой. Или бабу себе заведите, что ли?» А он ей тогда ответит: «Не поедет ко мне жена – очень обидел ее. А заботы мне хватает и твоей, Елизавета».

Махнув рукой, словно прогоняя неприятные мысли, Пустыльников усаживается за рабочий стол, достает бумагу, кладет ее перед собой, разглаживает, хотя она и так гладкая, и надолго задумывается. Лицо его начинает приобретать болезненное выражение, и он, наконец, пишет: «Коленька, дорогой сынок, здравствуй!»

После этой фразы он опять впадает в задумчивость, но ничего более не может добавить к написанному. Воспоминания вытекают из общего потока мыслей и не дают сосредоточиться. Да... шесть лет назад он был, кажется, счастлив. Тогда откуда-то приехала голубоглазая женщина, сестра жены, и жизнь его повернулась так, как он никогда и не мог предположить... Он ходил с ней по улицам Ленинграда, показывая город, а она вела себя как-то странно и, когда они вернулись к дому, вдруг схватила его руку, прижала ее к своей груди и с отчаяньем произнесла: «Ах, зачем я сюда приехала?!».

«Да, действительно, какие черти ее притащили? – думал Пустыльников. – Повидаться с сестрою? Посмотреть, как она живет? А он? О чем думал? Просто поддался напору этой пустышки и потерял семью...»

Печальным взглядом больших совиных глаз Пустыльников скользит по предметам, находящимся в вагончике, и останавливается на фотографии в самодельной деревянной рамке, из которой прямо ему в лицо смотрят жена и двухгодовалый сын. Почувствовав, что у него перехватывает дыхание, Пустыльников нахмуривает брови и отворачивается. Теперь взгляд его задерживается на второй кровати, на которой еще недавно спал молодой специалист, мастер путеец, чересчур любопытный и задающий слишком много

вопросов. По этой причине пришлось от него избавиться, дав комнату в общежитии.

Как бы оправдываясь, Пустыльников произнес вслух: «Не надо было совать свой нос в чужую жизнь».

И все же он чувствовал, что к этому парню он испытывает отеческие чувства. Это его раздражало. Рассердило и теперь.

«Завтра же распоряджусь, чтобы унесли кровать», – решил он. Пустыльников вновь выглянул в окно: поземка уже замела следы, и, судя по всему, ветер усилился. Он взял с подоконника ободранное зеркало и стал рассматривать свое лицо. Ничего хорошего: вид нездоровый, под глазами отеки, как с похмелья. Надо бы заняться собой, но некогда. Даже когда ему бывает совсем худо, он не остается в постели, а просиживает весь день в конторе в полушубке и шапке, отдавая распоряжения. К нему приходят, выслушивают его и уходят, и никто не поинтересуется о его самочувствии. Он сам к этому всех приучил, отвечая грубостью на обыкновенное человеческое участие. С годами у него даже выработалось убеждение, что между людьми должны быть только деловые отношения, а все прочее – сентиментальность и фальшь. Пусть попробует кто-нибудь поговорить с ним об обыденном, поделиться мнением – он ядовито усмехнется и скажет: «Праздная тема. Оставьте ее для других».

Он знает, что его не любят, но боятся и считают справедливым. Это его устраивает. А на сплетни за его спиной о второй кровати ему наплевать... Но все же надо ее убрать к чертовой матери!

Пустыльников снова подходит к столу, водит глазами по бумаге и бормочет: «Коленька, дорогой сынок, здравствуй!» Но далее мысли разбегаются и сосредотачиваются на другом, идущим изнутри, и он долго, надрываясь, кашляет.

«Допишу на почте», – решает он уныло и, несколько успокоенный, прячет начатое письмо в карман.

Через некоторое время за ним заезжает уазик.

По заметенной дороге машина продвигается с трудом, а Пустыльников часто покашливает, прижимая к груди руку, и косится на водителя. Но у того невозмутимое лицо, он весь поглощен управлением автомобилем. Однако Пустыльников не верит в его безразличие и, словно читая чужие мысли: «В больницу бы его!», отвечает: «Хрен вам! Не дождутся мыши, чтобы кот сидел на крыше».

Они едут вдоль железнодорожной насыпи, полузанесенной снегом, подъезжают к карьеру, где несмотря на выходной день работает экскаватор. От него бежит человек и машет рукой. Это начальник колонны Скворцов. Он садится в машину и докладывает о ходе работ. Пустыльников молчит и, не мигая, смотрит вперед.

Слушает ли он – или думает о своем? Скворцов замолкает и откидывается назад, но затем вспоминает о последней новости, наклоняется к уху Пустыльниковова и говорит:

– А вы знаете, что Крайнев погиб?

В его голосе звучит недоумение, сожаление о потере хорошего человека.

– Знаю, – коротко бросает Пустыльников.

Крайнев когда-то был близок ему, они вместе работали на Севере. Он был единственным человеком, посвященным в семейную историю Пустыльниковова, и это дало повод к неприязни, к разрыву дружеских отношений. Когда Крайнев появился в этих краях, Пустыльников встретил его враждебно. Теперь он ищет в себе чувства жалости – и не находит. А Скворцов продолжает:

– Знаете, как все произошло? Ведь он пешком отправился на второй участок во время последнего бурана и, не дойдя...

Пустыльников резко разворачивается лицом к Скворцову и прерывает его с досадой в голосе:

– Оставьте, пожалуйста! Меня вовсе не интересуют подробности!

Возле разъезда Скворцов вылезает из машины и с недоумением смотрит ей вслед. А Пустыльников в это время думает: «Погиб – значит, судьба. И кому какое до этого дело?»

– Смотрите! – восклицает водитель, указывая на надвигающиеся снежные смерчи. – Может быть, вернемся?

Пустыльников отрицательно качает головой и показывает рукой вперед.

В бок машины порывисто ударяет ветер. Он несет густую массу снежной пыли, сквозь которую с трудом угадывается направление дороги. Выручают верхушки кустов, торчащие вдоль обочины из-под наста. Но и при этом машина часто теряет колею и увязает в толще снега. Приходится выходить и отвоевывать несколько метров дороги.

Пустыльников захватывает горсть снега и прикладывает к вискам. У него начинается жар и, время от времени, в глазах мечутся сверкающие звездочки. Он думает: это от истощения, от недостатка витаминов. Летом, когда припекает щедрое солнце, он чувствует себя намного лучше. Но до лета нужно еще дожить. А если он вдруг умрет, то останется его сын Коленька, его частица...

Наконец впереди показывается село, и вскоре автомобиль въезжает на широкую улицу.

Сгорбясь, Пустыльников входит в тесное помещение почты, садится за стол, разравнивает сложенный вчетверо лист бумаги и читает то, что написал утром: «Коленька, дорогой сынок, здравствуй!», и опять ничего не может добавить к написанному.

«Если бы только не жар и стук в висках... – думает он, морщась. – Хорошо бы сейчас попарить ноги и попить горячего чая».

«В следующий раз напишу», – неуверенно говорит он сам себе, устало поднимается и идет к стойке переводить деньги.

Снова с большим трудом пробирается машина по занесенной дороге. Пустыльников, как и прежде, надывается от кашля, но уже ни о чем не думает, желая только тепла.

ОПАСНОЕ ДЫХАНИЕ

Пукин дышал мне в спину. Он дышал учащенно, словно запыхался в беге. Я знал, что сейчас его нижняя челюсть отвисла, рот округлился, а легкие общаются с окружающей средой, минуя промежуточное звено, называемое носом.

Так дышать он стал недавно – с того дня, как началась перестройка и вступило в действие положение о выборности на руководящие посты.

– Ты плохо кончишь, Пукин, – говорил я ему. – У тебя такой солидный агрегат выше рта, а ты им пренебрегаешь.

Но он, дьявол, был весьма находчив.

– У меня в носу сместились перегородки, – объяснял Пукин. – С верхней полки упала книга и угодила в нос.

Если он не врал, то долбануть его мог только увесистый том «Капитала», так как в последнее время он блистал афоризмами по экономическим рычагам, а меня подбивал идти в обход инструкций.

– Сбрось с себя, Сан Саныч, эти бюрократические вериги, – советовал Пукин. – Они уже всех завели в тупик.

Хитер, прохвост! Но меня, старого волка, такой дешевкой в капкан не заманишь. Инструкция, как была, так и будет панацеей от беспорядка. Без нее – анархия и хаос. Сам-то он ничего не нарушает и от самостоятельных решений увиливает, хотя ему как заму я позволяю некоторую свободу. И лазейку выискал – все перефутболивать совету трудового коллектива. Млеет от удовольствия, стервец, что обуза решений легла на плечи масс. А свои-то плечи – приниженные, сутулые, словно фокусник, вывернул наизнанку.

Грудь колесом, и чуть что – летит этаким гоголем-моголем на трибуну побрызгать демократической слюной. Пробудилась, видите ли, в нем после долгого сна «Спящая красавица» Гласность и запела панихиду анкетному отбору административно-командной породы, и пролила потоки слез над жертвами догмата, сидящими в зале.

У меня было такое впечатление, что кто-то ненароком огрел его по голове деревянной колотушкой и разбудил. Ах, Пушкин! Задал ты мне загадку, как взрыв тунгусского метеорита. Я ведь хорошо помню недалекое прошлое, когда ты говорил совсем иное... Не твои ли это слова: «Все наши беды от слабости. Нам нужны сильные личности. Нам нужна отеческая порка»? Выпороть бы тебя теперь... И оратор ты невпечатляющий. Посмотрел бы на себя со стороны: рыба с открытым ртом, выпрыгнувшая из привычной среды на берег.

...Между тем, несмотря на занятость мыслей, меня стало тревожить то, что происходило за окном автобуса, на котором я и Пушкин пробирались по зимнику. Налетел снеговой заряд, и все скрылось за сплошной круговертью. Дорогу катастрофически переметало.

Я оглянулся на Пушкина. Его лицо показалось мне безучастным, и только отвисшая челюсть слегка подрагивала.

Какого черта он уселся за моей спиной? В автобусе – я да он. Ну и сел бы в другом ряду. Так нет же, за спиной пристроился. Вид, что ли, делает, что признает субординацию, или глаза прячет? Во всяком случае, это не очень приятно, так как все время ощущается его дыхательный напор. Дует, как Соловей-разбойник. Но меня ему не сдуть! Однако понимает, наверное, что демократия демократией, а единоначалие еще не сыграло в ящик. В социальных преобразованиях так же, как и в техническом прогрессе, путь от идеи до воплощения тернист и долог. А на тернистой тропе нетрудно и шею свернуть...

И все же, смахивая с затылка конденсат от испарений Пушкина, я чувствую, что со мною что-то происходит. Что-то похожее на необратимый процесс формирования стимула к самореорганизации.

Ах, Пушкин! Ты невольно напоминаешь мне о современных требованиях. Но именно поэтому зря на что-то рассчитываешь. Башка у меня работает и шея крепкая, мы великолепно самоокупаемся! А тебя это бесит. Оттого и дышишь как гончая. У меня в молодости, когда я увлекался охотой, была гончая. Она после травли зайца дышала так же часто и горячо, как ты. Слава Богу, Пушкин, что язык у тебя не свисает набок, как у той псины. Уж лучше бы ты, как раньше, посвистывал носом. Мало, конечно, приятного в тех трелях и фугах, но зато миролюбиво звучит.

– Пушкин, дыши носом, – прошу я его вслух.

– Рад бы, да не могу, – отвечает он из-за спины. – Перегородки в носу перестроились.

– А жаль, – замечаю я. – Дышать ртом рискованно.

А сам подумал: «Черт с тобой, дыши как хочешь, хоть подавись, осел упрямый!» И я хорош, чулим безмозглый: поддался на уговоры этого чучела и поперся по зимнику. А все для того, чтобы выпустить на трибуну этого коростеля. Как это он последний раз говорил: «Гребень девятого вала перестройки сокрушительно обрушится...» Вот стервец! Наверное, на меня намекал. Или: «Мы взяли в руки путеводную нить Ариадны и выбрались из лабиринта застоя». Тут уж явно не обо мне речь. Куда не следует – не залазил, так что и выбираться нет необходимости.

– Скажи, Пушкин, – не выдержал я, – что это ты всюду рвешься поцицеронить?

– Э-э, уважаемый Сан Саныч, – охотно затянул Пушкин, заглотив слюну, – народ-то у нас хоть и ученый, а не-зрелый. Социальное самосознание ни-и-зкое. Он и демократией-то не умеет пользоваться. Не при-учен! Поэтому, чтобы легче было дом перестраивать, нужно в него поселиться перед этим. Проповеди нужны! Особенно в наших организациях, где творческие печенки у людей напрочь отбиты.

– Это почему же?! – возмутился я.

– Э-э, милейший Сан Саныч, вы не обратили разве внимания на ребят с квадратными лбами? Это не лбы, а экраны идей! А сидят они на своих пьедесталах как архитектурные наросты, не имеющие никакой функциональной нагрузки в техническом прогрессе.

– Это функционально-функционерная чушь, мать твою проповедь! – отрезал я.

От того, как звонко клацнули у Пушкина зубы, я понял, что моя смачная фраза возымела действие.

В этот момент что-то клацнуло и под автобусом. От резкого толчка Пушкин достал своим лбом мой затылок. У меня перед глазами запрыгали зайчики.

– Приехали! – сказал водитель. – Поймали пень. Дороги нет!

– Какие будут предложения? – поинтересовался я.

– Километрах в пяти-семи есть поселок, – ответил водитель. – Я пойду за помощью, может быть, трактор пригоню. А вы ждите.

– Я ждать не хочу, – сказал Пушкин. – В поселке, наверное, банька есть и прочее. А тут только зубодробин.

– Оно что идти, что оставаться – один бес, – согласился я. – Снега по брюхо, но зато, если доползем, сократим время грустных раздумий.

Двинулись гуськом по корыту дороги, заполненному рыхлой кашицей. Впереди, пробивая целину, пошел водитель. За ним я, а

Пукин – за моей спиной. Ему хоть и идти было легче, но все равно задышал как допотопный паровоз.

– Вот что, Пукин, – сказал я строго, – нужно беречь силы и здоровье. Закрой рот и дыши носом, если хочешь попасть в баню и попить молока.

Но Пукин не вразумел здравому совету и продолжал пыхтеть на свой лад.

Так мы шли, казалось, целую вечность. Обессилив, падали, но поднимались и опять шли. Обещанные водителем пять-семь километров мы повторили не менее трех раз. До места добрались только к полуночи.

Пукин, как только вошли в дом, обнял печь и начал нехорошо кашлять. К утру у него поднялась температура под сорок. С большим трудом, побегав по поселку, мне удалось вызвать санитарный вертолет.

Но пока вертолет летел, Пукин помер.

– Осмотрите у покойного нос, – попросил я прилетевшего доктора. – На месте ли в нем перегородки?

Доктор удивился, но взял пинцетик и заглянул Пукину в ноздри.

– Нос впечатляющий, – сказал он. – Тяга была отличная.

Тогда я сокрушенно воскликнул:

– Ах, Пукин! Я же предупреждал тебя – дыши носом!

ТЕРПЕНИЕ

В одной из комнат коммунальной квартиры было так тихо, что слышалось, как жужжит и бьется о стекло муха.

Машенька, девочка лет восьми, сидела на кушетке и широко открытыми глазами смотрела перед собой на стенку. Раскрытая книжка с цветными картинками, которая лежала у нее на коленках, была забыта. Там, в соседней комнате, происходило что-то непонятное и ужасное. Оттуда доносился зловещий шепот дяди Жоры, мягкие приглушенные звуки ударов и хлипкие вздохи тети Наташи.

Крупная капля пота сбежала у Машеньки со лба и упала на страницу книги. Сжавшись в комочек, она думает: «Мой папа никогда не бьет маму. Почему же дядя Жора бьет тетю Наташу?»

Машенька соскакивает с кушетки и не замечает, что книга падает на пол. Она ходит от окна к двери, страдает, прижимает к груди кулачки, не зная, что же ей делать. На мгновение она задерживается у окна и бросает взгляд на улицу, где как ни в чем не бывало бегут автомобили и спешат прохожие. Все внизу обычно... На перекрестке, как всегда, стоит милиционер... Может быть, позвать его?

Набросив на голову шарф, Машенька выбегает в коридор, но услышав громкий вскрик, отчаянно стучит в соседскую дверь и заглядывает в замочную скважину. Она видит, как долговязая фигура дяди Жоры испуганно отскакивает от съежившейся жены, как тетя Наташа смахивает слезы с распухшего лица.

Пригладив на голове растрепанные волосы, пихнув ногою под стол пустую бутылку, дядя Жора открывает дверь. Его бесцветные глаза с беспокойством смотрят на Машеньку, а правая щека подергивается.

– У вас несчастье? – спрашивает девочка, заглядывая за спину хозяина.

– Тс-с... – тетя Наташа прикладывает к губам палец и кивает в сторону ширмы, за которую спят маленькие дети.

– Иди, иди к себе. Нечего тут делать, – говорит дядя Жора.

Машенька с ненавистью, не сводя глаз, смотрит ему прямо в лицо и говорит с неожиданной храбростью:

– А вот и есть что!

К ней подскакивает тетя Наташа, хватая за руку и уводит. В комнате у Машеньки они садятся на кушетку, прижавшись друг к другу. У Машеньки блестят слезы, и она шепотом спрашивает:

– За что он вас бьет?

– Деньги требует, а я не даю. Как жить-то, если он все пропишет? А у меня осталось-то на молоко да хлеб детишкам. Пусть бьет, а я не дам!

– А вы убежите от него, – советует Машенька.

– Глупенькая, куда же я побегу с малыши детьми? Где жить-то? – говорит тетя Наташа и, вздохнув, добавляет: – Однако пойду я, а то он совсем разъярится.

Машенька обнимает ее, целует и говорит гневно:

– Если он еще хоть раз вас ударит, я... я милиционера позову!

– Господь с тобой! И не вздумай! – испуганно восклицает тетя Наташа.

Она уходит. В комнате становится тихо-тихо. Только по-прежнему слышно, как жужжит и бьется о стекло муха.

Машенька сидит неподвижно, зажав ладошки коленками, и думает: «А я все равно убежала бы, хоть куда...», – и много еще всяких мыслей и вопросов вращается в ее головке. Она хмурится, пытаюсь найти решение, и не сразу замечает, что за стеной опять неладно. И когда снова раздаётся негромкий всхлип, Машеньку охватывает отчаяние и она выбегает на улицу...

Возвращается Машенька с милиционером, и ей делается очень страшно, когда она думает, что он может вытащить из кобуры пистолет и начать стрелять. В то же время, Машенька была не против того, чтобы милиционер выстрелил в дядю Жору.

Когда они оказались в комнате, тетя Наташа зажмурила глаза, чтобы ничего не видеть, а когда открыла их, то вдруг сделалась ужасно злой, взвизгнула и закричала на Машеньку:

– Мерзкая! Гадкая! Убирайся отсюда!

Машенька в ужасе выскочила за дверь, вбежала к себе, упала лицом вниз на кушетку и громко зарыдала. Ей было очень обидно, что ее назвали мерзкой и гадкой. Ведь она желала всем только хорошего.

ДРАМА

Бытовая сценка

Началась эта история с того, что он пришел со службы не в шесть часов, как обычно, а в начале десятого вечера.

Не успел он переступить порог, как перед ним возникла возмущенная жена.

– Где это ты опять шлялся? – спрашивает. И тон у нее такой властный, всезнающий, что соврать, конечно, невозможно.

– Почему – опять? И почему вдруг – шлялся? – невинно удивляется он. – Я, Манечка, у твоей подруги Шуры был. Иду мимо, а она кое-что из мебели привезла. Ну я и помог распаковать да таскать. А пока таскал, она стол накрыла и соточку налила. Что же тут преступного?

– А-а! По рюмкам ходишь-собираешь? – и хлоп, хлоп ему по щекам.

В руках он держал кулек с лимонами, так она схватила его – и хлоп об пол.

– Ли-мо-о-нами думал откупиться, мерзавец!

Эту супружескую разборку я прекрасно слышу из своей комнаты, и терпеливо жду ее окончания, чтобы продолжить свои занятия. Но не тут-то было!

Как нарочно, он ей ни слова больше, так как чувствует свою правоту и старается показать презрение к базарщине. Молча раздевается, молча проходит мимо нее. Это ее еще больше взорвало. Вдруг как завизжит.

– Ты куда наступил?! Куда ты наступил, спрашиваю?!

«Ну, – думаю, – там возле двери у них всегда кастрюля с супом стоит, так он, наверное, с перепугу в нее угодил».

Нет, видимо, не в кастрюлю, так как парирует:

– А ты, Манечка, ходи и показывай всякий раз – куда какую ногу ставить.

После этого минуту-две только и слышалось: «Бух-бух! Трах-трах!» Прибегает он и меня зовет.

Вхожу. Мамочка моя, в комнате словно после землетрясения! Все разбросано, перевернуто, разбито, ребенок в люльке от крика захлебывается.

– Вот видите, – говорит он, – всегда так. А потом идем и заново покупаем.

А она в ответ:

– Не пойду я больше с тобою, ирод, покупать! – упала лицом на кровать и рыдать стала. Громко и жалобно рыдает.

Он посмотрел на меня многозначительно и говорит:

– Вы на ее слезы внимания не обращайтесь. Хитрая бестия, притворяется. Хочет, чтобы вы на ее сторону стали.

А она, хоть и рыдает, а все слышит. Поднимает лицо и, на удивление, чуть ли не басом:

– Издева-аешься, ирод? И зачем я за старика замуж вышла?

Тут и я удивился. Какой он для нее старик? Всего на пять лет старше. Сразу видно, что не знает, чем его уколоть еще.

А он обиделся. Когда она по щекам его хлопала, то не обижался, а за «старика» – вот те на!

– Ах, так? – говорит. – Тогда я тебе не пара.

И у меня спрашивает:

– Знаете, зачем я вас позвал?

– Нет, – говорю, – не знаю.

– Тогда знайте: хочу, чтобы вы свидетелем были всего безобразия, которое она здесь натворила. Вы еще не видели, на что она способна. Она у Стебелева на голове колбу с кислотой разбила.

Эх, как вскочит она с кровати!

– Негодяй! – кричит. – Не знаю, что я сейчас способна с тобой совершить! Перед чужими людьми меня позоришь? Я тебе покажу, как детей сиротами оставлять! Я сама тебя брошу! – схватила ребенка из кроватки и стала его в одеяло заворачивать.

«Ну, – думаю, – далеко конфликт заходит, нужно их как-то мирить». Подхожу к ней, уговариваю, внушаю, что нужно быть выше мелочей. А она в ответ:

– Какие это мелочи, если он мою молодость погубил? Вот уйду – пусть его совесть за ребенка мучает!

Заволновался он, руки дрожат, боится, что она действительно уйдет, но старается казаться равнодушным и говорит:

– Иди, иди... Отдохну хоть от твоих фокусов.

Задумалась она и вдруг подскочила к вешалке, схватила пальто и – шмыг из комнаты. Только из коридора уже крикнула:

– Легкой жизни захотел, подлец? Сам ребенка воспитывай!

Посмотрел он грустно на младенца и спрашивает:

– Что же мне делать с ним?

– В ясли отдайте, – отвечаю, – или няньку наймите.

Он кивнул головой и стал разворачивать ребенка. Только успел развернуть, как стук в дверь.

Врывается она в комнату, подскочила к ребенку и как завопит:

– Ты зачем его развернул, изверг? – схватила ребенка и норовит удрать.

Тут он не выдержал, бросился к ней, не пускает, а она отбивается люто, дернула его за рубаху и оторвала половину с рукавом.

Убежала она, а он плачет и меня упрекает.

– Что же вы, – говорит, – стоите как столб? Почему не помогли удержать ее?

Рассердился я и говорю:

– Мало она вас, дурака, била. Пойду-ка я спать, а вы сами тут разбирайтесь.

Зажег я настольную лампу, положил повыше подушку на кровати, лег на спину вразвалочку, и подумал: «Хорошо одному жить – наслаждение!» Только я стал после этих мыслей засыпать, как слышу, что за дверью сосед покашливает. Покашлял, покашлял и спрашивает:

– Вы не спите еще, Алексей?

– Сплю, – отвечаю.

– Ну, спите тогда, не буду вам мешать. Я пришел извиниться и сказать, что согласен с вами: мало она меня, дурака, била. Пора все это кончать... – потоптался он еще немного и ушел.

На другой день прихожу с работы, а он на кухне сидит, меня дожидается. На лбу у него шишка величиной с грецкий орех.

– Вот она – черная неблагодарность! – говорит он и на лоб показывает. – Я для сына пеленки принес, а она меня сковородой. Как думаете – пойти мне на медэкспертизу или сразу в милицию?

Мне его жалко стало, и я советую:

– Лучше компресс содовый приложите. Рассасывает...

– Я и сам это знаю, – говорит, – но ничего прикладывать не буду. Хочу эту шишку пока сохранить.

Вдруг в наружную дверь постучал кто-то. Тук... тук... Тихо тукает, незнакомо. Смотрю на соседа вопросительно, а он на меня. Значит – никого не ждет.

Иду и открываю. Она!

Не успел я опомниться, как она уже мимо проскочила, а он тут же побежал вслед.

Слышу, что ходит она, дверками шкафов хлопает. Видимо, вещи собирает. А его не слышно. Значит, думаю, наблюдает. Потом подошла к двери из комнаты, открыла и вдруг спрашивает:

– Можно мне одну ночь на кухне переночевать?

«Ну, – удивляюсь, – и фокусы-мокусы!»

А он самодовольно, небрежно отвечает:

– Я так и знал, что этим все кончится. Слабо стало?

Лучше бы он этого не говорил!

Сиганула она обратно в комнату и давай все крушить. Бросился он в ужасе вон, глянул на меня безнадежно, выскочил на лестничную клетку и затарабанил в первую попавшуюся дверь. Шуму наделал много, а что толку? Ее тут же и след простыл.

Потом он весь вечер не мог успокоиться, ходил по комнате и все прятал, что она могла бы еще изломать. Поснимал портреты, ковер свернул в рулон, шкаф к стене зеркалом повернул – словом, основательно подготовился к новому нашествию. Но чуть только внизу парадная дверь хлопнет, так он бледнее смерти становится.

Я советую ему:

– Возьмите себя в руки. Давайте порядок наведем – я помогу.

Но он возражает, не хочет убирать.

– Нет, нет! Что вы? Пусть все так и лежит. Так нужно.

А зачем, спрашивается, нужно? Я пожимаю плечами и ухожу. Не утешать же мне его?

На этом и закончилась семейная драма. Или – трагикомедия?

На другой день они помирились. Как это произошло, я не знаю. Я в это время был на свидании со своей девушкой Мариной и говорил ей: «Мы с тобой совсем разные люди. Расстанемся...»

НА ЯМБУРГЕ

Очерк

Безмолвна сибирская тундровая пустыня, безлика в зимнем однообразии. Скована она сорокапятиградусными морозами, засыпана полутораметровой толщею снега. Не определить, где под холодным панцирем покоятся болота, где озера и твердая суша. Только омегоподобные извивы рек обозначены расплывчатым узором на поверхности белого полотна. Вдоль этих речных пойм местами проглядывает щетина кустарника и карликовых деревцев. Там зарываются белые куропатки, прячась от холода, обитают зайцы да рыскают песцы в поисках пищи. Там на сотню километров нет ни деревушки, ни единой человеческой души.

Тем большее удивление вызывает внезапное появление перед взором одинокой брандвахты, ее три десятка ярко светящихся окон. Благодаря чьей-то находчивости она удобно приютилась на речке Нюдя-Монгото-Эпока под крутым яром, защищающим ее от студеных северных ветров.

На небольшом расстоянии от брандвахты разрыт снег, темным пятном выделяется обнаженная торфяная земля, торчат стрелы гусеничных кранов и экскаваторов, вспыхивают зайчики сварки. Нарушая безмолвие, далеко разносится натруженный рокот двигателей. Люди работают, несмотря на лютый мороз. Не выдерживает леденящей стужи металл, рассыпаясь от удара как стекло, а люди выдерживают. Значит так нужно, есть цель, есть интерес.

Холодно, очень холодно, а на брандвахте тепло. Здесь полная автономия, и самое высокое начальство – это бригадир и мастер. Тут, как нигде, царствует принцип самоуправления. Круглосуточно тарахтит электростанция, кипят электрокотлы, создавая тепло, а на

строительстве причала будущего речного порта круглые сутки идет работа, непрерывно меняются рабочие смены. В любое время, будь то день или ночь, на брандвахте не затухает активная жизнь. Кто-то готовится ко сну, кто-то уже видит седьмой сон, а остальные занимаются чем-нибудь в комнате досуга или в спорткомплексе. Те же, у кого в полночь перерыв на обед, садятся в комнате приема пищи за столы, а у других в это же время может быть ужин или завтрак. Столы всегда накрыты, на них стоят блюда с горками пирожков и булочек, испеченных поварихой Анной Моисеевной, а на электроплите всегда стоят два чайника: один с кипятком, а другой с какао. Так что, проработав на морозе час, можно прийти и попить горяченького. Можно и в любое время зайти на кухню и зачерпнуть из котла теплых щей или взять порцию второго.

Обычно утром, в одно и то же время, бригада собирается в комнате досуга. Обсуждаются дела производственные и дела житейские. Бригадир Матюкевич Василий Иванович открывает свой еженедельник, смотрит, что запланировано на очередные сутки, и выдает задания. Тем, кто свободен от смены, поручается или помогать на кухне – чистить картошку, или проверять рыболовные сети, или идти на охоту и настрелять зайцев и куропаток, а дежурным по брандвахте следить за порядком и чистотой. Рыбная ловля – наиболее трудоемкое занятие, так как сети стоят подо льдом, лунки глубоко промерзают и нужно всякий раз долбить лед. Однако люди занимаются этим с большим удовольствием. Добываемая рыба и дичь примечательно разнообразят рацион питания. Этому способствуют и осенние заготовки грибов и ягод.

Бригада оберегает Анну Моисеевну, старается ее не перегружать и все, что может, делает сама. А она не остается в долгу: печет вкусные пирожки и булочки, готовит, как для себя бы дома готовила, следит за тем, чтобы работнички могли бы в любой час попить или поесть горяченького. Когда она отдыхает, ее подменяет помощница Екатерина.

По окончании «пятиминутки» Василий Иванович направляется обычно в свою комнату, расположенную в конце длинного коридора, и по пути заглядывает в урны – не накопилось ли мусора? Осматривает он и общественные помещения. Всюду идеальная чистота – не сразу это далось – вся обувь стоит в отведенном месте, а по количеству пар тапочек легко можно определить, сколько человек ушло на смену. Когда же брандвахту посетил министр, то и его попросили снять обувь и походить в тапочках. Ему это понравилось. Он сам, мол, очень любит порядок, да и ноги отдохнут. После обхода угостили министра чаем и пирогом с брусникой. Не позволили только посуду мыть за собой, как делали все обитатели.

Министр остался доволен не только тем, как живут люди, но и их работой. Он сказал, что такой опыт освоения отдаленных районов страны нужно всячески распространять.

Похвала высокого начальства прибавила бодрости всему коллективу. Значительно легче работать в лютую стужу, когда тепло на душе. То, что налажено, что хорошо – есть залог успеха. Поэтому желание лучшего может оказаться врагом хорошего...

Взбрело кому-то в голову произвести реорганизацию в самый разгар работы. Исходя из географического принципа, передали образцовый участок в ведение другого управления треста «Запсибгидрострой». Внешне все продолжало идти своим чередом, но лица людей стали унылыми, исчезли шутки и смех. А все потому, что приехал один из новых начальников, скривил губы и сказал:

– Какое мне дело до того, что министру тут что-то понравилось. А мне не нравится. Темпы меня не устраивают, и не надо спирать на мороз. Просто вы тут без надлежащего надзора и пользуетесь бесконтрольностью, отсиживаетесь у печки, а высокая выработка – это липа. Вам бы только ухватить свою кость.

Он и дня не побыл, чтобы все своими глазами посмотреть и убедиться в обратном. Устроил разнос и тут же улетел на вертолете. Вот почему настроение у всех было отвратительным.

После очередной «пятиминутки» Василий Иванович, изменив своим правилам, напрямик прошел по коридору в свою комнату, уселся против окна и задумался, уставившись в одну точку. Этой точкой была на противоположном берегу реки куча пищевых отходов. Вокруг нее постоянно крутятся куропатки, а по ночам прибегают голодные песцы, чтобы насытиться и унести кость.

«Получается, что начальник приравнял нас к песцам», – горестно думал бригадир.

За его спиной скрипнула дверь, и зашел мастер, Юра Литовченко. Он был моложе Василия Ивановича почти на десять лет, в то время как бригадиру недавно исполнилось тридцать пять. Юра считал, что и порядок, и дисциплина, и климат дружелюбия на брандвахте – это в первую очередь заслуга бригадира, что у него есть чему поучиться.

– Я так и думал, – сказал мастер, – растравил себя и сидишь мучаешься. Плюнь на это недоразумение!

– Плюнуть, говоришь? – зажегся Василий Иванович. – Нам всем в душу плюнули, а я должен это так просто оставить? Ну нет, дудки! Какой я бригадир, если этот плевок не смою? Видел, с каким настроением люди работают? В трест полечу. И если там не поймут, не поддержат, то обратно не вернусь.

– Это ты горячишься, Василий Иванович! Все хорошо знают, как мы работаем, и министр видел, и в тресте не дураки сидят.

Вспомни, отбросив обиды, о чем мы мечтали год назад? Построить порт на дальнем Севере! А теперь что? Прахом эти мечты?

– Ну ладно, успокоил, – примирительно сказал бригадир, но только в трест все равно полечу. А там будет видно...

Через несколько дней прилетел вертолет с материалами из Сургута, и, пока шла выгрузка, Василий Иванович стал торопливо собираться, чтобы не опоздать к отлету.

– Ну, ты там без лишнего... – напутствовал Литовченко. – Не горячись, так лучше поймут.

– Не беспокойся, все будет в ажуре, – пообещал бригадир, – а ты тут спуска не давай, чтобы порядок был.

Они пошли к вертолету, а вслед за ними последовали чуть ли не все обитатели брандвахты.

Махнув рукой провожающим, Василий Иванович влез в вертолет. Тут же захлопнулась металлическая дверь, взревел мотор, и снежная колючая пыль волною ударила в лица людей. Машина оторвалась от земли и зависла метрах в десяти, словно раздумывая – лететь дальше или вернуться? Потом, будто надумав, быстро устремилась в небесную высь.

Василий Иванович, прильнув лицом к иллюминатору, старался сквозь снежную завесу разглядеть лица своих товарищей. О чем они сейчас думают? Но внизу, на белом полотне, были видны только темные пятнышки. Постепенно они становились все меньше и меньше, пока не превратились в едва различимые точки. А каждая точка – это живая душа.

БАРАНЫ

Сказка

Жили на одном дворе бараны. Стриг их хозяин нещадно, даже в зимнюю стужу, кормил гнилым сеном и не разрешал выходить за ворота.

Повадился к тому двору волк ходить и соблазны говорить: «Баранушки-братанушки, не надоело ли вам гнилье жевать? Отворите ворота, пойдите на луга и свежей травки пощипите».

Послушались его бараны: отворили ворота, разбрелись по лугу и стали наслаждаться свежей травкой.

Подкрался волк к одному из баранов, который далеко в сторону забрел, набросился на него и съел. А шкуру в ручей бросил.

Вернулись вечером бараны на свой двор, сгрудились в кучку, один к одному, опустили головы и стали думать: «Куда же девался братан?» Так до утра и продумали, пока хозяин не пришел. Он им и говорит:

– Ослушались вы запрета моего – вот и не досчитались своего братана-барана. Обманул вас волк. Впредь думать надо.

– Хорошо, – отвечают бараны, – будем думать.

Пожевали они гнилого сенца, сбились в кучку, опустили головы, и весь день продумали стоя.

На следующий день опять пришел волк и стал соблазнять:

– Братанушки-баранушки, каково вам гнилье жевать? Или не по вкусу травушка-муравушка? Отворите ворота и идите на лужок травку щипать.

– Ну нет, – отвечают бараны, – не пойдем. Вчера братан наш не вернулся. Хозяин говорит, что ты его съел.

– Не верьте своему жадному хозяину, – говорит волк. – Ваш братан сам не захотел возвращаться на двор к гнилому сену. Захотел он жить на воле, на лугу обильном. Если мне не верите, сами сходите к братану и спросите его.

Поверили бараны волку, открыли ворота и разбрелись в поисках братана. А того барана, который дальше других забрел, волк задрал и съел. А шкуру опять в ручей бросил.

Вечером вернулись бараны на двор и не досчитались второго братана. Сбились они в кучку, опустили головы и до утра думку думали – куда же братаны подевались?

Пришел утром хозяин к баранам и говорит:

– Не послушались вы меня – вот и съел волк второго братана. Думать надо!

– Хорошо, – отвечают бараны, – будем думать.

Как только хозяин ушел, тут же волк объявился и спрашивает:

– Братанушки-баранушки, почему на лужок не идете свежей травки пощипать? Почему ворота не открываете?

Отвечают бараны:

– Не хотим мы за ворота выходить. Ты и так уже двух наших братанов съел.

– Догадываюсь, – говорит волк, – это хозяин на вас страху нагнал. Не хочет он, чтобы вы в сытости жили. А ваши братаны живы да здоровы, обрадовались встрече и попросили меня привести вас всех вкусить вольготной жизни.

Поверили бараны волку, открыли ворота и отправились за ним следом. А хитрый волк еще накануне яму глубокую в лесу приметил и укрыл ее сверху ветками. К этой яме он и повел братанов-баранов, в которую они все и угодили.

Вот так-то!

Бараны – они всегда бараны.

РОССКАЗНИ, НАБЛЮДЕНИЯ, ЗАРИСОВКИ

РЕЦЕПТ

У меня есть подозрение, что рассказчик эту историю где-то вычитал. Но он божится, что сам был свидетелем, а если где и пропечатано, то с его слов...

Произошло это в начале века, еще до революции, когда нищета мужицкой деревни пугала каждого городского жителя. Пугала она и доктора, у которого не было бумаги, чтобы выписать рецепт.

Он возмущался беспорядками, проклинал начальство и посылал его ко всем чертям, прислушиваясь, как стонет на печи баба.

Доктор был в растерянности. Он почесал в затылке карандашом и положил его обратно в карман. Тогда мужик принес уголек и попросил написать рецепт на двери. Доктор написал и ушел, а мужик снял дверь с петель, взвалил на телегу и повез в город к аптекарю.

ВОЛКИ

А еще поведал мне тот же старик забавную историю на уроке в деревенской школе.

Учитель рассказывал:

– По лесной дороге ямщик вез барина. Барин задремал. Вдруг ямщик заметил, что их преследуют волки, и погнал лошадей. Но волки не отставали, они приближались, и даже было слышно, как

они дышат. Барин пробудился и задрожал от страха, а ямщик вскочил верхом на лошадь, обрезал постромки и ускакал.

Один из учеников возразил:

– Да не ускакал он!

– Как же не ускакал? – удивился учитель. – Я ведь сказал, что ускакал он.

– Не-е-е, не ускакал, – упрямо повторил ученик. – Постромки-то он обрезал, а повод от коренника забыл отвязать.

ЗАПОВЕДЬ

Отец уходил на войну. Он посадил малолетнего сына на свое большое колено, взял его за подбородок и, заглядывая в глаза, сказал:

– Запомни, сынок, то, что я тебе сейчас говорю. Прежде всего, на первом месте, у настоящего человека бывает Родина, на втором – мать, а уже только на третьем – невеста.

Сказал и ушел.

Погиб отец, вырос и погиб сын, сражаясь за Родину, а внук растет – и заповедь деда крепко сидит в его голове.

ЧЕРНАЯ БУРЯ

Утро было свежим и ясным, в небе ни одного облачка, солнце, раскаляясь, пустилось в свой обычный дневной обход. Город высыпается, и каждый горожанин говорит сам себе: «Вот будет благодатный денек!»

Но внезапно теплой волною налетает степной ветер. Первый порыв... Второй... И вот уже черными столбами загуляли вихри по пыльным дорогам. Заскрипел на зубах песок, жаром перехватило горло. Все небо посерело, а солнце истаяло, как кусочек масла.

Черная буря – это новая беда.

ЖИВЫЕ СТОЛБЫ

Даже для тех, кому хорошо знакомы привольные степи, это может показаться удивительным явлением. Представьте себе, что, насколько хватает глаз, вы видите несметное количество серых подвижных столбов. Первая мысль, которая возникает, – что это мираж. Но, протерев глаза, убеждаетесь в реальности виденного.

Решение загадки приходит само собой, в нескольких шагах. Вглядевшись, вы вдруг обнаруживаете мириады мошек, кружащихся в страшном смерче. Они не могут вырваться из заколдованного круга и возносятся высоко вверх.

По земле ползет и изгибается живой столб.

КАЛЕКА

На тротуаре, спиной к парковой ограде, сидит нищий, вытянув ногу с протезом. Для приема подаяний лежит на земле шапка. Скороговоркой он повторяет одно и то же:

– Пожалее-йте калеку! Четыре ноги, четыре руки, два языка. Устанут две ноги – иду на двух других. Четырьмя руками пишу сразу четыре прошения. Один язык устанет говорить – говорю другим. Подайте-е на пропитание-е...

ПЕРЕД ЭКЗАМЕНОМ

Погодка хоть куда, благоприятная. В такую балкон предпочтительнее комнаты общежития.

Многие студенты сидят на балконах парами, спиной друг к другу, и зубрят, упершись лбами в перила. Книга или тетрадь лежит на коленях. Некоторые устроились более комфортабельно: завесились одеялом или вытащили на балкон матрац. Там-сям можно увидеть или голую ногу, или руку, свесившуюся из-за сквозной железной решетки.

НЕДЕЛЯ ВЕСНЫ

Радостно, когда прилетают грачи. Они похожи на монахов, ходят важно в саду между кустов.

А вороны ведут себя растерянно и вразброд. Особенно в первый по-настоящему весенний день. Сядет ворона на дерево и тут же слетает на землю, а на земле не знает – что дальше ей делать, и потому снова взлетает на дерево. Однако через два-три дня они уже более организованны: усядутся на деревьях головой к солнцу и призывно кричат до самого вечера.

Галки более легкомысленны, чем вороны: выберут одно дерево, хотя рядом и другие есть, и рассаживаются на нем, невзирая на стороны света. Но зато они прилетают семьями и очень общительны.

А сорока ведет себя как наблюдатель. Походит, походит по дорожке, потом взлетит на ветку и застрекочет.

Говорят, если сорока в городе – жди еще холоду.

ВОРОНЫ И ЯСТРЕБ

Вороны гнались за ястребом. Налетая с двух сторон, они били его крыльями и старались ущипнуть. Ястреб ловко уходил от ударов и не менял избранного направления.

СТРИЖИ

Стрижи громко кричат по вечерам. В наступающих сумерках они гоняются за мошкаррой и кормят птенцов.

ВОРОБЕЙ

После дождя воробей садится на сухой сучок или под стреху и звонко чирикает. В отличие от многих сухопутных птиц, воробей очень любит купаться.

УЖ И ЛЯГУШКА

Лягушка раздулась и была чуть жива. Уж обвил ее кольцами и высасывал кровь.

ГАДЮКА

Гадюка плыла через реку, выставив из воды головку столбиком. Я погнался за ней на лодке, но она успела ускользнуть в камыши.

ВОРИШКИ

Странная психология у рыболовов. Например, живут они у одного водоема, но на противоположных берегах. Чего проще – взял удочку и лови со своего берега. Так нет – тянет каждого на другую сторону, будто там рыба клюет лучше. Садятся рыбаки в

лодки и плывут навстречу друг другу, а в итоге результат одинаковый. Уж если нет клева, так нет его на любом берегу. Значит, рыба в глубину ушла и следует ждать перемены погоды.

Я никогда не поддаюсь подобной иллюзии, всегда рыбачу на своем берегу, обустроив его соответствующим образом. Соорудил небольшой помост в виде пирса на деревянных сваях и ежедневно разбрасываю там приманку, чтобы приучить рыбу к одному месту.

В конце пирса, где поглубже, я ловлю удочками, а вдоль настила поставил сеточку десятиметровой длины. Маленькая, да удаленькая, и хлопот никаких, и лодочка не нужна. Пройдешься в костюмчике по досточкам, соберешь «урожай» – вот и все хлопоты.

Однако – это только прелюдия. Рассказ впереди...

Посидеть на помосте с удочками – одно удовольствие. Но не только от того, что рыбешку выловишь, а и от общения со всякой живностью, которая тут обитает не один год. Ты их не тревожишь – и они тебя не боятся, привыкли. Мало того, начинают даже наглеть и вмешиваться в твои дела. Но я не против, мне это нравится.

Уже много лет соседствует со мною ондатра, мать большого семейства. Каждое лето выращивает она по пять-семь детенышей. Трудно ей приходится, всегда в заботах. То и дело проплывает мимо меня с пучком осоки в зубах, кормит ею своих ондатриков.

Подсмотрел я однажды, как ондатра заготовки делает. Сначала настрижет острыми зубками побольше былинки, потом сложит одну к одной – вот и готов аккуратный пучок.

Но, видимо, не только я наблюдал за нею, но и она за мной. В этом я скоро убедился, уйдя как-то с помоста и оставив в воде садок с рыбой. Когда я вернулся, то застал воришку врасплох. Выскочила она из садка с добычей и уплыла. С этого случая я стал оставлять для нее гостинцы. Более всего ей нравился хлеб. Благодаря хлебу у нас возникли более доверительные отношения.

Как только наступало время вечерней зорьки и я выходил на помост с удочками, ондатра тут же появлялась из-за островка и начинала выделывать кренделя между поплавками. Я бросал ей дань – кусочек хлеба. После этого она оставляла меня в покое.

Но однажды ондатру не удовлетворила мелкая подачка. Она заплыла под помост, забралась там на перекладину, просунула нос в отверстие от выпавшего сучка рядом с моею ногой и стала хлестко бить хвостом по доскам, предъявляя известное требование. Получив краюшку хлеба, она умчалась торпедкой в сторону своего жилища, из которого возвратилась столь же быстро и снова застучала хвостом.

Так продолжалось до тех пор, пока у меня не иссяк продовольственный запас. Тогда я ушел в дом, оставив на помосте рыбку.

Прошло немного времени, и у ондатры появился конкурент. Это была ворона, тоже моя старая знакомая. Ее птенцы, которые еще учились летать, не раз попадали в мои руки. Я их спасал от кошек и собак и возвращал крикливой мамаше.

Вот эта самая ворона поразила меня своей удивительной находчивостью. Придя как-то утром на берег, я обнаружил, что вся сеть выбрана на помост, а на досках всюду сверкают серебристые чешуйки и валяются рыбные останки.

На следующий день я встал пораньше, чтобы выяснить причину разбойного нападения. И увидел невероятное...

На пирс прилетела моя знакомая с двумя воронятами. Не теряя времени, мамаша деловито зашагала вдоль кромки настила и завертела головкой, заглядывая в воду то одним, то другим глазом. Высмотрев рыбешку, ворона подхватила клювом сеть и стала быстро выбирать ее, укладывая слоями, пока не вытащила добычу. Клюнув рыбку в голову, она уступила место прожорливым воронятам, и продолжила поиск.

На следующее утро ворона выглядела растерянной, так как я отодвинул сеть подальше от края. Но когда сам проверил сеть, то оставил на помосте гостинец.

КЛАРА

Клара – это серая ворона, умная и преданная. Кларе было пять лет, так что вся жизнь у нее была впереди – ведь вороны живут долго. Еще в раннем детстве ее приютил старенький катер-буксир «Кормилец», который каждую навигацию неустанно таскал баржи по широкой и, казалось, бесконечной сибирской реке Оби. На «Кормильце» протекло желторотое детство Клары и миновало четыре коротких, но благодатных щедротами лета.

Самым родным и любимым для Клары был шкипер Тальян, который выкормил и вырастил ее, проявляя повседневную заботу. Любила она и собаку Юльку, рыжеватую лайку, с которой установились приятельские отношения. Когда буксир стоял у пристани, Клара и Юлька с раннего утра томилась в ожидании появления своего хозяина. Юлька обычно лежала на палубе, вытянув морду в сторону выхода из каюты, а Клара беспокойно прохаживалась по лееру, поглядывая то одним, то другим глазом на ту же дверь.

Обычно в то время, когда край багряного солнца выползал из дымки озер и болот, а нетерпение Клары и Юльки достигало предела – первая начинала каркать, а вторая тихонько повизгивать, – появлялся худощавый и высокий, как шест, Тальян, в трусах и тельняшке, босиком и с брезентовой сумкой на боку.

– Кар-р, – мягким, доброжелательным тоном приветствовала его Клара и, перебирая цепкими лапами по лееру, перемещалась бочком к Тальяну, чтобы взять из его рук традиционный кусочек сыра. А Юлька вскакивала, обнюхивала сумку, помахивала кольцом-колечком и, мелодично, по-семейному, потягивая, ожидала, когда получит предназначенную ей кость.

Быстро расправившись с сыром, Клара затевала игру. Она делала вид, что хочет отнять у Юльки кость. Подскакивая сзади, она дергала собаку за хвост, а когда та оглядывалась, наигранно рыкая, Клара подскакивала к кости и успевала ее клюнуть.

Однажды, наблюдая за игрой своих любимцев, Тальян стоял спиной к береговому трапу, расставив широко ноги и растянув рот в улыбке увлеченного ребенка.

– Кр-расиво живете! – раздался вдруг с трапа неприятный гортанный голос, заставший врасплох мирную компанию.

– Кар-р, – громко и возмущенно каркнула Клара, взлетев на рубку.

Тальян и Юлька оглянулись и увидели Катерину, у которой кроме пустых ладоней ничего не было, а нос был пренебрежительно сморщен. Это явилась жена шкипера, чтобы испортить всем настроение.

Клара не любила Катерину, которая своим длинным носом и черными волосами очень напоминала ворону, но совсем другого рода.

Обычно, рокоча мотором, буксир рассекал стремительные воды, а Клара, устроившись на крыше рубки, прочищала свои упругие перышки и зорко посматривала по сторонам. Если к катеру приближалась лодка, Клара громко и тревожно предупреждала о появлении посторонних. Это забавляло экипаж. Люди относились с большой симпатией к вороне и пользовались взаимностью.

Но приходил конец доброму лету, и наступали тоскливые, голодные, неприкаянные дни. Веселые воды сковывало льдом и все засыпало снегом. На береговой песчаной отмели сиротливо, как странное чудище с пустыми глазницами, покоился «Кормилец».

Зимой Клара поселялась неподалеку в лесочке, так как Катерина запретила держать ворону в доме. Ежедневно Клара прилетала к буксиру и, сидя на леере, ожидала Тальяна. Шкипер неизменно приходил туда вместе с Юлькой, кормил Клару, а потом они втроем отправлялись гулять. Перелетая с места на место, Клара сопровождала всюду своих друзей и даже провожала до самого дома.

Так бы никогда и не кончилась эта история, если бы вдруг Клара не исчезла. Стала ли она жертвой охотника или с ней другое что-то случилось – неизвестно. Во всяком случае, просто так она не могла улететь. Она не могла предать.

ПТАХА

На улице свирепствовал сибирский мороз, а в моем кабинете было жарко. Поэтому форточка часто была открыта, и однажды в нее влетела птаха. Быть может, это была синичка, но я плохо разбираюсь в маленьких птичках, отчего называю ее просто птахой.

Ее появление скрасило мою будничную работу. Я накрошил ей на полу хлеба и поставил блюдце с водой. Птахе это понравилось. В течение дня она прилетала несколько раз. Поклюет хлебных крошек, попьет водицы, попорхает по кабинету – и снова на улицу выпорхнет.

Вскоре птаха так привыкла ко мне, что стала прогуливаться по письменному столу, за которым я сидел, а то еще и похлеще – запрыгнет на край стакана и пробует мое питье.

Так продолжалось всю зиму. А когда за окном зазвенела весенняя капель, птаха исчезла.

ПИП

Его принесла кошка Ася на крыльцо дачного дома. Я разжал ей зубы, отобрал полуживого цыпленка и поместил его в коробку. Цыпленок полежал-полежал и встал на тонкие ножки. Живучий оказался! Не прошло и часа, как он стал пить воду и клевать пшено. Тогда я решил увеличить ему жизненное пространство и соорудил манеж из кроватной сетки.

Цыпленок оказался очень подвижным, быстро подрастал, и скоро стало ясно, что это петушок. Созвучно громким попискиваниям я назвал его Пипом.

Наша собака Лотта, западно-сибирская лайка, проявляла особый интерес к Пипу и постоянно крутилась возле манежа, поскуливая и роя подкопы, чтобы освободить узника. Как-то ей это удалось. Пип выскочил через отверстие и забегал по тропкам между грядками. Лотта носилась за ним следом, припадала на передние лапы, полаивала, но не причиняла вреда. Поймав Пипа, я водворил его в манеж, а Лотту слегка поругал.

Через некоторое время, когда Пип подрос, я его переселил в теплицу, где выращивал огурцы. Пип разгуливал между кустами, выщипывал сорняки и склевывал вредителей растений. А когда я заходил в теплицу с зерном, он взлетал и запрыгивал ко мне на колени.

С каждым днем Пип вырос и становился отчаянно храбрым петушком. Даже Ася стала его побаиваться и сторониться. А

с Лоттой у них установились приятельские отношения. Пипу была предоставлена полная свобода: он мог разгуливать не только по всему участку, но и в доме. Когда Лотте ставили миску с едой, Пип тут же подскакивал и они вместе ели из одной посуды. Бывало и так, что Пип норовил отнять у Лотты кость, преследуя ее и подскакивая сбоку. Но и в таких случаях Лотта не рыкала на него, а старалась скрыться от преследователя. Когда же Лотта разваливалась на полу, Пип умащивался рядом с нею. Лотта принимала его охотно и вылизывала языком жесткие перышки.

Так мы жили в дружбе до тех пор, пока Пип не лишился головы.

Суп из Пипа ели все, кроме меня и Лотты.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Книга «Эхо времен» является продолжением моей первой книги «Россыпь», изданной в 1997 году в Санкт-Петербурге. Оба издания содержат в себе «россыпь» стихов и прозы, написанных в разные годы, но преимущественно в Западной Сибири, в Сургуте.

Многие произведения публиковались ранее в периодических изданиях, и теперь созрела необходимость собрать их в единое целое. Первым толчком послужил 20-летний юбилей треста «Запсибгидрострой», который я создал, будучи его первым управляющим.

В 2002 году грядет 25-летие треста, и «Эхо времен» будет одной из его вех. Поэтому в книгу включены посвящения моим бывшим соратникам и друзьям по работе. Пусть это будет им доброй памятью о годах сотрудничества в строительстве причалов и портов всего Западно-Сибирского региона. О тех же, кого уже нет в живых, мы будем чаще вспоминать, имея эту книгу.

Большую благодарность в издании книг я выражаю моему коллеге, генеральному директору ЗАО «Запсибгидрострой» Виктору Викторовичу Гончарову.

Олег Рихтер

СОДЕРЖАНИЕ

О себе	5
СТИХИ 1950 – 2001 гг.	
Пролог	17
РОДИНА	
Планета – дом, а Родина – душа	18
Родина	19
«Сибирью Русь глаза мои открыла...»	20
«Если б с детства меня...»	21
Перемены	22
Планетарная мечта	23
Думка Люцифера	24
Вера	25
Ностальгия	26
Дороги	27
Зимушка	28
В зимнем лесу	29
«Оскалив пасть, волк заслонил волчицу...»	30
«Удивительно в апреле...»	33
«Когда из мрачных туч...»	34
Майская весна	35
Озарение	36
Наитье	37
Призрак	38
Неотвратимое	39
Гражданин	40
«Есть диво – это ночь!»	41
Экстаз	42
Поэт	43
Рождественская ночь	44
«Над деревней месяц бродит...»	46
СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ	47
ЛИРИКА	
«Спой, моя хорошая...»	52
В пути	55
Моей жене	56
Пробуждение	57

«Дни мгновенны, скоротечны...»	58
«Я знаю, любимая, знаю...»	59
«Догорал костер скупыми искрами...»	60
«Ветер весенний, пылкий и нежный...»	61
Девчонке	62
«Печально и, пожалуй, странно...»	63
«Чувства весьма таинственны...»	64
«В буднях казался весь мир уменьшенным...»	65
«Отчего весенний цвет...»	66
Весною	67
«За стеною беснуются вьюги...»	68
«Брожу один вдоль улиц темных...»	69
«Я помню чудное сиянье...»	70
«Снова волны плещутся у ног...»	71
Апрель	72
«Бушует мартовская вьюга...»	73
«Я жизнь хочу прожить...»	74
«Эта ночь заклеимила меня...»	75
«Прощай, – мне говорят цветы...»	76
Мелькнувшее	77
«Поле все усыпано цветами...»	79
«Я мало ценил эту осень...»	80
«Эта комната... листья осенние...»	82
«От Зари спешим, спешим...»	83
«На рейде дремлют корабли...»	85

СТИХИ СЕМЕЙНЫЕ

Лында	87
Савраска	88
Новогодняя рихтерня	90
О судьбе сказочных героев	92
Рождение	94
Лесные заботы	95
«Туда, где свет в окошке...»	97
Мороз	98
Сибирская сказочка	99
Запоздалый гость	101

СТИХИ С ВЕРХНЕЙ ПОЛКИ

«Нет жизни вольготной и праздной...»	102
«Тот, кто поэтом не был...»	103
Гнет	104
Рубеж	105
«Пускай не вышло... И не надо...»	106

Новый русский	107
«Старый год опечален разлукой...»	108
«Дремуча испокон веков...»	109
«Отрубить, быть может, руки...»	110
«Нет аксиом – все в жизни спорно...»	111
«На московских улицах холод...»	115
«Дремлет старый бревенчатый дом...»	116
В буране	117
Отчаяние	118
На Сахалине	121
Возвращение	122
«Не пленил меня Крайний Север...»	123
Днепряне	124
Арбат	125
«Пространство начертало три нуля...»	126
Друзьям	127

ОЗОРНОЙ ПОДВАЛЬЧИК

Самокритика	128
«Без настоящего таланта...»	128
«За крепким поясом штанов...»	128
Превосходство	129
Скрытная Моська	129
Случай с поэтом	129
Калейдоскоп коллектива	130
Управляющий	130
Хорошая мысль	130
Сухой закон	131
Разделение функций	131
«Друг оправдание нашел...»	131
Другу	131
«Нет на Земле сильнее страсти...»	131
«Приснилась мне такая штука...»	132
«Не только о семье заботы...»	132
Загадка	132
Пионер	132
Антитеза	133
Симметрия	133
«Под небом мироздания...»	133
О взятках	134
Елочка	135
Двуличие	135
Дачное страдание	137
Назревшая перестройка	138

«Не хлопайте, дуры, в ладоши...»	140
Ужасики	142
Наивная песенка	143
Сожаление	144
К духу Есенина	145
«Море похотливое...»	146
Женский бунт	147
Присказки	148
Астрологические вирши	149
Новогодние советы	152
Анонимоман	154
Редактору	156

ПОСВЯЩЕНИЯ

Милость судьбы (В.Гончарову)	157
«Годы-годы...» (А.Д.Оржевской)	158
Соратнику (Г.Варфаломееву)	159
Апофеоз (В.Шевцову)	160
«Вам безнадежно мало лет...» (Светлане Ч.)	161
«Жизнь немыслима без стрессов...» (А.Бакланову)	162
Интеллектуальное снабжение (Т.Матюкевич)	163
Ветеранам войны	164
Актер	165
«Не все грузины родились...» (С.О.Срабоняну)	166
Газета (редакции газеты «Сургутская трибуна»)	167
«Хорошо ходить по горам...» (А.Обертынскому)	168

ПРОЗА

Эхо времен (эссе)	171
О «родословной» Ермака и его имени	199
Сказка монаха Саввы	208
Игрек (детектив)	228
Агония холостяка	275
В глуши	283
Холостяк	292
Опасное дыхание	297
Терпение	301
Драма (бытовая сценка)	303
На Ямбурге (очерк)	307
Бараны (сказка)	311
Росказни, наблюдения, зарисовки	313
Послесловие	322

ISBN 5-93278-020-7

Олег Борисович Рихтер

«Эхо времен»

**ОАО «Сургутнефтегаз»
Рекламно-издательский информационный центр
«Нефть Приобья»**

Лицензия ИД № 04570 от 20 апреля 2001 г.

Набор и верстка **Компьютерный отдел
РИИЦ «Нефть Приобья»**
Корректор **С.М.Анфиногенова**

Сдано в набор 22.03.2001 г. Подписано в печать 08.10.2001 г.

Бумага офсетная. Формат 84x108/32.

Гарнитура Thames. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 17,25. Тираж 500 экз. Заказ № 1794-2001.

Почтовый адрес:

628400, Тюменская область, г. Сургут, ул. Магистральная, 19а.

X

98632004
Окружная библиотека

